

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

МЮНХЕН

1938

Падение в бездну
Второй мировой

МЮНХЕН-1938

**Падение в бездну
Второй мировой**

КУЧКОВО ПОЛЕ

**Москва
2018**

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)61
М98

Под общей редакцией генерального директора
Института внешнеполитических исследований и инициатив
Вероники Крашенинниковой

Ответственный редактор
Олег Назаров

М98 **Мюнхен-1938:** Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под
общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. — М.:
Кучково поле, 2018. — 272 с.: ил. — (Реальная политика)

ISBN 978-5-9950-0932-0

Мюнхенский сговор 1938 г. стал ключевым эпизодом на пути развязывания Второй мировой войны. Как и почему образцовые демократии Великобритании и Франция пошли на соглашение с фашистскими режимами Германии и Италии и принесли в жертву союзное государство Чехословакию? Каких результатов ожидали «имперские снобы» — и какие получили? Почему главный западник Чехословакии президент Эдвард Бенеш так и остался чужим для Запада? Что мог сделать и делал СССР в ситуации, когда назревала большая война, а один его союзник предавал другого? Как передавалась эстафетная палочка национального чванства от старых империй — к новым? Мюнхенский сговор преподнес тяжелые уроки Европе и всему миру: усвоить их или повторить старые ошибки — этот выбор стоит перед политиками и обществами сегодня.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Европы и Второй мировой войны.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)61

На обложке изображен памятный медальон, выпущенный Третьим рейхом после подписания Мюнхенского соглашения. На лицевой стороне медальона профили А. Гитлера, Б. Муссолини, премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена и премьер-министра Франции Э. Даладье. За спиной Гитлера — голубь мира с оливковой ветвью.

На оборотной стороне медальона (4-я сторона обложки) изображена рабочая резиденция Гитлера и под ней герб Мюнхена, на котором в 1936 году традиционный лев был заменен на имперского орла со свастикой. Мюнхен в нацистской идеологии занимал важное место как «столица движения».

ISBN 978-5-9950-0932-0

© Институт внешнеполитических
исследований и инициатив, 2018
© ООО «Кучково поле», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередная книга в серии «Реальная политика» обращается к одному из ключевых эпизодов на пути ко Второй мировой войне — Мюнхенскому сговору. 29 сентября 2018 г. эта позорная страница европейской истории отметит свое 80-летие. В рамках «борьбы за историю» западные политики и эксперты предпочитают избегать разговора о ключевых результатах политики «умиротворения агрессора», проводившейся их державами в 1930-е гг.

Разбираться с Мюнхенским сговором взялись мы. Коллектив известных российских и зарубежных историков под руководством доктора исторических наук Олега Назарова рассмотрел главные аспекты Мюнхенского соглашения, основываясь на архивных документах, мемуарах участников событий и прессе тех времен. Этот сборник, созданный на документальной основе серьезными учеными для широкой аудитории призван вооружить политиков, журналистов и неравнодушных к отечественной истории граждан России фактами и аргументами для борьбы с фальсификаторами.

Почему мы возвращаемся к предвоенной Европе, в чем актуальность тех давних событий? События, может быть, и давние, но задачи, стоявшие тогда перед советской дипломатией, поразительно похожи на сегодняшние. Вы будете поражены тем, как часто и настойчиво Советский Союз в те годы призывал к созданию **системы коллективной безопасности** — эти же самые слова Россия повторяет беспрестанно на протяжении последнего десятилетия. Гигантский труд советской дипломатии по построению альянса против растущей мощи фашизма дал лишь частичные результаты. С таким же трудом Россия сегодня убеждает западных партнеров в необходимости коллективной борьбы против главной современной угрозы — терроризма. В те времена «глухота» к советским призывам объяснялась намерением западных держав направить мощь гитлеровской Германии против СССР. Зная эту историю, даже не удивляешься, что сегодняшние претенденты на пост властителей мира не

желают отказываться от терроризма как инструмента дестабилизации государств и смещения неудобных правительств.

Есть и еще одна важная параллель. «Умиротворение» германского агрессора стало в 1930-е гг. стратегическим курсом западных держав. При всех очевидных исторических различиях, роль современного агрессора взяли на себя Соединенные Штаты. В однополярном мире первый опыт инициативной неспровоцированной агрессии реализовал Билл Клинтон, начав бомбардировки Югославии. Затем, под предлогом терактов 11 сентября 2001 г. Америка убежденно встала на тропу войны: Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, регулярные угрозы, провокации в отношении Ирана и Северной Кореи — и это не считая «обычного бизнеса» проведения государственных переворотов и военных операций в десятках государств. И теперь, словно вашингтонская реальность решила превзойти карикатуру вооруженного до зубов в погоне за долларами Дяди Сэма, на мировой сцене орудует Дональд Трамп.

На протяжении двух десятилетий государства Западной Европы и других регионов поспешно и услужливо «умиротворяли» Вашингтон — путем военного и финансового участия в американских авантюрах, получая и свою долю украденного пирога. Смогут ли они теперь прекратить «умиротворение» Америки? Или в очередной раз приспособятся в надеждах, что перепадет и им? История не дает нам позитивных прецедентов. Но при президенте Трампе готовность услужить Вашингтону у Западной Европы явно уменьшилась. Станет ли этот тренд стратегией после Трампа? Вероятность невысока.

Огромная благодарность нашему давнему партнеру издательству «Кучково поле» и лично Георгию Эдуардовичу Кучкову за высокое качество их работы, за скрупулезное внимание к деталям и творческий подход к делу.

Выражаю глубокую признательность Олегу Геннадьевичу Назарову и каждому из авторов за их высокопрофессиональный научный подход и неустанную борьбу за истину. Их материалы — результат десятилетий кропотливого исследовательского труда в тиши кабинетов и архивов. Они проделали огромную работу, собрав факты и аргументы, представленные в этой книге.

Дорогой читатель, теперь ваша очередь продолжить борьбу за истину — пользуйтесь этой информацией.

*Вероника Крашенинникова,
член Общественной палаты РФ, заместитель председателя Комиссии
по развитию общественной дипломатии, гуманитарному сотрудничеству
и сохранению традиционных ценностей, генеральный директор
Института внешнеполитических исследований и инициатив*

Раздел Чехословакии осенью 1938 г.

Раздел Чехословакии в марте 1939 г.

МЮНХЕНСКИЙ ПРОЛОГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

От ответственного редактора
Олег Назаров

Представленный на суд уважаемых читателей сборник статей посвящен Мюнхенскому сговору 1938 г. — ключевому событию на пути развязывания Второй мировой войны. Именно соглашения, заключенные в столице Баварии с фюрером Третьего рейха Адольфом Гитлером, премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье и лидером фашистской Италии Бенито Муссолини открыли путь германской агрессии. Получив Судетскую область Чехословакии, нацисты обрели огромные военные, материальные и людские ресурсы, что позволило им серьезно укрепить позиции Германии на международной арене и свою власть в стране. «Престиж Гитлера действительно взлетел на новую высоту»¹, — констатировал американский историк Уильям Ширер. А американский журнал *Time* («Время»), признавший Гитлера человеком 1938 г., написал: «Он порвал версальский договор в клочья. Он снова вооружил Германию до зубов — или почти до зубов».

О позорной мюнхенской странице собственной истории на Западе вспоминают крайне редко. Лишь некоторые исследователи имеют мужество непредвзято и всесторонне ее анализировать. К примеру, канадский историк Майкл Джабара Карлей написал интереснейшую статью (перевод к. и. н. Д. В. Суржика) с говорящим названием «“Только СССР имеет... чистые руки”: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934—1938)». Им был использован широкий круг документов, выявленных в архивах разных стран. Глубоко

проанализировав политику Великобритании, Франции и СССР, Карлей констатировал: «Чехословакия могла бы попытаться выйти из положения, изначально рассчитывая только на свои силы. Но Бенеш не относился к числу лидеров, которые могли бы вести страну в этом направлении. У Чехословакии не было более надежного союзника, чем СССР»².

Расхожим штампом западной и прозападной пропаганды является утверждение, что причиной Второй мировой войны стал Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанный 23 августа 1939 г. в Москве главами дипломатических ведомств гитлеровской Германии и СССР Иоахимом фон Риббентропом и Вячеславом Молотовым. На этом абсурдном утверждении, игнорирующем то, что план направленной против Польши операции «Вайс» был разработан немецкими военными еще в апреле 1939 г., а войска к польской границе за неделю перебросить было нельзя, строится «концепция» о двух главных виновниках Второй мировой войны. Ими объявляются Германия и СССР. Тем самым крупнейшие преступники в истории человечества и наши деды и прадеды, совершившие величайший подвиг и спасшие мир от «коричневой чумы», ставятся в один ряд. Некоторые западные политики идут дальше. К примеру, в 2014 г., накануне 75-й годовщины начала Второй мировой войны, представитель Еврокомиссии Марта Райхертс заявила, что ее развязала Россия.

Мифы циничных фальсификаторов истории, пытающихся переложить ответственность с западных политиков и дипломатов на Советский Союз, опровергнуты множеством надежно установленных фактов. Они давно извлечены из архивов, изложены и проанализированы в исследованиях серьезных и непредвзятых историков из разных стран³. Впрочем, это никогда особо не мешало западным и прозападным пропагандистам игнорировать неудобные для них документы и аргументы и продолжать с остервенением и пеной у рта клеймить «пакт Молотова — Риббентропа». Так, извращая официальное название документа, они именуют Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом⁴. Примечательно и то, что соглашение, которое 30 сентября 1938 г. с Гитлером заключил премьер-министр Великобритании Чемберлен, на Западе не называют «пактом Гитлера — Чемберлена». Декларацию о ненападении, подписанную 6 декабря 1938 г. Риббентропом с министром иностранных дел Франции Жоржем Бонне западные историки, политики и журналисты также не величают «пактом Риббентропа — Бонне». Здесь, как и по многим другим вопросам, они руководствуются «двойными» стандартами. Им неукоснительно следуют и в Эстонии, Латвии и Литве, где подписанные 7 июня 1939 г. в Берлине с Риббентропом германо-эстонский и германо-латвийский договоры о ненападении в Эстонии и Лат-

вии не называют «пактом Риббентропа — Сельтерса» и «пактом Риббентропа — Мунтерса»⁵.

Более того, о договорах, заключенных с гитлеровской Германией лидерами западных демократий, любители проклинать «пакт Молотова — Риббентропа» предпочитают вообще помалкивать. Что и неудивительно: воспоминания о подобных деяниях противоречат имиджу защитников свободы и демократии. Ведь если чуть-чуть приглядеться, то несложно будет увидеть на белоснежных одеждах, в которые так любят рядиться западные политики, несмываемые следы крови и грязи.

Принципиально важно то, что многие из пятен появились задолго до визита Риббентропа в Москву. Ведь если снять сериал на тему скатывания мира в пропасть Второй мировой войны, то серия о советско-германском договоре о ненападении окажется двадцатой, а может быть, тридцатой или сороковой. Очевидно, что истоки трагедии вселенского масштаба необходимо искать в событиях, произошедших задолго до 23 августа 1939 г. Начинать анализ надо с Версальского мирного договора 1919 г. Верховодившие в Версале Великобритания и Франция так мастерски нарезали новые границы, что недовольными остались почти все.

Не способствовало укреплению мира в Европе и решение по разделу Тешинской области между Польшей и Чехословакией, принятое 28 июля 1920 г. Советом послов. Поляки посчитали себя незаслуженно обделенными. Премьер-министр Польши Игнаци Падеревский заявил президенту Франции Александру Мильерану, что «решение, принятое Советом послов, создало между двумя народами пропасть, которую нельзя засыпать...»⁶. Польские политики и не собирались ее «засыпать», мечтая о реванше.

В одной из первых серий стоило бы рассказать о том, кто и как помогал Гитлеру придти к власти в Германии. Потом поведать о «Пакте согласия и сотрудничества», которые подписали 15 июля 1933 г. в Риме Великобритания, Франция, Италия и Германия. Если с руководителями Веймарской республики Лондон и Париж не спешили наладить равноправный диалог и обращались как с представителями побежденной державы, то с гитлеровской Германиею они стали разговаривать как с равной. Хотя «Пакт согласия и сотрудничества» не был ратифицирован Францией, главное не в этом. Подчеркнув то, что и «без ратификации Гитлер был введен в круг руководителей великих держав», дипломат и историк В. М. Фалин констатировал: «С тех пор ему ни в чем не перечили, его просили лишь не перегибать палку, по принципу — всему свое время. Стартовала “политика умиротворения”. Состоялась проба пера, которым через пять лет будет выведено пресловутое понятие “Мюнхен”».

“Пакт четырех” в этом смысле не эпизод, а знак качества, символизирующий переход Европы в другое состояние. Военным его не назовешь. Но и мирным оно тоже уже не было»⁷.

Затем надо было бы подробно рассказать о договоре, который 26 января 1934 г. заключили Польша и Германия. Экранизации заслуживает Гражданская война в Испании, на полях которой германские и итальянские войска получили ценный боевой опыт, а также захваты Италией Абиссинии (Эфиопии) и Албании⁸. Крайне интересной была бы серия о тайной встрече министра иностранных дел Великобритании лорда Эдуарда Галифакса с Гитлером 19 ноября 1937 г. В ходе секретных переговоров английский лорд не скрывал от фюрера Третьего рейха того, что при условии сохранения целостности Британской империи Лондон предоставит Берлину свободу рук в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига⁹. В марте 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии, который был встречен большинством британских политиков очень спокойно, почти равнодушно.

Следующим объектом германской агрессии стала Чехословакия. Гитлер потребовал передать Германии Судетскую область. Синхронно с Берлином свои претензии на Тешинскую область предъявила Польша. Разразился крупный международный кризис, итогом которого и стал печально знаменитый Мюнхенский сговор.

Во время Чехословацкого кризиса, мир стоял перед выбором — давать или не давать отпор германской агрессии. Даже после аншлюса Третий рейх был не так силен, каким стал к лету 1941-го. В 1938 г. остановить Гитлера можно было коллективными усилиями двух-трех государств. Сделать это многократно и неустанно призывал Советский Союз. Однако британские и французские политики предпочли отдать Чехословакию нацистам на растерзание. А президент ЧСР Эдвард Бенеш и его окружение не нашли в себе сил призвать народ к сопротивлению немецким, польским и венгерским захватчикам.

Договоренности, заключенные в Мюнхене в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., имели огромное значение для судеб всего человечества, а для ЧСР они стали катастрофой. От Чехословацкой Республики была отторгнута и передана Германии Судетская область со всеми находящимися на ее территории материальными ценностями. Комментируя это решение мюнхенских «миротворцев», чешский писатель Карел Чапек горько пошутил: «Все не так плохо: нас не продавали — нас выдали даром».

Решение было принято без участия представителей Чехословакии. Уже во втором часу ночи, когда удовлетворенные достигнутым результатом Гитлер и Муссолини удалились, в зал заседаний были допущены посланник ЧСР в Германии Войтех Мастны и сотрудник МИД ЧСР

Губерт Масаржик. Зевающий Чемберлен флегматично предложил им ознакомиться с только что подписанным документом. Попытка чехов задать вопрос, по свидетельству Масаржика, была пресечена заявлением «что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления».

Сопротивляться диктату четырех «великих держав» правительство Чехословакии не решилось, согласившись с потерей части территории государства. Согласие на потерю Судет с находящимися там материальными ценностями не было подкреплено обязательной по Конституции ЧСР санкцией Национального собрания. Однако это не озаботило не только Гитлера, но и руководителей демократических Великобритании и Франции. Не интересовало их и мнение народа Чехословакии. О Лиге Наций, где Лондон и Париж солировали с момента ее создания, в Мюнхене даже не вспоминали. Зато президент США Франклин Делано Рузвельт не забыл направить Чемберлену поздравительную телеграмму по поводу «мирного решения Судетского вопроса».

Мюнхенский сговор явился важнейшим шагом к началу Второй мировой войны. Он не был результатом случайного стечения обстоятельств или непродуманных действий британских и французских политиков. Напротив, он стал закономерным итогом несколько лет проводившейся Лондоном и Парижем «политики умиротворения агрессора». Куда они шли, туда и пришли...

* * *

В предлагаемом читателям сборнике проанализирована предыстория, ход и результаты Чехословацкого кризиса 1938 г. Авторами статей стали российские и зарубежные исследователи. При написании статей ими был использован большой массив документов, обнаруженных в архивах разных стран, мемуары и дневники участников событий, пресса разных стран мира. В сборнике рассмотрены разные аспекты Чехословацкого кризиса, дана оценка позиции и роли политических деятелей, дипломатов, военных и журналистов, принимавших то или иное участие в событиях вокруг Чехословакии.

Американский исследователь Аллен Чарльз, занимающий критическую позицию по отношению к политике США, объясняет актуальность темы Мюнхенского сговора в статье «Уроки истории: Мюнхен-1938». Он считает, что в наши дни на Западе этот постыдный договор западных стран вспоминают лишь с целью оправдать свою агрессивную антироссийскую политику — экономическую войну и военное строительство по периметру российских границ. С этой целью западные пропагандисты проводят не выдерживающие никакой критики параллели между захва-

том Гитлером Судетской области ЧСР и возвращением Крыма в состав России в 2014 г.; между захватом Гитлером Чехословакии и антитеррористической операцией России в Сирии. «Сравнивая эти события с гитлеровской агрессией против Австрии, Чехословакии и Польши, — пишет Аллен Чарльз, — Запад ставит историю с ног на голову, создавая искаженный образ прошлого и уводя от уроков прошлого, которые необходимо помнить сегодня». В результате столь тенденциозного «освещения» событий конца 1930-х гг. уроки Мюнхенского соглашения 1938 г. до сих пор остаются на Западе неусвоенными.

А это грозит человечеству новыми катаклизмами. Американский исследователь проводит жесткую параллель, при всех очевидных различиях исторических эпох и государств тогда и сегодня: «История снова задает нам вопрос: смогут ли государства (и не только Запада) остановиться в своем умиротворении США, пока не стало слишком поздно?». Ответ на него остается открытым.

Канва событий, предшествовавших разделу Чехословакии, подробно изложена и глубоко проанализирована в статьях д. и. н. В. В. Марьиной, д. и. н. А. В. Шубина.

Крупнейший отечественный специалист по истории Чехословакии и международным отношениям предвоенного времени, д. и. н. В. В. Марьина написала статью «Мюнхенский кризис 1938 г.: вызревание и развязка (по чехословацким документам и мемуарам Э. Бенеша». Выводы известного историка базируются на огромном массиве документов, прежде всего чехословацкого происхождения. Особый интерес представляет дневник президента ЧСР Эдварда Бенеша.

Прослеживая вехи проводившейся Лондоном и Парижем «политики умиротворения агрессора», В. В. Марьина показала, сколь циничной, своекорыстной и неприглядной она была. По большому счету, на протяжении всего 1938 г. Великобритания потворствовала и помогала Гитлеру. Сразу после аншлюса Австрии, отмечает В. В. Марьина, «Лондон настойчиво рекомендовал Праге поспешить с выработкой конструктивных предложений, касающихся улучшения положения немецкого меньшинства в ЧСР». Впоследствии Лондон и Париж не раз призывали Прагу идти навстречу пожеланиям Берлина¹⁰. В конце концов Бенеш последовал их «рекомендациям», что обернулось для Чехословакии пагубными последствиями.

Завершая свою очень подробную и интересную статью, Валентина Владимировна заключила: «Мюнхен — это название стало нарицательным, символизирующим агрессивную сущность гитлеровской внешней политики, преступное невыполнение международных обязательств западными державами и несовместимость с основными

принципами международного права, — означал очередной шаг на пути развязывания Второй мировой войны и первый шаг к потере чехословацкой государственности, явился важнейшим свидетельством ликвидации системы коллективной безопасности и окончательного устранения Лиги Наций от решения значимых вопросов европейской и мировой политики».

Политическая линия советского руководства в 1930-е гг. рассмотрена в статье д. и. н. А. В. Шубина «СССР против “умиротворения” агрессора: “коллективная безопасность” и Мюнхенский сговор». Изложение главных событий он предварил замечанием, важность и злободневность которого не вызывает сомнения: «История “умиротворения” — классический пример краха терпимости ко злу. Ее уроки актуальны и для нашего времени: терпимость к радикальному национализму и агрессии ведет к международной катастрофе».

Анализ внешней политики СССР в 1930-е гг. позволил А. В. Шубину сделать следующий вывод: «Как бы ни относиться к политике Сталина, которая в других отношениях была иногда чудовищной, именно СССР был 80 лет назад ведущим защитником коллективной безопасности в Европе от нацистской агрессии и ее “умиротворителей”». В статье приведены пророческие слова наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова, сказанные Эдуарду Галифаксу: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровские мотивировки... за чистую монету. Англия делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев и что стоит эти права расширить, как опасность может быть немедленно устранена. На самом же деле Гитлеру также мало дела до судетских, как и до тирольских немцев; речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе». Далее А. В. Шубин признает, что и «умудренные опытом английские дипломаты тоже не принимали аргументы Гитлера за чистую монету».

Что же касается отношений между СССР и ЧСР, то А. В. Шубин отмечает, что «после заключения советско-чехословацкого договора 1935 г. началось интенсивное военное и разведывательное сотрудничество между двумя государствами... Военные договорились о совместной военно-технической разведке в Германии». Однако до совместных военных действий против вермахта осенью 1938 г. дело так и не дошло, хотя Советский Союз готовился оказать чехословацкому народу военную помощь.

Мюнхенский сговор заставил Москву внести коррективы в свой внешнеполитический курс. А. В. Шубин констатировал: «Несмотря на очевидный крах политики коллективной безопасности, советское руководство не собиралось от нее отказываться. Но в результате мюнхенского

сговора был приобретен важный опыт, и отношение к сотрудничеству с Великобританией и Францией изменилось. Теперь СССР не делал ставку на коллективную безопасность, был готов варьировать направления борьбы за свои государственные интересы».

В отличие от В. В. Марьиной и А. В. Шубина, которые затронули в первую очередь политические и дипломатические аспекты Чехословацкого кризиса, военный историк М. И. Мельтюхов в статье «Красная армия и Чехословацкий кризис 1938 г.» всесторонне проанализировал его военный аспект. Сделать это надо было еще и потому, что некоторые историки ставят под сомнение готовность и желание советского руководства выполнить советско-чехословацкий договор 1935 г. и оказать ЧСР реальную военную помощь. Приведенный автором огромный массив фактического материала и статистических данных не оставляет места для спекуляций на сей счет. Остается лишь пожелать, чтобы цифры и выводы М. И. Мельтюхова были представлены не только в научной литературе, но и нашли отражение в учебниках истории, СМИ и научно-популярных статьях. Впрочем, такое же пожелание можно высказать и по многим статьям сборника.

Завершая статью, М. И. Мельтюхов делает общий вывод, что «в условиях Чехословацкого кризиса советское правительство не только неоднократно четко заявляло о своей позиции, но и предприняло соответствующие военные меры по подготовке к оказанию помощи Чехословакии. Однако именно Франция и Чехословакия отказались от военных переговоров, а Великобритания и Франция блокировали советские предложения об обсуждении проблемы коллективной поддержки Чехословакии через Лигу Наций... Вместе с тем, в Кремле вовсе не собирались очертя голову бросаться в войну без учета общей политической ситуации. Одно дело участвовать в войне двух блоков европейских государств, а совершенно другое — воевать с Германией, пользующейся, как минимум, нейтралитетом Великобритании и Франции. Такой опыт у СССР уже имелся по событиям в Испании, и повторять его в общеевропейском масштабе в Москве явно не спешили».

В своей статье д. и. н. Н. Н. Платошкин проанализировал важный и малоизученный сюжет — сотрудничество судетских немцев с вооруженными силами и спецслужбами нацистской Германии во время Чехословацкого кризиса 1938 г. Главным итогом его исследовательской работы стал вывод, что «все структуры судетских немцев во время кризиса осени 1938 г. не только имели плотные связи с нацистскими специальными службами и вермахтом, но фактически и существовали только на правах вспомогательных сил репрессивного аппарата гитлеровской Германии».

К. и. н. Д. В. Суржик в статье «Политэкономия мюнхенского предательства» сосредоточился на вопросах мобилизации нацистами немецкой экономики для создания полномасштабных вооруженных сил. В этой связи им рассмотрены финансовая политика и использование трудовых резервов. «Запуганные безработицей и оболваненные демагогией об экономическом росте, немецкие рабочие превращались в бессловесных рабов», — констатировал историк.

В статье Д. В. Суржика доказательно утверждается, что политическое руководство Великобритании и Франции 1933—1935 гг. не просто знало, но открыто потворствовало становлению гитлеровской военной машины. Данный вывод российского историка представляется крайне важным. Отдельно рассмотрен малоизвестный факт о последнем финансовом преступлении, совершенном «западными демократиями» против уже растерзанной Чехословакии весной 1939 г.

Предыстория Мюнхенского соглашения и проводившаяся Великобританией и Францией «политика умиротворения агрессора» проанализированы в статье д. и. н. А. Ю. Плотникова «Мюнхенский сговор в контексте международных отношений межвоенного периода», который выделил два периода в истории послевоенной Германии, которые «четко определяют два противоположных «вектора» европейской политики... двух ключевых в межвоенный период государств западной Европы — Великобритании и Франции». В период Веймарской республики «Лондону и Парижу удавалось удерживать ситуацию в рамках Версальских договоренностей, периодически проводя “демонстрацию силы” для напоминания Германии о “ее месте” в послевоенной Европе. Вспомним, например, неоднократный ввод войск Антанты в Рейнскую демилитаризованную зону в первой половине 1920-х гг.». После прихода к власти в Германии национал-социалистов, подчеркивает историк, ситуация кардинально изменилась.

В истории с Мюнхенским сговором, утверждает А. Ю. Плотников, «мы имеем наглядный пример того, как укоренившаяся в ряде стран демократической “Версальской Европы” идеология антисоветизма (“антибольшевизма” по терминологии того времени) оказалась для них важнее собственной безопасности и элементарного здравого смысла, — не говоря уже о своих обязательствах по международным договорам и столь любимом Западом международном праве».

Директор Института русско-польского сотрудничества Д. С. Буневич написал статью «Польша и Судетский кризис», в который всесторонне исследовал причины польско-чехословацкого конфликта из-за Тешинской области и роль Польши в разделе ЧСР. Приведя текст малоизвестного в России польско-германского договора от 26 января 1934 г.,

Д. С. Буневич, глубоко и объективно проанализировал контакты Варшавы и Берлина, координировавших свою захватническую политику. К примеру, 23 февраля 1938 г., еще до аншлюса Австрии Германией, указывает автор статьи, «прошли продолжительные переговоры Германа Геринга с польским главой МИД Юзефом Бекем, на которых было достигнуто принципиальное взаимопонимание по вопросу о расчленении Чехословакии». По обоснованному заключению историка, «Варшава ясно демонстрировала свое желание установить прочные партнерские отношения с нацистской Германией и поучаствовать совместно с ней в переустройстве Европы». Поскольку внешнеполитический курс германского союзника Варшавы вел к новой мировой войне, будет логично заключить, что одним из главных виновников Второй мировой войны была Польша.

Подводя итог, Д. С. Буневич сформулировал общий вывод: «Проявив удивительную мелочность, польская дипломатия отказалась видеть, что только партнерские отношения с такой промышленно развитой и миролюбивой страной, как Первая Чехословацкая Республика, могли стать залогом безопасности самой Польши. Гипотетический союз этих двух стран (тем более при поддержке Франции) представил бы собой серьезное препятствие на пути германской агрессии в Центральной Европе. Польша, однако, оказалась ослеплена национальным эгоизмом и великодержавными амбициями, которые не позволили Варшаве подняться над незначительными в сущности территориальными претензиями и увидеть стратегическую карту Европы целиком. Поддержав германского фюрера в его игре против Чехословакии, Польша в результате осталась в Центральной Европе тет-а-тет с решительно усилившейся Германией».

К сказанному Д. С. Буневичем можно добавить следующее. Менее чем через год после Мюнхенской «конференции», на которую рвался, но не был приглашен польский министр иностранных дел Юзеф Бек, Германия напала на Польшу и быстро ее разгромила. Однако это не повод забывать об огромном вкладе польских политиков и дипломатов в развязывание Второй мировой войны. Расплачиваться же за их политику пришлось гражданам Польши. Нынешний внешнеполитический курс официальной Варшавы столь же авантюристичен и грозит полякам новыми бедами¹¹.

Польскую тему продолжает статья белорусского историка, к. и. н. А. А. Киселёва «Чехословацкий кризис 1938 г. на страницах польской прессы». Она написана по вопросу, который нельзя отнести к числу хорошо и всесторонне изученных в России. Статья представляет интерес не только тем, что освещает реакцию польской прессы на пере-

говоры в Мюнхене и польские территориальные претензии к Чехословакии. В польской печати того времени высказывались внешнеполитические идеи, которые популярны в современной Польше. В частности, здесь следует упомянуть о борьбе с российским влиянием путем создания барьера из государств, разделяющих Польшу и Россию. В этом можно усмотреть истоки геополитической концепции Ежи Гедройца, которой вдохновляется современная польская дипломатия. Не менее любопытна мысль о превращении Польши в равного Германии и Франции партнера путем формирования под эгидой Варшавы блока государств Центрально-Восточной Европы. До сих пор польская дипломатия стремится усилить свою внешнеполитическую субъектность, создав союз стран между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Характерно то, что в своих рассуждениях польские интеллектуалы не желали и не желают принимать во внимание интересы будущих участников этих внешнеполитических объединений. Показательно и их принципиальное неприятие России. Что лишь подтверждает то, что многовековая польская русофобия — болезнь хроническая и неизлечимая¹².

Другой белорусский коллега, к. и. н. О. Г. Казак в статье «Мюнхен-1938 в общественно-политической мысли Венгрии (1938)» знакомит читателей с малоизвестным аспектом кризиса 1938 г. — участием Венгрии в расчленении чехословацкого государства. Политическая элита Венгрии и провластные интеллектуалы не могли смириться с огромными территориальными потерями государства после Первой мировой войны и различными способами пытались добиться исправления «исторической несправедливости». В статье проанализированы наиболее яркие работы, опубликованные в кризисный 1938 г. в крупнейшем венгерском ревизионистском издании *Magyar Szemle* («Венгерское обозрение») и посвященные проблеме национальной политики в межвоенной Чехословакии и историческим судьбам населявших ее народов. Статья может быть интересна как исследователям процессов нациостроения, так и всем интересующимся историей народов Центральной и Восточной Европы.

Статья д. и. н. К. В. Шевченко «Мюнхенский сговор как катализатор насильственной украинизации русинов Чехословакии» знакомит читателя с одним из практически неизвестных широкой аудитории последствий Мюнхенского сговора, который, помимо всего прочего, явился еще и мощным катализатором насильственной украинизации русинов Подкарпатской Руси, входившей в состав межвоенной Чехословакии. В годы Первой мировой войны русины, подчеркивает автор статьи, «были ориентированы на вхождение русинских земель Угорской Руси и Галиции в состав России», но «революционные потрясе-

ния и Гражданская война в России, а также геополитические интересы Антанты предопределили чехословацкий сценарий решения вопроса о политической судьбе Карпатской Руси». Национальная политика ЧСР вызвала разочарование карпато-русской интеллигенции и населения. Официальная Прага не только не спешила выполнять обещание о предоставлении русинам широкой автономии, но и способствовала политике «мягкой украинизации» русинов, поддерживая украинизаторскую деятельность в подкарпатском регионе эмигрантов из Галиции в сфере культуры и образования. А галицийские украинизаторы русинов приобрели ценный опыт работы, который впоследствии был не раз использован ими на Украине.

После Мюнхенского сговора традиционно преобладавшая среди карпатских русинов русофильская интеллигенция, трактовавшая русинов как составную часть общерусской цивилизации, сразу же подверглась гонениям и репрессиям со стороны украинских националистов во главе с Августином Волошиным, пришедшим к власти в Подкарпатской Руси при энергичной поддержке нацистской Германии. Таким образом, Мюнхен-1938 стал мощным и сокрушительным ударом по самому западному рубежу Русского мира — исторической Карпатской Руси, где среди местного карпато-русского населения еще сохранялась общерусская идентичность.

Болгарский историк Борис Боев проанализировал основные тенденции в развитии социально-политической ситуации в Болгарии во время Судетского кризиса и влияние Мюнхенского сговора на внутриполитическую ситуацию в Болгарии. Автор статьи, отмечая косвенный вклад Болгарии в заключение Мюнхенского соглашения, пишет о том, что в сентябре 1938 г. болгарский царь Борис III встречался с главными участниками состоявшейся через несколько дней «международной конференции» в столице Баварии — Чемберленом, Даладье и Гитлером. Их планы по отторжению от демократической Чехословакии части ее территории в пользу нацистской Германии встретили понимание и поддержку со стороны Бориса III. В статье процитировано его письмо Чемберлену, отправленное после встречи царя с фюрером Третьего рейха: «Судетская область должна быть принесена в жертву для того, чтобы спасти Чехословацкое государство и мир в Европе».

Мюнхенский сговор, расчленение Чехословакии и последовавший в середине марта ее захват Германией вызвали интерес и отклик в Болгарии. 19 марта 1939 г. была обнародована «Декларация против оккупации Чехословакии нацистской Германией». Особенно подробно Борис Боев пишет о ситуации в молодежных и студенческих организациях, где нашлись как сторонники, так и противники сближения Болгарии с Герма-

нией. Впрочем, во все времена, в том числе и в наши дни, характерной чертой болгарской интеллигенции был раскол на сторонников сближения с Западом и на сторонников сближения с Россией.

Как сказано выше, события 1939 г. специально не анализируются авторами данного сборника. Им необходимо посвятить специальный сборник статей. Этот хронологический принцип отчасти нарушают две заключительные статьи данного сборника, посвященные истории Чехословакии после Мюнхена.

Отказавшись в сентябре 1938 г. от сопротивления германской, польской и венгерской агрессии, президент Чехословакии Эдвард Бенеш и другие руководители страны предопределили для своего народа незавидную судьбу¹³.

Этой теме посвящена статья д. и. н. К. В. Шевченко «Этнокультурные последствия Мюнхена для чехов: национальная политика рейха в протекторате Богемия и Моравия», содержащая малоизвестную широкой общественности информацию о планах вождей нацистской Германии по решению «чешского вопроса». При этом принципиально важным является то обстоятельство, что руководители Третьего рейха планировали уничтожение не только чешской государственности, но и ликвидацию чехов как самобытного славянского народа, который планировалось частично уничтожить и частично германизировать. Вскоре после своего вступления в должность исполняющего обязанности главы протектората Богемия и Моравия обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих в своей речи в Праге прямо заявил: «Данное пространство должно стать немецким, и чеху тут нет места... Окончательное решение должно означать следующее: данное пространство должно быть полностью заселено немцами. Эта территория является сердцем империи, и мы не можем терпеть, чтобы с данной территории снова и снова наносились удары кинжалом по империи... Попытаемся в соответствии со старыми методами германизировать чешское население. Ту часть населения, которая настроена негативно, но имеет хорошие расовые признаки, предстоит переселить в империю, в чисто немецкую среду, германизировать и изменить ее мышление. Если это окажется невозможным, поставить ее к стенке...». Таким образом, конечной целью нацистской Германии была тотальная германизация Чехии и Моравии и устранение чехов не только с политической, но и с этнокультурной карты Европы.

Вместе с тем, автор статьи отмечает и следующее: «Быстро адаптировавшись к условиям нацистского господства, часть населения протектората оказалась не только в роли жертв, но и в роли соучастников нацистских преступлений. Так, чешские силовые структуры протектората приняли участие в осуществлении преступной нацистской политики

геноцида “неарийских” народов... Период существования протектората Богемия и Моравия выявил и довольно высокую степень активности местных коллаборантов, ставших частью пропагандистской машины гитлеровского рейха».

В СССР и в современной Российской Федерации чтители и чтят память тех чешских и словацких патриотов, которые плечом к плечу с бойцами Красной армии, сражались с нацистами¹⁴. Первым иностранцем, которому 17 апреля 1943 г. указом Президиума Верховного совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза, стал гражданин Чехословакии, командир роты 1-го Чехословацкого пехотного батальона, надпоручик Отакар Ярош. Он погиб 8 марта 1943 г. в бою у села Соколово Змиевского района Харьковской области. Будучи дважды раненным, надпоручик Ярош продолжал командовать ротой, отражавшей атаки немецких танков.

Вместе с тем, мы помним и о том, что более шести лет промышленные предприятия бывшей Чехословакии работали на Третий рейх¹⁵, производя оружие и боеприпасы, из которых нацисты убивали наших дедов и прадедов. А трудились на них в основном граждане бывшей Чехословакии.

Д. и. н. В. В. Марьина в статье «Борьба за признание Мюнхенского соглашения недействительным. 1939–1945 гг.» рассказала об усилиях, которые в годы Второй мировой войны предпринимал бывший президент ЧСР Э. Бенеш, поставивший своей целью воссоздать Чехословакию в ее домюнхенских границах.

В Приложении публикуются два ранее неизвестных архивных документа о роли Польши в расчленении Чехословакии. Их выявил и прокомментировал крупнейший российский специалист по Польше, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, д. и. н. Г. Ф. Матвеев.

* * *

В сентябре 1938 г., добиваясь от Бенеша согласия уступить Германии Судеты, Лондон и Париж обещали стать гарантами территориальной целостности «обрубка» Чехословацкого государства. Однако не прошло и полугода, как 15 марта 1939 г. части вермахта вошли в Прагу, а «обрубок» был переформатирован Гитлером в протекторат Богемия и Моравия.

Если в 1938 г., чтобы получить Судеты, фюреру Третьего рейха пришлось садиться за стол переговоров и заручиться согласием Чемберлена и Даладье, то в марте 1939-го он больше не нуждался в санкциях англичан и французов. Это красноречиво свидетельствует о том, насколько важным и ценным приобретением для нацистов стали Судеты.

Присоединив их к Германии без единого выстрела, Гитлер посчитал себя настолько сильным, чтобы отныне действовать без оглядки на «западные демократии». Наплевав на мнение Лондона и Парижа, в марте 1939 г. он нарушил заключенное с ними Мюнхенское соглашение...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М., 1992. С. 21.

² Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 44–81

³ Таким исследованием, к примеру, является фундаментальный труд известного молдавского историка и политолога, специалиста по истории международных отношений С. М. Назарии. См.: *Назария С. М.* Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев, 2012. Рецензии: *Ауров О.* В битве за историю // Свободная мысль. 2012. № 9–10 (1635). С. 220–223; *Назаров О.* Мощный залп по фанатам Антонеску // Родина. 2013. № 2. С. 86. Выходят и сборники статей. Один из них был подготовлен Фондом исторической перспективы, см.: *Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М., 2009. 416 с. (Вторая мировая).

⁴ А. С. Капто заметил: «В арсенале средств и методов фальсификаторов истории особое место отводится “терминологическим ловушкам”, когда официальные события и факты получают параллельные названия, придающие этим событиям и фактам заранее заданный искаженный оценочный вектор. Именно так и произошло со словосочетанием “пакт Молотова — Риббентропа” — благодаря широкомасштабному и многолетнему манипулированию, фальсификаторам (зарубежным и доморощенным) удалось создать в общественном сознании однозначно негативное представление о нем как о злонамеренном международном акте, сопровождаемым к тому же еще и “секретным протоколом” (часто — “секретными протоколами”)». *Канто А. С.* Пакт Молотова — Риббентропа: мистификации или реальность. М., 2009. С. 10.

⁵ Риббентроп, экономя свои время и силы, пригласил в Берлин и усадил рядом с собой за стол переговоров сразу двух министров иностранных дел — эстонского Карла Сельтера и латвийского Вильгельмса Мунтерса. В этот день были подписаны германо-эстонский и германо-латвийский договоры о ненападении. Эстонский историк Магнус Ильмярв пишет: «Еще до подписания эстонско-германского и латвийско-германского договоров о ненападении распространились слухи, что эти документы содержат секретные пункты. Берлин сразу же стал их опровергать. Тем не менее есть источник, указывающий на наличие секретного приложения. Это меморандум Дертингера от 8 июня. В нем сказано, что дополнительно к соглашениям о ненападении Эстония и Латвия договорились и еще об одном секретном пункте, который обязывает оба государства согласовывать с Германией военные меры безопасности и, по желанию Германии, все остальные меры безопасности, направленные против СССР». См.: *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940 г). М., 2012. С. 401.

⁶ *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. С. 6.

⁷ *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов». М., 2000. С. 38–39.

⁸ Кроме захвата Албании и Абиссинии (Эфиопии), итальянский дуче Муссолини предпринял попытку объединить и возглавить фашистов из разных государств Европы. В декабре 1934 г. в швейцарском Монтре итальянские власти провели всеевропейский фашистский конгресс, на который съехались партийные лидеры из 13 стран. Подробнее см.: *Наумов А. О.* Планы фашистской Италии и нацистской Германии в отношении «нового порядка» в Европе // *Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года).* М., 2010. С. 57–58).

⁹ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 17.

¹⁰ Воевать за территориальную целостность Чехословакии Лондон и Париж не собирались. Англичане и французы не считали чехов равноправными союзниками, а видели в них разменную монету. Британский посол в Берлине сэр Невилл Гендерсон позволял себе делать по отношению чехов и лично Бенеша циничные и оскорбительные заявления. Например, такое: «Чехи — свиноголовая раса». URL: https://www.jstor.org/stable/4207758?seq=1#page_scan_tab_contents; обращение 10.07.2018.

¹¹ Вместе с тем, русский язык входит в тройку самых изучаемых языков среди польских студентов и школьников и является вторым по распространенности иностранным языком в стране. Об этом в июле 2018 г. «Известиям» сообщили в МИД Польши, отметив, что популярность русского растет. И это при том, что с 1990 г. русский язык не входит в список обязательных предметов в польских школах. Кроме того, в МИД Польши признали то, что знание русского языка дает преимущество на рынке труда // *Лару Д.* Поляки хотят говорить по-русски. URL: <https://iz.ru/765037/dmitrii-laru/poliaki-khotiat-govorit-po-russki>; обращение 11.07.2018.

¹² В интервью журналу «Историк» по теме польского восстания 1863–1864 гг. к. и. н. О. Р. Айрапетов заметил: «Когда польские дворяне приносили идеи польской свободы в Минскую губернию, на Волынь или в Подолию, то это вызывало у населения неприязнь. Крестьяне видели в поляках опасных врагов, от которых ничего хорошего для себя не ждали. А те не считали православных крестьян людьми и относились к ним как к быдлу (скоту). За несколько столетий такое отношение воспитало в крестьянах трудноописуемую ненависть к польским дворянам. Когда появлялась возможность, крестьяне сразу поднимались на борьбу с поляками. В ряде случаев русское правительство было вынуждено усмирять крестьян, чтобы движение против польских дворян не переросло в жакерию». См.: *Историк.* 2018. № 1(37). С. 45.

¹³ Уже 21 октября 1938 г. Гитлер поставил задачу «быстрой оккупации Чехии и изоляции Чехословакии». См. подробнее: *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Ч. 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948 гг. М., 2016. С. 13–14.

¹⁴ О них, а также о советско-чехословацком братстве по оружию в своих мемуарах рассказал президент ЧССР Людвик Свобода, в годы Великой Отечественной войны командовавший сначала 1-й Чехословацкой отдельной бригадой, а потом войсками 1-го Чехословацкого армейского корпуса. См.: *Свобода Л.* От Бузулука до Праги: Воспоминания. М., 1984. 368 с.

¹⁵ См. подробнее: *Никифоров Ю. А., Суржик Д. В.* Как вся Европа работала на вермахт // *Российская Федерация сегодня.* 2010. № 6.

УРОКИ ИСТОРИИ: МЮНХЕН-1938

Чарльз Амен

История интересна тем, что учит нас человеческой природе, культуре и подспудным политическим и экономическим силам. Она важна тем, что может служить инструкцией для наших современных действий. В этой связи можно сказать, что Мюнхенское соглашение 1938 г. было лишь вершиной айсберга. Он включает в себя события, которые начались в XIX в. (намного раньше русской революции 1917 г. и Версальского мира 1919 г.) и продолжились после нацистского вторжения в Советский Союз 22 июня 1941 г., окончившегося с завершением Второй мировой войны.

Сегодня на Западе масс-медиа и политики все чаще говорят о бесславном Мюнхенском пакте, который Адольф Гитлер, Невилл Чемберлен, Бенито Муссолини и Эдуард Даладье подписали 30 сентября 1938 г. в 1:30. Вслед за ним нацистские войска без промедления оккупировали отдельные регионы Чехословакии, а 14—15 марта 1939 г. Гитлер взял Прагу.

Президент Чехословакии того времени, Эдвард Бенеш был более антикоммунистом, чем антифашистом, поэтому он отказался от русских предложений помощи. Точно также польский министр иностранных дел Юзеф Бек, последовавший примеру нацистского фюрера в отношении Чехословакии, отказался от русской военной помощи и предпочел, чтобы его страну оккупировал Третий рейх. В 1945 г. Бенеш снова возглавил Чехословакию, но был смещен в 1948 г. после того, как решил принять план Маршалла, секретная часть которого подразумевала ведение Центральным разведывательным управлением подпольных операций против левых в Европе. Внучатая племянница Бенеша Эмили вышла замуж за фанатичного русофоба — бывшего со-

ветника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, чей отец был генеральным консулом Польши в Канаде с 1938 по 1945 гг.

Сегодня на Западе вспоминают Мюнхенский сговор, чтобы напомнить: англо-французское «умиротворение» Гитлера привело к ужасам Второй мировой войны. Поэтому, дескать, США и НАТО должны усиливать агрессивную антироссийскую политику: экономическую войну и военное строительство по периметру российских границ.

Чтобы оправдать эту политику приводятся примеры войны в Грузии в 2008 г. и последующей независимости Южной Осетии и Абхазии, недавнее возвращение Крыма в состав России, полуавтономия восточных областей Украины и российская антитеррористическая операция в Сирии, проводимая по запросу легитимного правительства. Сравнивая эти события с гитлеровской агрессией против Австрии, Чехословакии и Польши, Запад ставит историю с ног на голову, создавая искаженный образ прошлого и уводя от уроков прошлого, которые необходимо помнить сегодня.

Однако в действительности:

1) военный конфликт 2008 г. начался с ночного артиллерийского обстрела грузинскими войсками гражданских объектов в Южной Осетии тогда, когда Грузия была по пути к окончательному вступлению в НАТО под опекой главковерха объединенными войсками НАТО Джеймса Мэттиса. Российские войска лишь оборонялись;

2) возвращение Крыма и установление автономии восточно-украинских регионов стало ответом на государственный переворот, устроенный неонацистами в Киеве при поддержке США и НАТО, и на решение правительства принять «Экономическое соглашение Украины и ЕС», второй пункт которого выдвинул бы войска и танки НАТО к границам России;

3) вынужденное военное вмешательство России в сирийский конфликт стало ответом на надвигающуюся анархию, вызванную действиями террористов и вооруженных повстанцев, которых поддерживали США и их союзники на Ближнем Востоке. Россия включилась лишь после официального запроса сирийского правительства о помощи.

К сожалению, до сих пор не усвоены уроки Мюнхенского соглашения и борьбы первоклассно вооруженных держав против деструктивных сил. Поэтому мировое сообщество вновь и вновь наступает на те же грабли. Почему же уроки Мюнхена-1938 актуальны до сих пор, и как он вообще стал возможен?

Как подробно описывает в своей книге «1939 год: Несостоявшийся альянс накануне Второй мировой войны» Майкл Джабара Карлей¹

и Фредерик Шуман в труде «Европа в эпоху кризиса дипломатии, 1933—1939»², советский нарком по иностранным делам Максим Литвинов до последнего пытался создать европейскую систему коллективной безопасности. Увы, безрезультатно. Думаю, всем понятна аналогия с современностью, когда Кремль сегодня пытается удержать иностранных лидеров от поддержки агрессивной американской политики в Восточной Европе.

Уроки Мюнхена для современности

После ужасов Второй мировой войны США воспользовалось инфраструктурой и кадрами Третьего рейха и его союзников для проведения своих разведопераций. Соединенные Штаты развернули агрессивное вмешательство в дела иностранных государств на глобальном уровне. Хотя, разумеется, уже без расовых аспектов и геноцида. И теперь встал вопрос противостояния американским планам и действиям, чтобы не повторить политику «умиротворения». Те, кому выдали мандат на террор в ночь на 30 сентября 1938 г., воспользовались им, чтобы начать Вторую мировую войну, а затем передали его из рук агонизирующего Третьего рейха Соединенным Штатам.

Сентябрь 1945-го: нацизм уже повержен, а Нюрнбергский трибунал еще не начался, но бывший глава отдела «Иностранные армии Востока» Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-майор Рейнгард Гелен уже стал консультантом офицеров американской политической и военной разведки. Плененный в мае 1945 г., он отдал секретные архивы, свой опыт и таланты американцам, строящим послевоенный мир. Соответствующие переговоры продолжались до лета 1946 г., когда Гелен вернулся в Германию. На родину он возглавил секретное подразделение, учрежденное американцами в городке Оберурзеле близ Франкфурта, а позднее переехал в Пуллах, откуда начал планирование очередного крестового похода против СССР и европейских левых движений. Вскоре к Гелену присоединился (под псевдонимом) его бывший босс генерал Адольф Хойзингер, начальник Оперативного отдела Генштаба сухопутных войск вермахта, чьей экстрадиции за военные преступления добивались Польша и Советский Союз.

С апреля 1956 и до 1968 г. Гелен возглавлял созданную ЦРУ западногерманскую разведслужбу БНД (*Bundesnachrichtendienst*). Хойзингер же стал главой воссозданного бундесвера, а в апреле 1961 г. — главой Военного комитета НАТО. С 1961 по 1963 г. на геленовскую БНД работала дочь Гимmlера, Гудрун Бурвиц — воинственная нацистка, которая

вышла замуж за одного из руководителей баварского отделения неонацистской Национал-демократической партии Германии³.

Согласно рассекреченным документам ЦРУ, Хойзингер служил начальником группы оценок: «...[Получив звание майора в 1936 г.], с 1937 г. он вошел в состав Оперативно-планового управления Верховного командования сухопутных войск вермахта, которое отвечало за разработку оккупации Австрии, Польши, Франции, Балкан и первого этапа войны против СССР... Хойзингер продолжил доверительные консультации представителей США, которые рассматривали его как члена «Организации Гелена»».

Фотография, сделанная 28 февраля 1964 г. запечатлела улыбающегося Хойзингера рядом с министром обороны США Робертом Макнамарой в Пентагоне. Через неделю Макнамара вместе с главой Комитета начальников штабов и секретарем Совета национальной безопасности (контролирующим подпольные операции ЦРУ) составили план американских операций во Вьетнаме. План, включавший воздушные бомбардировки, программу борьбы с повстанцами и использование регулярных частей вооруженных сил США, был представлен на рассмотрение президенту США Линдону Джонсону. В конечном счете, повторяя военные преступления прошедшей мировой войны, американская авиация сбросила на Вьетнам в сотни раз больше тонн взрывчатки, чем нацисты на Европу. Повторяя опыт гетто и «зоны-вакуум», был развернут террор против мирного населения, которое загонялось в «зоны, свободного огня». На деле же там осуществлялись пытки и убийства («программа Феникс»). Над головами вьетнамцев распылялись ядохимикаты и напалм, от которых погибли около 2 млн человек.

Вьетнам был самым драматичным, но отнюдь не единственным примером операций американской военной разведки в послевоенный период. Бывший официальный представитель Государственного департамента США Уильям Блум в своей легендарной книге «Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны»⁴ насчитал более 60 крупных интервенций США в дела суверенных стран в период с 1945 по начало 1990-х гг., которые сопровождались жестокими военными переворотами, массовыми убийствами и использованием американских вооруженных сил.

Вмешательство американской разведки в европейские дела началось вскоре после возвращения Гелена в Германию: вмешательство ЦРУ в послевоенные выборы в Греции, Италии, Франции сопровождалось перенаправлением средств из «плана Маршалла» под контролем Джорджа Кеннана на дела ЦРУ Ирвинга Брауна. Он нанимал фашистских головорезов для борьбы против профсоюзного движения в Европе.

Большую помощь Гелену в американских операциях против западноевропейских стран оказал освободившийся вскоре из тюрьмы Готтлоб Бергер, бывший начальник Главного управления СС, занимавшийся в том числе вербовкой добровольцев со всей Европы в ряды войск СС. Бергер получил прикрытие как журналист издания *Nation Europa* («Нация Европа»), чья штаб-квартира располагалась в Кобурге (всего в часе езды от Дворца правосудия в Нюрнберге). Главным редактором и основателем журнала являлся помощник рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера штурмбанфюрер СС Артур Эрхарт. Издательская деятельность позволила им оставаться в контакте с бывшими эсэсовцами и коллаборационистами и восстанавливать фашистские партии и движения в Европе (в том числе Социалистическую имперскую партию Германии и ее наследниц — Немецкую имперскую партию и Национал-демократическую партию Германии, а также Итальянское социальное движение и французский Национальный фронт).

Одновременно в 1948 г. началась еще одна американская инициатива по привлечению бывших нацистов к себе на службу — в Подпольный комитет Западного Союза (Clandestine Committee of the Western Union), который под названием Комитета подпольного планирования (Clandestine Planning Committee) вошел в НАТО с подчинением напрямую Верховному командованию союзных войск в Европе. Позднее эта структура стала называться «Гладио» и стала основным исполнителем терактов по всей Европе, включая убийство итальянского премьер-министра Альдо Моро (см. книгу «Секретные армии НАТО: операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе» Даниэля Гансера).

Параллельно с этой, скрытой от посторонних глаз деятельностью, происходило и вполне очевидное и видимое расширение созданного в 1949 г. Североатлантического альянса. 26 ноября 2009 г. журнал «Шпигель» отметил: «До сих пор вне спора остаются слова государственного секретаря США, произнесенные 9 февраля 1990 г. в величественном Екатерининском зале Кремля. Слова Бейкера о том, что “зона ответственности войск НАТО не расширится ни на один дюйм на восток” побудила Советы согласиться со вступлением объединенной Германии в НАТО».

Обещание того, что, если Россия согласится с объединением Германии, то НАТО не расширится, было обычной ложью. Горбачев и Шеварднадзе пытались «умиротворить» Соединенные Штаты, что было явно бессмысленной затеей.

В последние годы агрессивность американской политики значительно возросла. США иницируют двусторонние военные соглаше-

ния и перебрасывают значительные военные силы в Восточную Европу, чьи государства откровенно враждебны России, а в ряде стран открыто чествуют бывших участников эсэсовских подразделений. Западноевропейские страны, скептически относящиеся к политике США и их новых восточноевропейских партнеров, вынуждены плестись в хвосте американских инициатив, с которыми они связаны Уставом НАТО.

Подобно тому, как Гитлер заявлял о необходимости вступления немецких войск для защиты немцев в Австрии и Судетской области, генерал Джеймс Мэттис объявил о намерении на неопределенный срок оставить войска в Сирии для защиты курдов и оппозиционных групп, которые он же сам создал и вооружил для государственного переворота. Американцы резко активизировались в Афганистане и странах на южных рубежах России.

Подобно тому, как вскоре после прихода к власти Гитлер быстро перевооружил Германию, американский военный бюджет при Трампе возрос до астрономических пределов, явно бóльших, чем необходимо для защиты границ, и продолжает возрастать по первому требованию президента. Одновременно Трамп требует того же от западноевропейских участников НАТО, что может привести только к войне. Его заявления сопровождаются угрозами американского посла в Германии об установлении еще более консервативных правительств в Европе. Вместе с этим американцы подталкивают французского президента разрушить Европейский союз и тем самым сократить возможности для малых государств избежать американского диктата в экономике, политике и военном строительстве.

Россия и Китай ежегодно выносят на голосование в ООН проект резолюции против милитаризации космоса, и каждый год США его отклоняет. Более того, совсем недавно администрация Трампа заявила о создании Космического командования, которое должно обеспечить превосходство США над любым живым существом на планете.

Японское вторжение в Маньчжурию, итальянская агрессия в Эфиопию и нацистское вмешательство в дела Испании, Австрии и Чехословакии обозначили путь ко Второй мировой войне. В этой связи всему миру надо бы серьезно задуматься над тем, какие последствия будет иметь постоянно возрастающая американская «исключительность». Поскольку проекты американской военной разведки постоянно расширяются и сосредотачиваются вокруг западных и южных границ России, история снова задает нам вопрос: смогут ли государства (и не только Запада) остановиться в своем «умиротворении» США, пока не стало слишком поздно?

Мюнхенский сговор и политика «умиротворения»

После русской революции 1917 г. иностранные капиталистические державы предпринимали четыре попытки уничтожить Советскую Россию:

1) военные интервенции 1918–1919 гг. США, Великобритании, Франции и одиннадцати других стран;

2) британско-французское участие в поддержке Антона Деникина, Петра Врангеля, Александра Колчака и других лидеров белых сил, которые продолжали военные действия до 1922 г. на Дальнем Востоке, когда Красная армия освободила Владивосток;

3) поддержка Польши в ходе войны с Советской Россией (февраль 1919 — март 1921), укрепленная 21 апреля 1920 г. антисоветским военным союзом Юзефа Пилсудского и украинского фанатика Симона Петлюры, и наконец;

4) преднамеренное стимулирование Гитлера и Муссолини завершить то, что не смогли сделать другие.

Мюнхенский договор 1938 г. едва ли можно считать началом политики «умиротворения» Гитлера. Скорее, это была кульминация действий, которые привели к росту фашизма и его приготовлений к новой войне. Действительно, важные сферы США, Великобритании и Франции дали согласие и участвовали в военно-промышленном восстановлении нацистской Германии в нарушение запретов Версальского мира и публично поддерживали фашистские режимы в Европе.

В январе 1933 г. ключевые лидеры прессы, промышленности и финансов, католическая партия Центра, президент Пауль фон Гинденбург, лютеранские и католические приходы наряду со значительным числом высших военных чинов уже решили «умиротворить» Гитлера, который угрожал развернуть массовый террор на улицах, если его не назначат канцлером. К 18 июня 1935 г., когда англо-германское военно-морское соглашение позволило Гитлеру начать строить боевой флот — также в нарушение Версальского договора, — «умиротворение» стало хорошим тоном в западных столицах. То же самое военно-морское соглашение защитило важные для рейха поставки железной руды из Швеции. Следующей важной вехой в истории «умиротворения» стало 7 марта 1936 г. — оккупация Гитлером рейнской демилитаризованной зоны в нарушение Локарнского договора и требований Лиги Наций.

«Умиротворением» был и нейтралитет, объявленный США, Великобританией и Францией в отношении вмешательства нацистской Германии и фашистской Италии в испанскую Гражданскую войну. Куда более важным, чем частичная оккупация Чехословакии было согласие с ан-

шлюсом. Но, разумеется, самым вызывающим шагом была поддержка гитлеровской агрессии, выраженная в Мюнхенском пакте, который имел катастрофические последствия.

10 марта 1938 г. главный советник премьер-министра Чемберлена сэр Горас Вильсон отправил в Берлин сообщение от своего начальника о том, что Лондон знает о нацистских планах в отношении Австрии и ничего не собирается предпринимать. Не прошло и двух дней, как гитлеровские армии оккупировали Вену. Менее, чем через полгода тот же Вильсон будет участвовать вместе с Чемберленом на переговорах в Мюнхене.

а) Исторический контекст

Мюнхенский сговор на самом деле был не более, чем формальностью, ибо он стал следствием тектонического процесса в политике, которые развивались на протяжении всего XIX в. Этот процесс, по сравнению с которым события сентября 1938 г. — не более, чем булавочная головка, состоял из *двух пересекающихся векторов*:

1) продолжающаяся борьба внутри капиталистического лагеря, порожденная неравномерным развитием и агрессивностью прусского капитализма;

2) решительным желанием финансового капитала, начиная с 1917 г. сокрушить рабочее движение в мире (и в частности, Советский Союз).

Рассмотрим их подробнее. Характерной чертой *первого вектора* была гегемония британского капитала, которая монопольно продолжалась с разгрома Наполеона в 1814 г. до создания кайзеровского Второго рейха. Основным содержанием второго периода, который начался с франко-прусской войны в 1870 г., был подъем немецкого капитала и его вызов британскому в ходе Второй мировой войны. Параллельно разворачивался третий процесс: стремление американского капитала к гегемонии, которое стартовало с агрессивных войн против Мексики в 1840-е гг., а также с захвата Кубы и Филиппин в ходе испано-американской войны 1870-х гг. США в целостности и невредимости пережили Первую мировую войну и (после революции 1917 г.) возглавили интервенцию в Россию. Кульминацией, распространившей власть США и НАТО на всю разоренную Второй мировой войной Европу, стал «план Маршалла» с его недвусмысленным мандатом Совета национальной безопасности США и ЦРУ на уничтожение демократических выборов в Греции, Франции и Италии.

Восстановление нацистской военной разведки вокруг гитлеровских генералов Гелена и Хойзингера происходило одновременно с глобальной поддержкой Соединенными Штатами остатков нацистской «оси»

и их подельников через Всемирную антикоммунистическую лигу (сейчас известна под названием Всемирная лига за свободу и демократию) и Гладио, а также через «крысиные тропы» в Латинской Америке. США четко осознали, что в послевоенном мире внутрикапиталистические трения уступят место требованию финансового капитала поглотить Советский Союз, рассеять рабочее движение в Восточной Европе и сокрушить антиколониальные, национально-освободительные движения. Лишь один раз и то ненадолго интересы буржуазной Европы серьезно выступили против американской внешней политики — в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. Современные президент Эммануэль Макрон и канцлер Ангела Меркель, представляющие современное (относительно ручное) сопротивление капитала наиболее радикальным военным, экономическим и политическим требованиям США, находятся под наиболее свирепой атакой Вашингтона и его союзников.

Второй вектор. Демократический вектор Великой французской революции, перерезанный империалистами, нашел свое воплощение в прогрессивных революциях 1830-х гг., публикации «Манифеста Коммунистической партии» в 1848 г. и последовавших в том же году европейских революций, учреждений Парижской коммуны в 1871 г., русской революции 1917 г. и, в ответ на провозглашение империалистами Североатлантического альянса, учреждение в 1955 г. оборонительной Организации Варшавского договора. В послевоенный период Советский Союз поддерживал национально-освободительные, антиколониальные движения в странах Третьего мира.

Мюнхенский сговор 1938 г. стал перекрестием двух этих векторов: несмотря на очевидные противоречия между капиталистами и конфликты между европейскими державами, финансовый капитал имел общий надмирный интерес: сокрушить растущий вызов рабочего движения, вдохновленного Советским Союзом.

Вооруженная интервенция в Советскую Россию более дюжины капиталистических держав и жестокие убийства профсоюзных лидеров, чьими символами стали «рейды Палмера» в США и подавление рабочих манифестаций немецкими Добровольческими корпусами, обозначили ростки классовых противоречий.

На советском плакате Кукрыниксов 1938 г. капиталисты Великобритании и Франция подают на блюде Чехословакию звероподобному Гитлеру. Франция держит флажок с надписью: «На Восток!». На заднем фоне стоит воплощающий США магнат в цилиндре. Он курит сигару, чей дым образует знак доллара, и одобрительно улыбается.

США не участвовали в подписании пресловутого Мюнхенского соглашения, но отдельные американские магнаты активно агитировали и уча-

ствовали в организации окончательного силового решения в отношении Советского Союза — первого государства, которому удалось сбросить ярмо иностранного финансового капитала и его прислужников. 18 октября 1938 г., спустя всего две недели после подписания Мюнхенского соглашения, знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг принял нацистский Орден заслуг германского орла из рук министра люфтваффе Германа Геринга. Эта награда была предназначена исключительно для иностранцев, которые своими действиями доказали свою дружбу Третьему рейху. Среди других кавалеров ордена были генералиссимус Франсиско Франко, глава IBM Томас Уотсон и автоматный, не менее известный своими антисемитскими взглядами, Генри Форд. 4 сентября 1940 г. ряд представителей политической и деловой элиты создали комитет «Америка превыше всего» для поддержки Гитлера и сохранения Соединенными Штатами нейтралитета в войне. Среди создателей этого движения также был Чарльз Линдберг.

Еще до подписания британским премьер-министром мюнхенского соглашения американцы были проинформированы, что Чемберлен планирует продать Чехословакию Гитлеру, чтобы побудить его двигаться на Восток, против Советского Союза. За день до подписания, 28 сентября 1938 г., президент США Рузвельт отправил на Даунинг-стрит, 10 телеграмму, состоящую всего из одного слова: «Умница»⁵. Глава британского кабинета получил это послание из рук американского посла Джозефа Кеннеди, антисемита и поклонника Чемберлена, который прибыл в столицу в марте 1938 г. и отозванного в октябре 1940 г., в разгар нацистского бомбового террора против Лондона.

Слишком поздно Уинстон Черчилль и его единомышленники спохватились, что Гитлер может повернуть на Запад и создать угрозу для британских колониальных интересов. Черчилль сменил Чемберлена на посту премьер-министра лишь 10 мая 1940 г. — в день, когда Гитлер вторгнется в Бельгию, Люксембург и Нидерланды. Он будет защищать туманный Альбион от Гитлера также стойко, как он отклонял все просьбы об открытии второго фронта в Европе, пока Красная армия не перемолола вермахт в битвах под Сталинградом и Курском. Наконец, всего за пару дней до открытия Потсдамской конференции, 5 июля 1945 г. лейбористы бесцеремонно выкинут Черчилля из резиденции премьер-министра. Он был смещен из-за своей антисоциальной политики и усиливающейся враждебности по отношению к Советскому Союзу, который потерял 28 млн жизней, чтобы разгромить Третий рейх. Можно не сомневаться, что в беседах со своими американскими боссами Гелен не мог не радоваться Фултонской речи Черчилля, 5 марта 1946 г. провозгласившего «железный занавес» и призвавшего к войне против СССР.

б) XIX столетие

Конец XIX — начало XX вв. был ознаменован во-первых, франко-германскими противоречиями, вызванными франко-прусской войной 1870—1871 гг., а во-вторых, британско-германскими трениями из-за англо-бурской войны, военно-морской программы Альфреда Тирпица, угрожавшей британскому владычеству на морях, и проекта строительства Багдадской железной дороги, угрожавшей монопольному доступу англичан к ближневосточной нефти и торговым путям.

Социал-демократическая партия Германии в конце XIX в. уже заразилась духом одержимой юдофобии и имперского «Дранг нах Остен». Как отметил Владимир Ленин в труде «Империализм как высшая стадия капитализма», рост промышленного капитализма в Германии угрожал колониальному господству старых держав, ибо новые источники сырья и рынки сбыта найти было трудно.

Конфликт с Германией вынудил (и Карл Маркс предсказал это) республиканскую Францию пойти на союз с царской Россией. Лондон объединился с Парижем, чтобы не допустить поражения последнего и немецкого доминирования на континенте. Таким образом возникли Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Антанта (Великобритания, Франция и Россия), которые погрузили мир в смертельную битву после убийства австрийского престолонаследника 28 июня 1914 г. В итоге, лишь Ленин с небольшой горсткой союзников смог заявить, что война служит только интересам господствующих классов. Остальные же левые движения, связанные со Вторым Интернационалом, пали жертвой истеричной националистической пропаганды и поддержали войну.

в) XX век

История XX в. началась под барабанный бой капиталистических войн, главной из которых стала Первая мировая. Она завершилась Версальским миром, поражением Германии и распадом Австро-Венгрии, созданием новых государств, включая Австрию, Чехословакию и Польшу. Несмотря на это, наиболее агрессивные элементы германского капитала и их союзники в среде политиков и военных смогли пережить окончание войны, сохранив свои формы и цели. В то же время пример советского государства воодушевлял рабочий класс в других странах, бросая вызов капиталу в Великобритании, Франции и Америке.

В конце 1920 — начале 1930-х гг. произошёл идеальный шторм: экономический кризис вызвал падение прибылей и рост безработицы у тех, кто совсем недавно пытался задуть молодое советское государство

своей непосредственно (через вооруженную интервенцию) и опосредованно (поддерживая оппозицию большевикам и польское вторжение).

Неспособные подавить захватнические устремления германского капитала и обезумевшие от проблем (общего кризиса капитализма и борьбы против своего рабочего класса), западные капиталисты решили «убить двух зайцев одним выстрелом», направив германскую агрессию на Восток.

г) «Умиротворение» и Мюнхенский сговор

Участвуя в гитлеровских планах военного завоевания Советского Союза, западные «умиротворители» соглашались на роль коллаборационистов, ведь аппетиты коричневых росли по мере поддержки их на Западе. Пока американское правительство придерживалось политики «нейтралитета», американский бизнес активно помогал и толкал к войне экономику военно-промышленный комплекс и в целом экономику стран «оси».

Для капитала было понятно, что после трех его поражений (в ходе интервенции, гражданской войны и полномасштабной советско-польской войны), лишь куда более мощная и идеологически твердая сила сможет поставить на колени Советский Союз, не говоря уже о внутреннем рабочем движении в Европе.

д) Ранний этап «умиротворения»: фашистская Италия и перевооружение Третьего рейха

После Рапальского соглашения, вернувшего в лоно СССР большинство из отторгнутого от него Брест-Литовским миром, советское руководство получило возможность восстановить экономику. Хотя в немалой степени здесь сыграли и внутренние факторы: завершение войн и эффективность плановой социалистической экономики. Хотя Советскому Союзу более не угрожала опасность иностранного вторжения, было очевидно, что западные государства скатываются к новой волне подавления коммунистических движений. Так в октябре 1922 г. боевики-чернорубашечники Муссолини в жестоких уличных боях добились власти для своего дуче. Еще в 1914 г. Ленин заклеил Муссолини как ренегата итальянского рабочего движения. Захватить власть (и позднее написать автобиографию, изданную в США в 1928 г.) Муссолини помог Ричард Уошберн Чайлд — американский посол в Италии с мая 1921 по февраль 1924 г. Чайлд побудил банк Морганов начать инвестиции в фашистскую Италию. Еще одним поклонником фашистов был бизнесмен и будущий шеф контрразведывательных операций ЦРУ Джеймс Хесус Энглтон, который открыл в Риме филиал «Нэшнл кэш реджистер».

В некрологе Энглтону, написанном «Юнайтед пресс», можно найти ценное признание, что он был «близким другом премьер-министра Бенито Муссолини». Вдохновленный фашистским «Маршем на Рим», через два года Гитлер совершит свой неудачный «Пивной путч», за который фюрер будет приговорен к тюремному сроку, отбывая который напишет «Майн кампф».

Встревоженный Рапалльским соглашением 1922 г. и перспективой урегулирования советско-германских отношений, Запад начал привечать Германию и даже пригласил ее в Лигу Наций 9 сентября 1926 г. СССР удостоился такой чести лишь 18 сентября 1934 г. И то лишь благодаря левым из правительства Национального фронта, которые пришли к власти, сорвав попытку правых радикалов («Аксьон француз» и др.) устроить государственный переворот при поддержке Муссолини. Франция осознала опасность, которая грозит ей от извечного врага, теперь воплощенного в нацистском фюрере. Несколько недель спустя после «Ночи длинных ножей», в июне 1934 г. в Венеции состоялась встреча двух фашистских вождей, на которой обсуждался убийство австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса и аншлюс Альпийской республики Третий рейхом.

Через несколько недель после того, как СССР был приглашен в Лигу Наций, в Марселе были убиты убежденный сторонник франко-советского сближения министр иностранных дел Франции Луи Барту и король Югославии Александр I Карагеоргиевич. За убийцами, связанными с националистическим хорватским движением усташей, стояли нацистские спецслужбы и Организация украинских националистов. (Франко-советский договор о взаимопомощи будет подписан 2 мая 1935 г.)

Ко времени Мюнхенского сговора Гитлер:

- включил Саарскую область в Германию 1 марта 1935 г.;
- 7 марта 1936 г. провел ремилитаризацию Рейнской зоны в нарушение Версальского мирного и Локарнского договоров;
- успешно установил дружественный режим в Испании посредством открытого вмешательства в гражданскую войну, начиная с 1936 г.;
- поглотил Австрию в ходе аншлюса 11–12 марта 1938 г.

После Мюнхена

28 марта 1939 г. войска Франко при поддержке нацистов вошли в Мадрид, и СССР лишился единственного антифашистского союзника на континенте. К этому времени Гитлер и главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич уже разработали план вторжения

в Польшу. Всего полгода назад Польша, как и Румыния отказалась пропустить через свою территорию советские войска для помощи Чехословакии. И Франция, и Великобритания отказались надавить на Варшаву и Бухарест, чтобы получить такое решение, очевидно, чтобы не останавливать гитлеровский «натиск на Восток». Польша, ранее заключившая соглашение с нацистской Германией, осенью 1939 г. снова отказалась принять советскую помощь.

Советский Союз сделал последнюю попытку избежать неотвратимую войну, пригласив английскую и французскую военные делегации для обсуждения трехстороннего договора о взаимопомощи против нацистской угрозы. 15 августа 1939 г. генерал Климент Ворошилов в ходе очередного заседания предложил англичанам и французам один миллион советских солдат, тысячи самолетов и другой военной техники, если те примут решение о коллективном отпоре Гитлеру⁶. Но гости не имели ни воли, ни полномочий для заключения военного соглашения, наивно полагая, что армии третьего рейха смогут покорить Советский Союз. 1 сентября нацисты вторглись в Польшу, начав самую разрушительную войну в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Carley M. J.* 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II. Chicago: Ivan R. Dee, 1999.

² *Schuman F. L.* Europe on the Eve: the Crises of Diplomacy, 1933—1939. NY: A. A. Knopf, 1939.

³ Подробнее см.: Дочь Гимmlера работала во внешней разведке Германии в 1960-х // Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-44665532>; обращение 06.07.2018.

⁴ *Blum W.* Killing Hope: U.S. Military and C.I.A. Interventions Since World War II. Monroe: Common Courage Press, 1995.

⁵ Телеграмма была опубликована Государственным департаментом США только 14 мая 1955 г. См.: Munich Message from U.S. Bared — Roosevelt Sent Encouraging ‘Good Man’ Message to Chamberlain Day Before Conference // The New York Times. May 15, 1955.

⁶ Подробнее см.: *Holdsworth N.* Stalin ‘planned to send a million troops to stop Hitler if Britain and France agreed pact’ // The Telegraph, 18 Oct. 2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/3223834/Stalin-planned-to-send-a-million-troops-to-stop-Hitler-if-Britain-and-France-agreed-pact.html>; обращение 01.07.2018.

МЮНХЕНСКИЙ КРИЗИС 1938 г.: ВЫЗРЕВАНИЕ И РАЗВЯЗКА (ПО ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ДОКУМЕНТАМ И МЕМУАРАМ Э. БЕНЕША)

Валентина Марьина

Чехословакия являлась основной пострадавшей стороной Мюнхенского кризиса 1938 г. Это небольшое государство с 15 млн населения, расположенное в центре Европы, стало жертвой агрессии гитлеровской Германии и политики Западных держав, направленной на «умиротворение» агрессора¹. Чехословацкая республика (ЧСР) возникла в 1918 г. на развалинах Австро-Венгрии, потерпевшей, как и Германия, поражение в Первой мировой войне. Новое государство сложилось как многонациональное. В нем кроме титульных наций — чехов и словаков — компактно проживали немцы (более 3 млн человек), венгры, поляки, украинцы (русины). Большинство немецкого населения концентрировалось в Судетской области на северо-западе Чехии и получило название судетских немцев. Они идентифицировали себя с немцами Германии, которую считали своей исторической родиной. Решение национального вопроса и политика в отношении нацменьшинств всегда являлись слабым местом внутренней жизни Чехословацкой республики и доставляли властям немалые хлопоты.

Когда у кормила правления в Германии оказался Адольф Гитлер, политическая активность судетских немцев возросла. В 1933 г. был создан Судето-немецкий отечественный фронт, который затем был преобразован в Судето-немецкую партию (СНП). Его возглавил бывший учитель физкультуры Конрад Генлейн. Партия установила тайные контакты

с Германией, получала оттуда финансовую поддержку, но официально заявляла о лояльности к Чехословацкой республике. Ее власти тоже пока относились к СНП спокойно, полагая, что в демократической ЧСР нет места для укрепления влияния тоталитарной партии. Не был изменен курс Чехословакии и на сотрудничество с Германией, несмотря на то, что в ее верхах усиливались агрессивные настроения².

В декабре 1935 г. на пост президента ЧСР был избран Эдвард Бенеш, до того бессменный министр иностранных дел страны, активно участвовавший в деятельности Лиги Наций. Во внешней политике Чехословакия со времени ее создания ориентировалась на Францию. 2 мая 1935 г. был заключен Франко-чехословацкий договор о взаимопомощи на случай агрессии, а вслед за этим 16 мая 1935 г. Бенеш приехал в Москву для подписания по сути аналогичного Советско-чехословацкого договора³, что вызвало негативную реакцию со стороны гитлеровской Германии.

Аналогичную позицию занимал и Генлейн, неоднократно наведывавшийся в Лондон для убеждения английской общественности в бедственном положении немцев в Чехословакии. Это измышление гитлеровской пропаганды находило в правящих кругах Англии и Франции все больше склонных верить ему, понимание. Обратное суждение на этот счет приводит американский журналист и историк Уильям Ширер. Он считал, что судетские немцы «жили в Чехословакии совсем неплохо — лучше, чем любое другое меньшинство в стране». Проживая в областях, «где сосредотачивалась большая часть промышленности, судетские немцы процветали и, в конце концов, достигли относительной гармонии в отношениях с чехами, продолжая при этом требовать большей автономии и уважения к своему языку и культуре»⁴.

Активность партии Генлейна, имевшая античехословацкую направленность, начала раздражать руководство ЧСР. Бенеш в разговоре с советским полпредом Сергеем Александровским 14 октября 1936 г. в решительной форме заявил, что всякая провокация со стороны СНП «будет беспощадно подавлена»⁵. Но президент не мог не учитывать получаемые им по дипломатическим каналам сообщения о том, что все большее число людей в Англии и Франции, в том числе и в верхах, верит гитлеровской пропаганде об ущемлении прав судетских немцев в ЧСР и опасается столкновения Германии с Чехословакией, чреватого войной⁶.

В конце 1936 г. состоялось две встречи Бенеша с личными представителями Гитлера. На них обсуждались вопросы, касавшиеся отношений между обеими странами. Эмиссары Гитлера особый интерес проявили к положению судетских немцев. Бенеш, считавший, что этот вопрос является чисто внутренним делом Чехословакии, тем не менее, согласился дать соответствующие разъяснения по нему. Вопрос об отношении

к этой группе чехословацкого населения, согласно Бенешу, решается и будет решаться на основе конституции ЧСР, в которой зафиксирован принцип «Gleichberechtigung (равноправие) всех национальностей». Посланцы Гитлера обвинили Прагу в том, что ее национальная политика направлена на чехизацию областей с немецким населением. Бенеш, не отрицая того факта, что за время существования республики «произошла так называемая чехизация» и что этот процесс продолжается, заявил: «Это процесс социологический, политический, экономический, процесс, который невозможно удержать, поскольку он имеет глубокие основания во всем развитии и условиях нашего государства и должен, следовательно, приниматься как таковой», и немцы преувеличивают, когда во всем видят политику⁷.

Заканчивался 1936 год. Обстановка в мире все более накалялась. Началось оформление блоков агрессивных государств. 25 октября Германией и Италией было заключено соглашение, получившее наименование «ось Берлин — Рим». Месяц спустя Германия и Япония заключили т. н. Антикоминтерновский пакт, к которому в 1937 г. присоединилась Италия. Эти новые политические объединения, официальной целью которых была борьба против большевизма, коммунизма, в действительности стремились к окончательному слому Версальской системы международных отношений, установленной после Первой мировой войны, и новому переделу мира. В Европе ближайшими подручными Третьего рейха являлись Польша и Венгрия, тоже имевшие свои территориальные претензии к соседям, в том числе и к Чехословакии. Тайно вынашивались планы передела европейских границ. Множились слухи о грядущем разделе ЧСР, причем с подробным указанием на то, кому из соседей отойдет какая ее часть⁸. Пока это были лишь недостоверные слухи, но, как показали последующие события, они оказались пророческими. Но Западный мир, не готовый к войне и не желавший ее, делал вид, что верит в миролюбие Гитлера, стараясь отвести или отдалить от себя неизбежное столкновение с нацистской Германией. Третий рейх, неустанно прокламируя себя как защитника мира, продолжал вооружаться и тайно взял курс на установление своего господства в Европе.

1937 год не принес успокоения. Напряженность в мире нарастала. СНП по указанию Берлина наращивала свою активность, предъявляя Праге все новые и новые претензии. 30 января Гитлер выступил в Рейхстаге с большой речью, значительную часть которой посвятил внешней политике Германии. Среди условий «умиротворения» Европы он назвал «внимание к оправданному чувству национальной гордости» национальных меньшинств. Здесь явно имелась в виду Чехословакия, хотя о ней впрямую не говорилось.

Бенеш в связи с комментированием речи Гитлера дал секретное указание печати: как можно больше сдержанности, чтобы не дать повод к провокациям. Вместе с тем он отреагировал на замечание фюрера о национальных меньшинствах, снова подчеркнув, что это внутреннее дело Чехословакии и что никто не имеет права давить на ее политику в этом вопросе⁹. Прага в это время ни в коем случае не желала осложнения отношений с Берлином и даже надеялась на их улучшение. Германия же втайне вынашивала иные планы. Достаточно точно оценивал развитие германо-чехословацких отношений в это время советский полпред в Германии Яков Суриц. 4 марта 1937 г. он сообщал: «За последнее время особенно часто упоминается Чехословакия. Если еще до недавнего времени существовали сомнения насчет того, в каком направлении разовьется германская агрессивность, то сейчас почти сходятся на том, что первая очередь в наступательном плане Германии крепко уготована за Чехословакией... В газетной кампании, которая ведется против Чехословакии, на первый план явно начинают выпячивать тезис о зараженности Чехословакии коммунизмом... Существуют поэтому законные опасения, что, опираясь на немецкие меньшинства, Германия вызовет внутренний путч в Чехословакии и по испанскому образцу организует защиту этого “центра Европы” от коммунистической угрозы. Этот план представляет то удобство, что не облакает германское вмешательство в форму открытого нападения на Чехословакию»¹⁰. Хотя Суриц и оговаривался, что считать этот план как уже подготовленный и намеченный к реализации в ближайшее время нельзя, но вскоре оказалось, что события развивались именно в этом направлении.

Гитлеровская пропаганда усилила обработку европейского и мирового общественного мнения, подводя его к мысли, что Чехословакия, опираясь на СССР, становится рассадником коммунизма и всем своим поведением толкает мир к началу войны. Из заявлений ведущих германских политиков и дипломатов явствовало, что ЧСР следует осудить, во-первых, за ее союзнические отношения с СССР, рост влияния большевизма в стране, что влечет за собой угрозу его распространения в Европе, во-вторых, за угнетенное, неравноправное положение немецкого национального меньшинства. На том же делала упор и геббельсовская пропаганда. Следует заметить, что в связи этим, а также активностью партии Генлейна, в том числе и на международной арене, вопрос о «бедственном» положении судетских немцев все больше привлекал внимание мировой общественности, особенно английской, опасавшейся, что его нерешенность может привести к европейской войне. И чем дальше, тем больше английское правительство оказывало давление на Прагу, склоняя ее к уступкам Генлейну во имя примирения Чехослова-

кии с Германией. Посланник ЧСР в Лондоне Ян Масарик, как сообщал в Москву советский посол в Англии Иван Майский, 10 августа 1937 г., подтвердил, что «Форин офис в последние месяцы как в Лондоне, так и через своего посланника в Праге неоднократно давал чехословацкому правительству советы как-нибудь смягчить напряжение, существующее в чехословацко-германских отношениях, в частности, пойти на необходимые уступки судетским немцам»¹¹.

Бенеш поддавался этому давлению, и его пока не покидала мысль о возможности договориться с Германией, что явствует из его беседы с Александровским в конце апреля¹². Москва была встревожена возможным сближением Чехословакии с Германией. Эти опасения нашли отражения, в частности, в статье «Известий» от 16 мая 1937 г., посвященной второй годовщине подписания Договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. В ней, помимо прочего, говорилось: «Чехословакия, имеющая общую границу с фашистской Германией, вряд ли сможет отстоять свою безопасность и независимость, опираясь на свои собственные силы. Только в рамках коллективной безопасности и опираясь на свои соглашения о взаимной помощи с Францией и Советским Союзом, Чехословакия может отстоять свою безопасность»¹³. Несомненно, понимал это и Бенеш. Одновременно с попыткой улучшить отношения с Германией Чехословакия нащупывала возможность укрепить добрососедские отношения с Венгрией и Польшей. Но и здесь положительных результатов достичь не удалось: и та, и другая страна имели территориальные претензии к ЧСР, и вслед за Германией усилили критику положения венгерского и польского меньшинств в Чехословакии.

Во второй половине 1937 г. внешнеполитическая ситуация Чехословакии по-прежнему оставалась сложной. Все свидетельствовало о том, что ЧСР должна стать первой жертвой амбициозных планов Гитлера, нацеленных на полное господство в Европе. Их осуществление он намеревался начать с ее центральной части, и конкретно с Чехословакии. В своих расчетах фюрер исходил из того, что ни Англия, ни Франция, опасаясь начала войны, к которой они не были готовы ни психологически, ни материально, не станут защищать ЧСР. И в этом он, как показали дальнейшие события, оказался прав. 19 ноября высокопоставленный английский чиновник и политик лорд Эдуард Галифакс во время частной поездки в Германию «на охоту» встретился в Оберзальцберге с Гитлером. Беседуя с фюрером, он дал понять, что при условии сохранения целостности Британской империи английские правящие круги готовы предоставить ему свободу рук в Австрии, Чехословакии и Дании. Условием являлось лишь то, чтобы эти «изменения европейского порядка были произведены путем мирной эволюции». Одновременно

Галифакс подчеркнул, что Германия по праву может считаться «бастионом Запада против большевизма»¹⁴.

Усилился англо-французский нажим на Чехословакию в плане необходимости достижения договоренностей с Германией, т. е. уступок ей, прежде всего, что касается, принятия требований партии Генлейна в отношении автономии Судетской области. Особую настойчивость в этом проявляла Англия и ее посланник в Праге Бэзил Ньютон. На горизонте замаячил «призрак Мюнхена», который чем дальше, тем явственнее приобретал все более реальные очертания.

Гитлер готовился к войне. В протоколе его совещания с высшими военными чинами Германии 10 ноября 1937 г. значится: «Вообще-то фюрер полагает весьма вероятным, что Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решен Германией. Трудности, переживаемые империей [Великобританией. — *В. М.*], а также перспективы вновь быть втянутой в длительную европейскую войну являются решающими для неучастия Англии в войне против Германии. Английская позиция наверняка не останется без влияния на позицию Франции»¹⁵. 7 декабря появился план стратегического сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил под кодовым наименованием «Грюн». 21 декабря военный министр Германии генерал-фельдмаршал Вернер фон Бломберг подписал директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне: «Цель войны по варианту “Грюн” будет всегда состоять в быстром занятии Богемии и Моравии с одновременным решением австрийского вопроса в смысле включения Австрии в германскую империю». «Наступательная война» против Чехословакии считалась возможной, даже если какая-либо великая держава выступит против Германии»¹⁶. По мысли Гитлера, «авианосец» большевизма в Европе, как называлась Чехословакия в немецкой прессе, должен быть уничтожен, и фюрер не сомневался в том, что Англия и Франция скорее пожертвуют Чехословакией, чем начнут из-за нее войну.

Однако в начале 1938 г. аншлюс Австрии был отделен от захвата Чехословакии и в планах Гитлера оказался на первом месте. При этом фюрер особо не опасался какого-либо серьезного противодействия со стороны западных держав, и особенно Англии, в руководстве которой усилились позиции политиков, готовых идти на соглашения с ним. После аншлюса Австрии, не встретившего особого осуждения со стороны западных держав, Гитлер осмелел. О намерении взять «под свое крыло» 10 млн немцев, проживающих в Австрии и Чехословакии, фюрер во всеуслышание заявил с трибуны Рейхстага еще 20 февраля 1938 г. В марте первый шаг к этому он сделал. На очереди была Чехословакия. Аншлюс

стал репетицией к ее ликвидации и важным шагом на пути к европейской войне. Англия и Франция продолжали политику непротивления гитлеровской агрессии в Европе.

Не сработал и механизм Лиги Наций, которая как бы не заметила происшедшее, что подвигло Гитлера к наращиванию усилий по захвату Европы. Аншлюс Австрии менял соотношение сил и геополитическую ситуацию на Европейском континенте в пользу нацистской Германии. Захватив развитую австрийскую промышленность, она усилила свой экономический потенциал. Улучшилось и стратегическое положение Германии, которая теперь охватывала Чехословакию с трех сторон. Настало время, по мнению Гитлера, готовить политический и военный плацдарм для ее ликвидации. Делалось это и явно, и тайно. Открытым предлогом стало настойчивое утверждение немецкой пропаганды о бесправном положении и угнетении немецкого меньшинства в ЧСР, за права которого фюрер намерен был вступить. Его орудием тут выступала СНП, глава которой Генлейн получил указание Гитлера неуклонно наращивать свои требования к чехословацкому правительству, не идя ни на какие компромиссы. И в осуществлении этого плана Гитлер преуспел.

Отставка 20 февраля 1938 г. с поста министра иностранных дел Великобритании сорокалетнего Энтони Идена укрепила позиции премьера правительства семидесятилетнего Невилла Чемберлена, последовательного сторонника политики «умиротворения» агрессора. Как сообщал чехословацкий посланник в Лондоне Масарик в Прагу 24 февраля: «мы не должны отрицать, что наша ситуация в Англии с отставкой Идена ухудшилась»¹⁷. С уходом из английского правительства противников «умиротворения» агрессора желание Чемберлена и нового министра иностранных дел Галифакса сговориться с нацистской Германией, развязывая ей руки в Центральной и Восточной Европе, обозначилось весьма четко. Франция, имевшая с Чехословакией Союзный договор, все более склонялась к поддержке внешнеполитического курса Англии из-за боязни остаться один на один с агрессором и малой веры в возможность, несмотря на неоднократные заявления Москвы оказать помощь Чехословакии при условии такой помощи с французской стороны советского вмешательства в конфликт. Немалую роль при этом играли опасения Западных держав в распространении «бацилл большевизма» и укреплении влияния СССР на европейские дела.

Если Англия и Франция с конца 1937 г. закулисно сговаривались с нацистским агрессором за счет ЧСР, то политика Берлина в отношении Праги характеризовалась непрерывным и все более усиливавшимся нажимом на нее. 20 февраля 1938 г., выступая в Рейхстаге, Гитлер

заявил об особых правах Германии на охрану немецкого меньшинства, проживавшего в других странах. При этом назывались следующие цифры численности немецкого населения в европейских странах: в Австрии 6,5 млн, в Чехословакии 3,5 млн, в Швейцарии 2,9 млн, в Польше 1,15 млн, во Франции (Эльзас-Лотарингии) 1,5 млн, в Гданьске (Данциге) 350 тыс., в Венгрии 350 тыс., в Южном Тироле 240 тыс., в Румынии 800 тыс., в Югославии 700 тыс., в Бельгии 100 тыс., в Клайпеде (Мемеле) 140 тыс., в России 200 тыс. Всего в европейских странах вне пределов Германии согласно ее статистике проживало 20 млн 69 тыс. немцев¹⁸. Все они, согласно Гитлеру, должны были раньше или позже воссоединиться с «материнской» нацией Третьего рейха¹⁹. Министр иностранных дел ЧСР Камиль Крофта в беседе с временным поверенным в делах СССР в ЧСР Михаилом Шапровым подчеркнул, что «положение Чехословакии после аншлюса значительно ухудшилось и что... опасность насильственного разрешения спорных вопросов со стороны Германии, безусловно, возросла»²⁰.

Включение самостоятельного австрийского государства в состав рейха стало первым агрессивным актом фашистской Германии по насильственному присвоению чужих территорий. Европа была шокирована этим актом, но, немного поволновавшись и повозмущавшись, смирилась с ним. Бенеш в своих мемуарах так характеризовал европейские настроения после аншлюса: «Аншлюс вызвал в Европе несколько чувств. Прежде всего стыда за то, что нечто подобное и в такой форме, без явного сопротивления остальных, стало возможно. Затем начались поиски оправдания: в конце концов, дескать, это было неизбежно, ведь австрийцы это те же немцы, и кто может выступать против их объединения? И, наконец, чувство слабого облегчения: Гитлеру, дескать, в Австрии не будет так легко, и Европа некоторое время будет иметь покой, по крайней мере, определенно на шесть месяцев»²¹.

Отношение «чешских немцев» к чехам после речи Гитлера и особенно после аншлюса катастрофически ухудшилось, активизировались генлейновцы. Судето-немецкая партия стала самой популярной и самой влиятельной среди немцев в ЧСР. «Это, — по словам Бенеша, — была массовая истерия. Она охватила все немецкое население в чешских землях»²². Президент все еще твердо стоял на позиции: политика в отношении немецкого меньшинства — внутреннее дело Чехословакии²³. После аншлюса Лондон настойчиво рекомендовал Праге поспешить с выработкой конструктивных предложений, касающихся улучшения положения немецкого меньшинства в ЧСР²⁴. Бенеш смягчил свою позицию и в беседе с Бэзилем Ньютоном заявил, что президент и правительство готовят проект «достаточно широкой акции, чтобы во

всех спорных вопросах, касающихся меньшинств, можно было идти так далеко, как это позволяет единство государства»²⁵.

12 апреля Крофта сообщил посланникам ЧСР в Лондоне, Париже и Берлине принципы проекта о положении национальных меньшинств, который разрабатывается правительством²⁶. 24–26 апреля в Карловых Варах (Карлсбаде) состоялся съезд Судето-немецкой партии. Он заявил, что чешские немцы не признают Чехословакию в ее нынешнем политическом и конституционном виде и больше никогда не будут проводить т. н. политику активизма [сотрудничества с правительством. — В. М.], как в прошедшие двадцать лет; они полны решимости вести борьбу за свою новую концепцию всеми средствами и со всей последовательностью. Восемь пунктов Карловарской программы, по заявлению Генлейна, являются не максимальной, а минимальной программой партии. «Это означало: сегодня пока мы требуем территориальной автономии, как минимум. Максимумом будет последующее присоединение к нацистской империи», — писал Бенеш в воспоминаниях²⁷.

Германская пресса, отталкиваясь от заявлений карлсбадского съезда, возобновила интенсивный огонь по Чехословакии. Дело изображалось как развернутая борьба против пражского правительства всех наций (кроме чехов), населяющих ЧСР. Временный поверенный в делах СССР в Германии Георгий Астахов писал в НКВД СССР 28 апреля: «Создается как бы фон для грядущей “освободительной” роли Гитлера против “чешской тирании”, угнетающей все народы и действующей заодно с Коминтерном». Астахов сообщал также о впечатлениях от своего посещения Судетской области: «Немецкое население... почти целиком распропагандировано и готово встретить Гитлера, как освободителя... Почти все встречные немцы при виде нашей машины, имеющей немецкий опознавательный знак, поднимали руки с гитлеровским салютом, а порой мальчишески вспрыгивали на подножку, крича “Хайль Гитлер!”... после событий в Австрии у населения появилась уверенность, что присоединение Судет может произойти столь же безнаказанно... Легальные возможности демократического режима используются генлейновцами в полной мере... Если положение будет разворачиваться в таком же направлении, то можно не сомневаться, что Судеты (если не всю Чехию) в недалеком будущем ждет участь Австрии»²⁸.

Вопрос о нацменьшинствах в Чехословакии все более и более приобретал международное звучание. О необходимости улучшения положения польского и венгерского национальных меньшинств в ЧСР и о территориальных претензиях к ней открыто заговорили в Варшаве и Будапеште²⁹. Англичане и французы продолжали настаивать на как можно больших уступках генлейновцам. Чехословацкий меморандум Англии

и Франции, содержащий перечисление намеченных мероприятий по расширению в рамках существующей конституции прав судетских немцев, кончался категорическим заявлением, что никакой автономии Судет Чехословакия допустить не может. Ньютон, встретившись с Крофтой, заявил, что Англия в данное время не может вести европейскую войну, и поэтому необходимо сделать максимальные уступки судетским немцам. Это же рекомендовал пражскому правительству и французский посланник Виктор Делакура³⁰.

«Сейчас в Праге исключительно сильно чувствуется давление англичан в вопросе о чешско-немецких взаимоотношениях, — сообщал в Москву Александровский 16 мая. — Некоторые из собеседников откровенно говорят, что у них (не исключая и Бенеша) “захватило дух” от демарша английского посланника Бэзила Ньютона. В подавляющем большинстве этот демарш истолковывается как завуалированное требование переустройства Чехословакии на федеративных началах. При этом каждому ясно, что федерация или автономия обозначают решительный шаг в направлении упразднения самостоятельного существования Чехословакии и переход Судетской области в состав германской империи. В качестве сил, стоящих против подобного “решения” судето-немецкого вопроса, называют только Бенеша... и чехословацкую армию». Александровский сообщал, что все политические партии стараются переложить ответственность за принятие решения исключительно на Бенеша: «Растерянность и страх перед ответственностью так велики, что Бенеш постепенно попадает в состояние уж действительно сплендид изолейшн [Блестящая изоляция. — В. М.] и скоро увидит себя вынужденным решать и править страной почти что самодержавным способом»³¹. Это, собственно, подтверждал и Бенеш в своих мемуарах, объясняя такой способ действия медленностью функционирования демократической системы: «Я в последних фазах борьбы с Берлином и нашими нацистами был вынужден и при том чересчур часто действовать сам и брать ответственность на себя в принятии очень важных политических решений»³² [Выделено мной. — В. М.].

В середине мая Бенеш был полон решимости оказать военное сопротивление Германии в случае ее нападения на Чехословакию. По словам Александровского, беседовавшего с президентом по его инициативе 18 мая в течение трех часов, тот «в очень твердом тоне заявил, что он и весь чехословацкий народ поставят все на карту и будут драться за каждую пядь земли». Бенеш развил свои мысли и по поводу возможного поражения чехословацкой армии под натиском сил вермахта: «Тогда, — говорил он, — можете быть уверены, что мы все-таки будем драться, пробиваясь на восток, для соединения с Красной Армией»³³. В дополни-

тельной телеграмме в НКВД от 18 мая Александровский писал о беседе с Бенешем: «Кончил Бенеш просьбой передать советскому правительству, а также лично Сталину, Молотову, Ворошилову, Литвинову, что он ни при каких условиях не отступит от нынешней демократической основы своей республики и будет защищать режим государства и его границы всеми доступными ему средствами»³⁴.

Вместе с тем Бенеш не желал казаться в глазах Запада ориентирующимся в своей политике твердо на Восток. В беседе с Ньютоном 17 мая, т. е. накануне встречи с Александровским, президент утверждал: «Отношения Чехословакии с Россией всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия всегда будет следовать за Западной Европой и будет всегда связана с ней и никогда не будет связана с Восточной Европой. Всякая связь с Россией будет поддерживаться через Западную Европу»³⁵. Западник по духу и воспитанию Бенеш, не желая отказываться от поддержки ни Запада, ни Востока, действовал, как опытный дипломат и политик-прагматик.

Между тем напряженность в чехословацко-германских отношениях усиливалась: началась передислокация немецких военных частей на границе с ЧСР; партия Генлейна по указаниям из Берлина прибегла к провокациям; произошли столкновения между нарушителями порядка и правительственными войсками. Выборы в местные органы власти, прошедшие в ЧСР 22 мая, показали, что партия Генлейна получила в немецких районах примерно 88–91 % голосов избирателей³⁶. 30 мая Гитлер подписал распоряжение, в котором говорилось: «моим неизменным решением остается ликвидация Чехословакии посредством военной акции в ближайшем будущем»³⁷.

Оценивая влияние майского кризиса на поведение Франции и Англии в отношении Чехословакии, Бенеш писал в воспоминаниях: «Великобритания начала серьезно опасаться, что из-за Чехословакии она может быть действительно втянута в серьезный европейский военный конфликт»; «французская политика в чехословацком вопросе оказалась в подчинении, как представляется, окончательно, британской политики, толкуя автоматически Чехословацко-французский договор уже, чем до сих пор он толковался, и обуславливая выполнение своих обязательств в отношении Чехословакии предварительным британским согласием». «Для Чехословакии, — по словам Бенеша, — эта новая дипломатия была поистине опасна», в том числе и потому, что «малейшее нежелание Великобритании решительно вмешаться в среднеевропей-

ские проблемы могло стать хорошим предлогом для Франции не выполнить свои союзнические обязательства. Практически это и произошло в действительности осенью того же года во время сентябрьского кризиса и привело к Мюнхену»³⁸.

Анализ майского кризиса, проведенный впоследствии Бенешем, давал ему основание сделать следующие выводы: «1. Великобритания и Франция пришли после 21 мая к заключению, что если бы кризис повторился в подобной форме, то это привело бы к войне, в которую могли бы быть втянуты обе западные великие державы. Германия действительно могла бы попытаться напасть на Чехословакию, и Прага стала бы весьма решительно обороняться. Тогда их неперменной обязанностью было бы, что они в принципе искренне признавали, выступить против прямой германской агрессии. Поэтому этой агрессии следует так или иначе воспрепятствовать в любом случае.

2. Великобритания и Франция окончательно договорились, что Франция не предпримет военных мер без согласия Великобритании в целях выполнения своих обязательств, содержащихся в Чехословацко-французском договоре. С Чехословакией это не было согласовано и не получено ее одобрения относительно сужения договорных обязательств Франции.

3. Не будучи готовы к войне с Германией и не желая ее вести из-за чехословацких немцев, обе державы считали просто необходимым, чтобы чехословацкое правительство приняло требования наших нацистских чехословацких немцев...

4. Сопротивление этой политике с моей стороны и с нашей стороны вообще рассматривалось... как неискренность и неоправданность в нашем поведении. Обе державы в основе принимали большинство подозрений, упреков, лжи и вообще утверждений пропаганды, которую против нас вел Берлин и наши нацисты; в Генлейне длительное время они наивно видели, особенно лондонские деятели, политика, который хочет с нами искренне договориться, а не настоящего гангстера, который, глядя в их глаза, как умеренный честный человек, непрерывно обсуждал с Гитлером, как соглашению с нами воспрепятствовать...

5. Как мы выяснили позднее, с 21 мая сделали для себя выводы и Гитлер и наши нацисты. Уже 28 мая на совещании со своими политическими и военными сотрудниками он решил, что вопрос о наших немцах в соответствии со своей речью от 20 февраля 1938 г. разрешит в любом случае до осени или до конца 1938 г., невзирая на любые последствия, т. е. и ценой войны. В соответствии с этим он договорился и о действиях с нашими нацистами, в соответствии с этим он давал им инструкции, а они в соответствии с ними в переговорах с нами действовали.

Одной стороной [Германией. — *В. М.*] были явно продемонстрированы твердость, решимость и преступные замыслы, а другой стороной [Англией и Францией. — *В. М.*] колебания, увертки, давление на слабого [Чехословакию. — *В. М.*] — одним словом: намеренное умиротворение»³⁹.

Пока же, в июне—июле, продолжились переговоры чехословацкого правительства с Генлейном, который выдвигал все новые и новые требования, касающиеся организации жизни немецкого меньшинства в ЧСР. Когда казалось, что компромисс может быть достигнут, генлейновцы повышали свои требования в расчете на то, что власти откажутся их принять. Всего Судето-немецкой партией было отвергнуто четыре варианта статута о национальных меньшинствах, предложенных правительством.

В мемуарах Бенеш подробно останавливается на требованиях СНП, анализирует ее меморандум от 10 июня. Чехословацкое правительство, идя навстречу немецким требованиям, стремилось реализовать их таким образом, чтобы это не нарушало целостность государства и его демократической основы. Британские верхи проявляли нетерпеливость и недовольство медленным ходом обсуждения и недостаточностью чехословацких уступок⁴⁰. 29 июня Чемберлен, выступая на заседании кабинета министров, согласно сообщению Масарика в МИД ЧСР, «ясно обвинил президента Бенеша и правительство, что они умышленно медлят с переговорами, и потребовал от Галифакса, чтобы он снова обратился в Париж с предложением совместного нажима на нас [Чехословакию. — *В. М.*]»⁴¹. Национальный статут, в конце, концов, был подготовлен⁴². Циркулярная депеша, сформулированная Бенешем и направленная чехословацким дипломатическим представительствам 3 июля, касалась переговоров о нем, его сути и сроков окончательного принятия парламентом: «Необходимо будет приложить все усилия к тому, чтобы и правительства и общественность отдельных государств были правильно информированы о том, какие огромные уступки делаются у нас национальностям и какие огромные жертвы приносятся ЧСР ради всеобщего мира и сотрудничества с соседями»⁴³.

Окончательные тексты национального статута и всех связанных с ним законодательных предписаний были приняты на заседании правительства 26 июля 1938 г. Оценивая статут, Бенеш утверждал в мемуарах: «Чешские политические лидеры за все время своей современной политической истории никогда не шли так далеко в своих уступках немцам в Чехии и Моравии, как в 1938 г. при выработке концепции национального статута... Но никакие уступки не были достаточными там, где за призывом к равноправию мысленно скрывалась, не признаваемая открыто, политическая цель: уничтожить, подчинить опять менее цен-

ный чехословацкий народ пангерманскому Херренвольку⁴⁴». Подготовленный в спешке Национальный статут, по мнению Бенеша, был не без недостатков, но в ходе его обсуждения в сенате, если бы дело дошло до этого, а также в ходе спокойного обсуждения они были бы исправлены. Президент считал статут «как максимум» и в то время придерживался мнения, что в уступках немцам нельзя «идти ни на шаг далее»: «Чешские земли национальным статутом были разделены на часть немецкую и часть чешскую ценой целостности и суверенитета государства... Наши немцы однако отвергли эту жертву чехословацкого народа; для них речь шла в первую очередь об уничтожении Чехословацкой республики и ее аннексии германской империей»⁴⁵.

Третий рейх угрожал Чехословакии военным вторжением. 12 июля посланник ЧСР в Берлине Войтех Мастны сообщал в Прагу, что, согласно имеющимся у него сведениям, «Германия, в случае, если в ближайшее время переговоры с судетскими немцами не закончатся успешно, готовит военное нападение на Чехословакию в середине сентября»⁴⁶. Германия активизировала кампанию по разоблачению «чешского империализма, чешского преследования бедного, подвергшегося насилию немецкого народа и маккиавелистского поведения Бенеша, который хочет начать новую европейскую войну лишь для того, чтобы иметь возможность угнетать три с половиной миллиона немцев и тем самым сохранить свое гибридное государство»⁴⁷. Берлин усилил пропаганду, направленную против Бенеша, который якобы лично препятствует достижению соглашения между чешским и немецким народами. По словам Бенеша, с июня 1938 г. Париж также стал видеть в нем «главную опасность». «Это представление обо мне, как о человеке, который толкает Европу к ужасной войне, прежде всего, из-за своих тщеславных целей, — вспоминал президент, — в Париже навязывалось дипломатическим кругам и особенно американскому послу Буллиту, который его охотно разделял и далее распространял»⁴⁸.

Берлин активизировал античехословацкую кампанию, угрожая военным конфликтом и стремясь изолировать ЧСР, лишив ее франко-английской поддержки. 6 августа Мастны сообщил о совещании у Гитлера в Оберзальцберге (14 июля), на котором канцлер заявил, что в течение шести месяцев Чехословакия будет разделена между Германией, Польшей и Венгрией⁴⁹. Англия и Франция возлагали определенные надежды на свое посредничество в деле урегулирования отношений Праги с судетскими немцами, иллюзорно полагая, что оно даст эффективный результат. 20 июля правительство Великобритании направило чехословацкому правительству ноту, содержащую предложение о посредничестве в его переговорах с генлейновцами.

Первая реакция Бенеша на предложение англичан была резко отрицательной⁵⁰. Но, поразмыслив, президент согласился с ним, о чем и было сообщено в Лондон 23 июля⁵¹. В качестве посредника англичане предложили лорда Уолтера Ренсимена, бывшего министра торговли. Вот как характеризовал его Масарик: «Ренсимен — это умный [Chytrý — это слово может быть переведено и как хитрый. — В. М.], упрямый, не склонный к конформизму клерикал, абстинент и богач... Его миссия мне вообще не нравится, хотя я не придаю ей такого значения, как здешняя печать»⁵².

Лорд Ренсимен прибыл в Прагу 3 августа. Напряженность в отношениях Праги и Берлина достигла уже такой степени, что в мирную миссию Ренсимена вряд ли можно было верить. Во время личной встречи с ним президент обратил его внимание на то, что конфликт не является внутривластным делом, что это «борьба между Прагой и Берлином» и что соглашение между правительством и чешскими немцами может быть достигнуто лишь в случае, если этого пожелает Берлин. «Наши немцы в своем большинстве являются лишь простым инструментом берлинской пангерманистской политики в отношении нас»⁵³.

Ренсимен неоднократно встречался с представителями судетских немцев и с пониманием выслушивал их жалобы. Сам он мало надеялся на успех переговоров, о чем и сообщал Галифаксу. Тот передал это мнение Майскому⁵⁴. «Чехословацкая сторона, — по словам Бенеша, — поняла, что на миссию Ренсимена... сильнее влияют аргументы Берлина, Судето-немецкой партии и немецкой пропаганды, чем вся добрая воля чехословацкого правительства и президента»⁵⁵. Не улучшила отношений между Бенешем и Ренсименом просьба лорда о встрече Генлейна с Гитлером в целях информирования того о ходе переговоров. 1 сентября президент получил письмо Ренсимена, в котором говорилось, что Генлейн по его просьбе уезжает в Германию, чтобы встретиться с Гитлером⁵⁶. В тот же день Ренсимен посетил Бенеша и рассказал ему о разговорах с Генлейном. Президент проявил решительное несогласие с действиями Ренсимена и протестовал против них, подчеркнув, что тот переводит вопрос в недопустимую плоскость и призывает Гитлера вмешиваться в чехословацкие внутренние дела. Ренсимен заявил, что сделал это от себя лично и на свою ответственность. Он, дескать, принял это решение, желая устроить Гитлера тем, что если дело не дойдет до соглашения между немцами и Прагой, то это приведет к роковым международным последствиям и весь спор будет перенесен на поле принятия решений великими державами.

«Было ясно, — по словам Бенеша, — что лорд Ренсимен, вероятно, вообще даже не осознал, что направляет предателя и слугу Генлейна

к его господину, Гитлеру, чтобы они оба перед широкой общественностью “легально” согласовали окончательные планы как раз к прекращению всех переговоров в Праге»⁵⁷. Генлейн отправился к Гитлеру и провел в Берхтесгадене 1 и 2 сентября. В беседах принимала участие вся нацистская верхушка. Хотя в официальном коммюнике об этом визите кроме общих фраз ничего сказано не было, дальнейшие события показали, что именно тогда обсуждался план дальнейших действий генлейновцев, конечно, не имевший ничего общего с одобрением ведущихся в Праге переговоров и согласием с их продолжением.

Англия и Франция продолжали оказывать нажим на Прагу, торопя ее в заключении соглашения с судетскими немцами. Ньютон настаивал на том, что оно должно быть достигнуто до открытия Нюрнбергского съезда нацистов 6 сентября. Если это будет необходимо, по его словам, чехословацкое правительство должно принять и карловарские требования генлейновцев. Ньютон обратил внимание Бенеша на то, что в случае войны Чехословакия оказалась бы «в достойной сожаления ситуации»: чехословацкие земли стали бы полем боя, были бы разорены военными действиями, прошли бы, скорее всего, через гражданскую войну. И, по словам Бенеша, Ньютон «присоединил к этому еще и предупреждение британского правительства: дескать, более чем сомнительно, что и в случае победоносного окончания войны можно было бы восстановить Чехословацкую республику в тех границах, которые она сейчас имеет»⁵⁸.

Бенеш сам разработал т. н. четвертый план достижения соглашения с судетскими немцами. Он означал, по сути, почти полное принятие восьми пунктов Карловарской программы Генлейна. Как считал Бенеш, «в этой борьбе против нацистского тоталитаризма и в защиту чехословацкой демократии я подчинился чрезвычайному и несправедливому нажиму британского и французского демократических правительств, которые, преследуя цель сохранить мир, принуждают нас под предлогом [осуществления принципа] национальной справедливости к уступкам, в действительности нацеленным на уничтожение нашей государственной и национальной мощи под ударами нацистского тоталитаризма»⁵⁹.

В информации о своей миссии, которую Ренсимен представил Чемберлену и направил также Бенешу, лорд высоко оценивал четвертый план и отмечал, что он содержал все существенное из Карловарских требований Генлейна. По мнению Ренсимена, если бы немедленно были начаты переговоры на основе этого плана, можно было бы достичь взаимопонимания и договоренности. Но именно эта перспектива успешных переговоров и являлась причиной того, что он был отвергнут радикальной частью Судето-немецкой партии⁶⁰. В возможности реализации плана сомневались и западные «умиротворители». Министр иностранных

дел Франции Жорж Бонне полагал, в частности, что эти далеко идущие уступки судетским немцам были сделаны поздно, когда ситуация в Европе сильно изменилась. Бенеш назвал это «типичной аргументацией Бонне и умиротворителей». По мнению президента, речь на самом деле шла «о гангстерской технике вызвать и насильственными способами решить конфликт, план выхода из которого был уже давно подготовлен в Берлине, невзирая на то, что делалось бы в Праге или в Париже. Бонне же нужно было найти «алиби» для себя и возложить вину на нашу сторону, поскольку решение, что Франция из-за Чехословакии не пойдет на войну, было принято им так же давно, как решение Гитлера попытаться уничтожить Чехословакию»⁶¹.

Радикалы из Судето-немецкой партии настояли на том, чтобы переговоры с Прагой продолжились только после речи Гитлера в Нюрнберге 12 сентября. Было принято решение о поездке Генлейна в Нюрнберг для обсуждения с Гитлером «четвертого плана» и получения указаний от него. Чехословацкая общественность негативно воспринимала далеко идущие уступки в отношении судетских немцев. В стране был собран миллион подписей под обращением к правительству не уступать немецкому нажиму и угрозам. 10 сентября Бенеш обратился по радио к населению и призвал его к спокойствию. «Я твердо верю в наше государство, в его здравость, в его силу, в его способность к сопротивлению, в его прекрасную армию, в необоримость духа и преданность всего его народа, — говорил он, — будьте все тверды и верьте, что мы переживем это время, сохраним спокойствие и веру в себя, в свое государство и в его здоровое развитие»⁶².

В ночь с 12 на 13 сентября во многих пограничных районах на севере и северо-западе Чехии и на севере Моравии генлейновцы организовали массовые античехословацкие выступления. Вооруженные формирования Судето-немецкой партии начали занимать полицейские участки, финансовые и таможенные учреждения. В некоторых местах жители стали выворачивать пограничные столбы. Началась паника, бегство чешских семей из некоторых мест Пограничья, а также немецких семей в Германию. Демонстрации вскоре начали обретать характер восстания, появились убитые и раненые. Правительство ответило объявлением военного положения сначала в районе Хеба (Эгера), а потом еще в восьми районах Пограничья. Власти призвали население соблюдать спокойствие, вернуться на рабочие места и запретили проведение во всей республике политических митингов, собраний и демонстраций. В Пограничье были предприняты меры по укреплению обороноспособности страны. После направления в мятежные районы войск и жандармерии (40 тысяч) порядок был восстановлен, Судето-немецкая партия была

распущена. Генлейн 14 сентября бежал в Баварию, откуда по радио, констатируя невозможность сосуществования судетских немцев с чехами, потребовал присоединения территорий, на которых проживало более половины немецкого населения, к Германии. «Мы хотим жить как свободные мужчины и женщины. Мы снова хотим иметь мир и работу на нашей родине. Мы хотим домой, в рейх»⁶³, — заявил Генлейн. На немецкой стороне границы начались военные маневры.

Политика «умиротворения» агрессора в Англии и Франции набирала обороты. Во Франции развернулась кампания против помощи ЧСР в случае нападения на нее Германии. Министр иностранных дел Жорж Бонне, по сообщению Масарика, заявил, что следует сохранить мир ценой Чехословакии и что «Франция не готова и не хочет за нас воевать»⁶⁴. Англия выступила с предложением об отказе Чехословакии от части территории в пользу Германии, обещая в этом случае ЧСР гарантии со стороны западных держав. Возник план прямых переговоров Невилла Чемберлена с Гитлером, который выразил согласие принять главу британского правительства 15 сентября. «Отлет Чемберлена, — сообщал Масарик в Прагу, — был абсолютно тайным... Я очень опасаюсь, что старческие амбиции Чемберлена быть миротворцем Европы толкнул его к успеху любой ценой, возможно и за наш счет». В следующей телеграмме значилось: «В правительственных кругах распространено мнение, что Франция готова к любым уступкам, чтобы не воевать за нас. Готовится возможность свалить вину на нас и предлог отступить от нас»⁶⁵. «Поездка Чемберлена была встречена с необычными симпатиями французским народом, который видит в ней, с одной стороны, стремление сохранить мир, с другой, помочь Чехословакии избежать нападения», — говорилось в телеграмме чехословацкого посланника в Париже Штефана Осуцкого в МИД ЧСР 15 сентября⁶⁶.

В этих условиях Бенеш стал склоняться к решению уступить часть районов ЧСР с немецким большинством Германии. Предполагалось, что Германия могла бы получить 4–6 тыс. км² территории «с условием взять по меньшей мере 1 500 000–2 000 000 немецкого населения. Это означало бы, таким образом, перемещение населения, причем демократы, социалисты и евреи остались бы у нас»⁶⁷. 15 сентября Бенеш пригласил к себе в Град французского посланника Виктора де Лакруа и поручил ему устно передать французскому правительству следующее: «Наступает решающий момент в борьбе между нами и Берлином. Речь идет не о нашем немецком меньшинстве. Речь идет о вековой борьбе с немецким засильем в Центральной Европе. Нам должен быть нанесен смертельный удар; тем самым будет нанесен удар и по всей Центральной Европе, всей нынешней политике Франции, а тем самым и самой Франции». 16 сен-

тября Делакруа передал Бенешу тоже устно следующий ответ Бонне: французское правительство готово выполнить свои обязательства перед Чехословакией, но она сама должна приспособиться к новым европейским условиям и, пойдя на значительные уступки национальным меньшинствам, не давала бы повод своим соседям к упрекам». «А если бы этого не произошло, то Франция вынуждена была бы снова рассмотреть и переосмыслить свою политику — “reconsidérer sa politique” — в отношении Чехословакии». По словам Бенеша, это было заявление, которым Бонне «хотел обеспечить отступление от нашего договора, если бы обстоятельства этого потребовали»⁶⁸.

План, предложенный Чемберленом Гитлеру с одобрения премьер-министра правительства Франции Эдуарда Даладье, сводился к следующему: передать без плебисцита Германии территории с более чем 50 % немецким населением (Карловы Вары — Марианске Лазне — Хеб), остальным районам предоставить широкую автономию без плебисцита; новые границы ЧСР должны быть гарантированы Германией, Францией, Англией и Италией. В случае непринятия этих предложений Прагой, Франция и Англия «умывали руки», отказывая ЧСР в своей поддержке. Без Англии, по заявлению Жоржа Бонне, французская помощь Чехословакии была бы неэффективной⁶⁹. 18—19 сентября в Лондоне состоялось совещание глав правительств Англии и Франции, посвященное итогам поездки Чемберлена в Берхтесгаден. Было принято решение удовлетворить требование Гитлера о передаче Судетской области Германии. 19 сентября по поручению своих правительств Ньютон и де Лакруа вручили Бенешу соответствующий меморандум. «Этим предложением я был буквально ошеломлен», — вспоминал президент⁷⁰. «Наибольшим удивлением для меня, — по словам Бенеша, — был все же тот факт, что этим документом и именно в этот критический момент Франция в одностороннем порядке расторгала и прекращала действие своего Союзнического договора с Чехословакией»⁷¹.

Для рассмотрения вопроса было создано правительство, заседание которого продолжалось до самой ночи. Кроме того, Бенеш в тот же день встретился с Александровским, сообщил ему об англо-французском плане, о своем к нему отношении, и задал два вопроса: 1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь Чехословакии, если и Франция окажет ее; 2. В случае нападения президент намерен обратиться в Совет Лиги Наций за помощью и просит СССР поддержать его просьбу. Бенеш, по словам Александровского, считает англо-французское предложение неприемлемым, а борьбу неизбежной». На следующий день советское правительство дало положительный ответ на оба вопроса⁷².

В ночь с 19 на 20 сентября Бенеш сформулировал ответную ноту правительствам Англии и Франции, и утром снова собралось правительство для ее обсуждения и одобрения. Содержание ответа, по Бенешу, сводилось к следующему: а) Французско-британские предложения, касающиеся жизненных интересов Чехословакии, были сделаны без договоренности с ней. Они требуют от правительства нарушения Конституции и ряда других важнейших государственных законов. Они означают уродование государства, его экономический и коммуникационный паралич, а со стратегической точки зрения выдачу его на милость Германии и в недалеком будущем его полное подданство Германии. Они означают одновременно полное нарушение баланса в Центральной Европе, угрозу безопасности всех центрально-европейских государств, а следовательно, и Франции.

б) Чехословацкое правительство сделало все, чтобы договориться с немецким меньшинством. Трудности возникли не внутри республики, а из Берлина. Но с Берлином Чехословакия имеет Арбитражный договор. И она предлагает, чтобы спор с Германией был решен на основе этого договора. Чехословакия до сих пор выполняла все свои договоры. Она останется им верна и ныне, особенно договорам и узам с Францией и Великобританией.

в) Если же Франция и Великобритания будут настаивать на своих требованиях, речь пойдет не только о судьбе Чехословакии, но и о судьбе других стран, и особенно о судьбе Франции⁷³.

Англо-французские предложения, по сути, были отклонены. Соответствующую ноту оба посланника получили 20 сентября между 8 и 9 часами вечера. Но уже в ночь с 20 на 21 сентября (после двух часов ночи) они передали Бенешу ответ своих правительств. Бенеш называл эту встречу «историческим ультимативным разговором на Пражском Граде», который был, по его мнению, «предисловием ко всей дальнейшей катастрофе многих европейских государств и, собственно, почти всего мира». Встреча протоколировалась. Британский посланник сначала зачитал, а затем передал Бенешу письменный текст ответа своего правительства, которое а) настоятельно требует, чтобы правительство Чехословакии отозвало свой отрицательный ответ от 20 сентября и изменило свою точку зрения, приняв французско-британские предложения; б) обращает внимание чехословацкого правительства, что доведение до сведения общественности его отрицательного ответа привело бы к немедленному вторжению немецкой армии в Чехословакию; в) отказывается передать германскому правительству предложение об арбитраже, на который согласно Чехословацко-немецкому договору Чехословакия имела право; г) заявляет, что не может взять на себя ответственность

за ситуацию, которая была бы создана чехословацким правительством в случае, если бы оно не действовало в соответствии с британскими советами и предложениями. Во всяком случае это будет означать совершенную британскую незаинтересованность (*désintéressement*) в том, что произойдет с Чехословакией.

Французский посланник, передавший ответ своего правительства устно, был, по мнению Бенеша, более категоричен и касался францужско-чехословацких отношений: «Если чехословацкое правительство не сможет немедленно принять францужско-британские предложения и отвергнет их и если возникающая ситуация приведет к войне, то за нее будет ответственна Чехословакия, а Франция в этой войне участвовать не будет». В 12 часов дня 21 сентября по требованию Бенеша эта нота была передана ему в письменном виде. «Французский посланник передал мне ответ своего правительства со слезами на глазах; по праву он оплакивал конец двадцатилетней политики, которой мы оставались верными до самой смерти. Что чувствовал в эту минуту британский посланник, я не знаю: он был холоден и смотрел упорно в пол во время объяснений французского посланника. У меня было впечатление, что оба в душе стыдятся миссии, которую от имени своих правительств выполняли»⁷⁴. В конце встречи с обоими дипломатами президент сказал: «Как я вижу, вы предложили мне от имени своих правительств определенного рода ультиматум. То, что ваши страны делают в отношении моей страны, единственный случай в истории»⁷⁵.

По воспоминаниям Бенеша, он провел страшную ночь, размышляя о своей ответственности за принятие решения и о возможных альтернативах. Прежде всего, о возможности отвергнуть ультиматум и начать войну с Германией: «мы были в целом к ней в военном отношении, как и Германия, готовы... Но что будет, если мы вынуждены будем вести эту войну в одиночку? Я взвесил все...». Что касается Англии и Франции, то они уже заявили о своей «незаинтересованности» в судьбе Чехословакии в случае ее военного конфликта с Гитлером. Что касается России, то Бенешу, по его словам, «в тот момент не были достаточно ясны ее будущие практические действия [Выделено мной. — В. М.], но то, что она будет в принципе с нами, мне было определено ясно». Относительно двух соседей Чехословакии — Венгрии и Польши — у Бенеша не было «больших сомнений»: «Венгрия уже тогда находилась в полном сговоре с Германией против нас...»; Польша также открыто выступала против Чехословакии.

«Вывод из размышлений, — как пишет Бенеш, — был печален: мы вели бы войну в изоляции, вторжение в нашу страну трех наших ближайших соседей, смерть и уничтожение сотен тысяч наших людей, ра-

зрение страны и гибель государства. Одновременно я предполагал и определенно считался с решительным отказом всех этих государств не допустить помощи нам со стороны советской России, и, в конце концов, общее выступление против нее и попытка ее уничтожения, если она все же решится прийти к нам на помощь. В данной европейской ситуации я не мог исключать, что реакционные западные круги в этом случае попытались бы содействовать борьбе “не на жизнь, а на смерть нацизма против большевизма”, и даже, возможно, и помогли бы Германии [в войне] против России. Могу ли я в этом случае рисковать? Это был постоянно встающий передо мной, приводящий в отчаяние и решающий вопрос».

При этом, по словам Бенеша, он был уверен, что Гитлер не будет удовлетворен достигнутым «и пойдет дальше, вплоть до европейской войны». Из всех размышлений следовало: «Мы должны своей умеренностью доказать, что республика, поступая легкомысленно, не хочет лишь из-за части своей территории вовлечь Европу во вторую великую европейскую войну, что не хочет, чтобы только из-за нее Европа была залита кровью и разорена». Бенеш надеялся убедить в этом западные державы и привлечь их на свою сторону в предстоящей схватке с Германией. Эта надежда, как он пишет, не покидала его до самого последнего момента, когда он узнал о совещании в Мюнхене⁷⁶.

21 сентября утром состоялось заседание правительства, представителей политических партий и армии, от которой в совещании участвовали генеральный инспектор вооруженных сил генерал Ян Сыровы и начальник Генерального штаба генерал Людвик Крейчи. Оба приглашенных генерала высказали мнение, что в сложившихся условиях с военной точки зрения «есть возможность лишь короткой и трудной обороны, которая не может быть длительной» и не поддержали мысль об изолированной войне с Германией. Что предпримут практически с военной точки зрения Советы, по их мнению, пока тоже неясно. «В этом плане из Москвы, насколько им известно, пока нет никаких точных сведений». Точка зрения военных, по воспоминаниям Бенеша, «сильно повлияла на всех участников совещания»⁷⁷.

Вечером 21 сентября Крофта сообщил циркулярной депешей чехословацким дипломатическим представительствам о принятии Чехословакией англо-французских предложений. В ней говорилось: «Вынужденное обстоятельствами и чрезвычайным давлением французского и английского правительств чехословацкое правительство с душевной болью принимает францужско-английские предложения, надеясь, что оба указанных правительства сделают все, чтобы при их реализации были сохранены жизненные интересы Чехословакии»⁷⁸.

21 сентября по стране прошли манифестации с требованием не отступать и начать войну. Правительство ушло в отставку. Новым главой кабинета стал генерал Сыровы. Чтобы внести успокоение, Бенеш 22 сентября выступил с радиообращением к народу. Указав на связанность чехословацкого вопроса со всеми европейскими делами и процессами, он подчеркнул важность «при всех обстоятельствах сохранять спокойствие и рассудительность, и особенно единство народа», и заявил: «Если необходимо будет бороться, мы будем бороться до последнего дыхания. Если же будет необходимо и можно вести переговоры, будем их вести»⁷⁹.

23 сентября Крофта передал по телефону инструкции чехословацким посланникам в Париже и Лондоне: попытаться внести поправки в англо-французский план решения судето-немецкого вопроса и «показать на карте, насколько бессмысленными стали бы потом границы и как глубоко врезалась бы Германия в чехословацкую территорию. Государство оказалось бы стратегически несостоятельным»⁸⁰. Но было уже поздно. 23 сентября на встрече с Невиллом Чемберленом в Годесберге Гитлер ультимативно выдвинул более жесткие, чем англо-французские, условия решения судето-немецкого вопроса⁸¹. Слабые попытки Чемберлена возразить со ссылкой на то, что Прага не примет подобные требования, не увенчались успехом. Английский премьер согласился передать их Бенешу и чехословацкому правительству, что и было сделано в тот же день Ньютоном⁸². Осуществление этого плана, по Бенешу, означало с точки зрения коммуникаций полный паралич всей чехословацкой территории и нарушение шоссейных, железнодорожных и речных коммуникаций в такой мере, что вся территория республики распадалась на три части, почти вообще друг с другом не связанные. План означал ликвидацию Чехословакии как экономического целого, паралич всей оставшейся чехословацкой промышленности, изъятие большей части сырьевой базы, создание полной экономической зависимости новой Чехословакии от Германии... С военной и стратегической точки зрения план означал уничтожение всей существующей обороны государства и невозможность создания какой-либо эффективной обороны в будущем⁸³.

Но и Лондон, и Париж, похоже, тоже были обескуражены новыми требованиями Гитлера. 24 сентября Галифакс принял Масарика и заявил ему, что ни он, ни премьер не могут советовать Чехословакии принять эти требования. Но он настаивал на необходимости подумать о том, не лучше ли уступить Гитлеру, чем быть разбитыми. Премьер, по заявлению Галифакса, уверен в том, что Гитлер, «получив судетские области, навсегда оставит Европу в покое». Далее Галифакс сообщил Масарику, что английский Генеральный штаб ожидает нападения на Че-

хословакию без объявления войны в ближайшее время, еще до первого октября⁸⁴.

23 сентября в 8 часов вечера на Граде состоялось новое заседание правительства, с участием представителей политических партий и армии. Было сообщено о мнении английского и французского руководства: предоставить чехословацкому правительству самому решать вопрос о мобилизации, но «по возможности, тактично провести эти меры». Бенеш просил согласия на проведение в стране мобилизации. Решение об этом, — по его словам, — было принято единогласно⁸⁵. Сразу же после совещания президент подписал Декрет о всеобщей мобилизации и назначил генерала Крейчи генералиссимусом на случай войны⁸⁶. Сорок прекрасно вооруженных дивизий должны были быть призваны к оружию и готовы к обороне на всех границах.

Бенеш согласовал с Масариком по телефону ответ чехословацкого правительства на Годесбергский меморандум. 25 сентября посланник передал английскому правительству ноту, в которой говорилось о неприемлемости для правительства требований Гитлера: «Мое правительство изучило сегодня документ и карту. По сути, это — ультиматум, который предлагается побежденному народу, а не предложение суверенному государству, которое доказало всю возможную готовность к жертвам во имя европейского мира. Ни малейших следов такой готовности к жертвам не проявило до сих пор правительство господина Гитлера. Мое правительство ужаснуло содержание меморандума. Предложенное далеко превосходит то, на что мы согласились по так называемому англо-французскому плану. Оно лишает нас какой-либо гарантии сохранения нашего национального существования... Наша национальная и экономическая независимость автоматически ликвидировалась бы принятием предложений господина Гитлера... Сегодня мы надеемся, что обе великие демократии Запада, чьи желания мы исполняли часто против собственных убеждений, будут с нами в час испытаний»⁸⁷.

26 сентября Гитлер произнес в берлинском Дворце спорта речь, полную ярости против Чехословакии и лично Бенеша. В ней говорилось: сегодня перед нами стоит последняя проблема, которая должна быть решена и решена будет. «Это последнее территориальное требование, которое мы должны предъявить Европе». Фюрер заявлял, что не хочет «бездейственно и спокойно смотреть, как этот сумасшедший Бенеш полагает, что может тиранить три с половиной миллиона человек... моя терпеливость что касается судето-немецкой проблемы уже иссякла... Сегодня в руках Бенеша решение быть войне или миру. Или же он это предложение примет и даст, наконец, немцам их свободу, или мы пой-

дем и принесем им эту свободу. Мы полны решимости. Господин Бенеш пусть сегодня выбирает!»⁸⁸

24–26 сентября в Чехословакии была проведена мобилизация. В то же время стало известно о новых переговорах Чемберлена с Гитлером: шла подготовка к совещанию в Мюнхене. 29 сентября в 19 часов состоялось заседание правительства с участием Бенеша и представителей политических партий. Крофта сообщил о позиции СССР, который «вмешается в конфликт в случае, если Чехословакия подвергнется нападению и будет протестовать в Лиге Наций». «Однако, — говорится в протоколе заседания, — помощь со стороны лишь одной России была бы небезопасной, поскольку привела бы к возникновению антибольшевистского фронта. Два дня назад Англия и Франция обещали помощь, но сейчас их позиция неустойчива...»⁸⁹.

В Праге, безусловно, было известно о выступлении Чемберлена по радио 27 сентября, в котором он, между прочим, сказал: «Как это ужасно, фантастически, невероятно, если британцы должны были бы рыть окопы и примерять противогазы в Англии из-за спора в далекой стране и между людьми, о котором мы ничего не знаем... И даже если бы мы относились с огромной симпатией к малому народу, против которого выступает огромный и могучий сосед, мы не можем при всех обстоятельствах действовать так, чтобы ввергнуть всю Британскую империю в войну лишь из-за него»⁹⁰.

Чемберлен и Даладье без раздумий приняли приглашение Гитлера прибыть на переговоры с ним и Муссолини в столицу Баварии Мюнхен. Английское правительство, по словам Галифакса, «не подымало при этом вопрос о приглашении в Мюнхен СССР». Чемберлен телеграфировал Бенешу, прося прислать в Мюнхен представителя Чехословакии⁹¹. Совещание началось около полудня 29 сентября. Гитлер, кратко поприветствовав его участников, констатировал, что существование Чехословакии в ее нынешнем виде угрожает европейскому миру. Затем Муссолини ознакомил Чемберлена и Даладье со своими предложениями, выработанными в согласии с Берлином. Англичанин и француз с облегчением приняли новые заверения Гитлера, что Судеты — это его последнее территориальное требование и что немцы не намерены заставлять чешское население жить в рейхе. Гитлер и Муссолини добились того, чтобы сначала было достигнуто соглашение между четырьмя державами, и лишь затем эти решения были сообщены представителям Чехословакии, которые ожидали за дверью⁹².

В тот же день в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, которое гласило: «Германия, Соединенное королевство, Франция и Италия согласно уже

принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения». Эвакуацию территории намечалось провести в течение 1–10 октября. Чехословацкому правительству предписывалось не производить «никаких разрушений имеющихся сооружений». Формы эвакуации должна была установить международная комиссия, состоящая из представителей указанных стран и Чехословакии.

В одном из приложений к соглашению говорилось о том, что английское и французское правительства по-прежнему поддерживают предложение о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии, и как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию. При этом заявлялось, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих в Мюнхене⁹³.

Гитлер получил в Мюнхене практически все, чего хотел, и его популярность в Германии возросла. Впрочем, воодушевленного принятия на родине добились и западные «спасители» мира. Чемберлен, размахивая роковым документом, перед ликующей толпой на аэродроме в Лондоне заявил, что спас мир «на ближайшее время». Он чувствовал себя героем еще и потому, что на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения, 30 сентября, Чемберлен и Гитлер подписали англо-германскую декларацию. В ней говорилось о желании немецкого и английского народов «никогда более не воевать друг с другом», использовать метод консультаций для решения всех важных вопросов, касающихся обеих стран, и «таким образом содействовать укреплению мира в Европе»⁹⁴. Забегая вперед, скажем, что 6 декабря 1938 г. Бонне и Иоахим Риббентроп подписали аналогичную Франко-германскую декларацию, в которой говорилось, что «мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира»⁹⁵. Об этих договоренностях Англии и Франции с нацистской Германией в западе критики т. н. Пакта Молотова — Риббентропа (23 августа 1939) сегодня на Западе вспоминают почему-то неохотно.

Но вернемся к событиям 29–30 сентября 1938 г. Чехословацкая делегация (Войтех Мاستны и Губерт Масаржик), прибывшая в Мюнхен, в переговорах не участвовала. Лишь в 10 вечера 29 сентября им по поручению Чемберлена устно было сообщено содержание соглашения и передана карта, где обозначались районы, которые немецкая армия должна была немедленно оккупировать. В 1.30 уже 30 сентября они были приглашены в покои Чемберлена, где находились также Даладье и ряд английских и французских дипломатов. Чемберлен вручил Мاستны текст соглашения на немецком языке, который зачитал его вслух. На вопрос, нужен ли какой-либо ответ от чехословацкого правительства, было заявлено, что в этом нет необходимости. Следует лишь прислать уполномоченного на заседание международной комиссии в Берлине, чтобы обсудить вопрос об освобождении первой из обозначенных на карте территорий. «Ситуация для всех присутствующих становилась действительно тяжелой, нам было в достаточно грубой форме объяснено, конкретно французом, что это — приговор без обжалования и без возможности исправления; Чемберлен открыто демонстрировал свою усталость... мы простились и ушли. Чехословацкая республика в границах 1918 года перестала существовать»⁹⁶. Примерно за два часа до возвращения чехословацкой делегации в Прагу, на рассвете 30 сентября поверенный в делах Германии в Чехословакии Андор Генцке⁹⁷ передал Крофте мюнхенские решения вместе с письмом, приглашавшим чехословацкого представителя принять участие в заседании международной комиссии, которое должно было начаться в тот же день в Берлине в пять вечера.

Бенеш, ознакомившийся с результатами мюнхенского совещания рано утром, отложил окончательное решение о принятии ультиматума до совещания с правительством и политическими лидерами, которые были созваны на половину одиннадцатого. Личный секретарь Бенеша Прокоп Дртина, встретившийся с ним еще до совещания, записал его слова: «Это — конец... Это вероломство, которое само себя накажет. Это невероятно. Они думают, что уберегли себя от войны или революции за наш счет. Ошибаются»⁹⁸.

Еще до заседания правительства в 9.30 утра Бенеш позвонил по телефону советскому полпреду Александровскому, прося его уточнить в свете мюнхенского ультиматума отношение СССР к двум альтернативам, перед выбором которых оказалась Чехословакия, т. е. «к дальнейшей борьбе или капитуляции». Бенеш «должен знать это как можно скорее, — говорилось в телеграмме Александровского, — и просит ответ к 6–7 часам вечера по пражскому времени, т. е. к 8–9 по московскому». Согласно официальной советской версии, эта телеграмма по техниче-

ским причинам оказалась в Москве только в 17 часов. А через 45 минут была получена вторая телеграмма от Александровского, в которой сообщалось, что Бенеш снимает свой вопрос, так как чехословацкое правительство приняло решение о капитуляции. Так что надобность в ответе советского правительства Праге отпала⁹⁹.

Действительно ли в казусе с телеграммами имели место технические, а не политические причины, можно лишь гадать. Можно также предположить, что, когда Бенеш обратился с запросом к Александровскому, президенту пока не были известны все жесткие временные условия, которые были поставлены перед пражским руководством, т. е. дать ответ до полудня.

На утреннем 30 сентября заседании правительства, обсуждавшем вопрос о мюнхенском ультиматуме, Бенеш заявил: «В том случае, если бы нам на помощь пришла одна Россия, началась бы война против России, а Англия бы выступила против нас»¹⁰⁰. Перспектива ведения войны только при поддержке СССР была отвергнута. Участники обсуждения не пришли ни к какому выводу, не было никакого голосования. После подчас сумбурной дискуссии Бенеш заявил, что рекомендует принять мюнхенские условия. Незадолго до полудня присутствовавшие молча приняли его точку зрения. В половине первого Крофта заявил британскому, французскому и итальянскому посланникам, с нетерпением ожидавшим его: «От имени президента и правительства я заявляю, что мы подчиняемся решению, которое было принято в Мюнхене без нас и против нас». Обращаясь к англичанину и французам, он особо подчеркнул: «Я не хочу [никого] критиковать, но для нас это — катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся... Я не знаю, получают ли выгоды от этого принятого в Мюнхене решения ваши страны, но, определенно, не мы последние, после нас это случится и с другими»¹⁰¹.

Бенеш на встрече с депутатами парламента подчеркнул: «Нас покинули и предали. Это трусливые люди... Они боятся войны и считают, что Чехословакия может быть ее причиной. Это было трудное решение — принять условия и спасти народ или вступить в борьбу и дать себя истребить. История рассудит, что было правильным... Состояние западных демократий безотрадное. На них нельзя положиться... Из страха перед коммунизмом французы и англичане пойдут с немцами». На этой встрече президент заявил о своей отставке в ближайшее время, но, когда это произойдет, пока не сказал¹⁰².

Международная комиссия в Берлине по вопросу о новых границах Чехословакии начала работать 4 октября. Герман Геринг от имени Гитлера заявил Мастны: «Mit Benes werden wir nicht verhandeln» — «С Бенешем мы вести переговоры не будем»¹⁰³. В Прагу ушло послание

статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии барона Эрнста фон Вайцзеккера: «Если Чехословакия вообще хочет иметь какую-либо надежду на приличный договор с Германией, президент Бенеш должен подать в отставку, поскольку Гитлер питает к нему личную неприязнь»¹⁰⁴.

Фюрер, действительно питавший личную ненависть к Бенешу, не мог допустить, чтобы он продолжал стоять во главе чрезвычайно ослабленной, но демократической ЧСР. В правительственных кругах Чехословакии ввиду безвыходности положения согласились с тем, что Бенешу следует подать в отставку. Генерал Крейчи писал впоследствии: «...Речь шла не о нашей инициативе. Это было рекомендовано английским и французским послами в Берлине»¹⁰⁵. Президент написал прошение об отставке пополудни 5 октября.

Но это не помогло обсуждению вопроса о чехословацких границах в международной комиссии, поскольку, по словам Вайцзеккера, «решение об отставке господина президента пришло слишком поздно». Комиссия приняла крайне неблагоприятное для Чехословакии решение. Вечером 5 октября Бенеш заявил о своей отставке по радио. «Я не покидаю... корабль во время шторма. Верю..., что в данный момент эта моя жертва политически необходима». На следующий день, 6 октября, он отбыл из Пражского Града на свою виллу Сезимово Усти уже как частное лицо¹⁰⁶. 22 октября экс-президент улетел с пражского аэродрома Рузине вместе с женой и несколькими сопровождавшими их лицами в Женеву, а затем оттуда в Англию, которая приняла его весьма неприветливо. Вскоре Бенеш улетел в США, где как профессор до середины 1939 г. читал лекции в ряде американских университетов.

Подручными «умиротворителей агрессора» и союзниками нацистской Германии в деле раздела Чехословакии являлись Венгрия и Польша. Мысль о том, чтобы присоединить к Венгрии территории ЧСР, населенные венграми, не оставляла политиков этой страны в период вызревания мюнхенского кризиса. 20 сентября чехословацкий посланник в Будапеште Милош Кобр сообщал в МИД ЧСР: «Под влиянием последних событий — национальное движение на подъеме. Правительство все энергичнее проводит военные приготовления. Это свидетельствует о том, что правительство полно решимости всеми средствами содействовать тому, чтобы венгерский вопрос в Словакии был решен аналогично судетскому. Я не сомневаюсь, что тайно ведутся переговоры с Германией». В тот же день в дополнительном сообщении Кобр уведомлял, что венгерский премьер Бела Имреди встретился с английским послом в Будапеште, и просил Лондон, чтобы вопрос о венгерском меньшинстве в Словакии был решен аналогично судетскому. 21 сентя-

бря в Оберзальцберге венгерских политиков принял Гитлер. Они полностью солидаризировались с гитлеровской программой полной ликвидации чехословацкого государства либо путем прямой агрессии, либо путем реализации требования о праве на самоопределение для всех «не-чешских» народностей, включая словаков. Гитлер, согласно сообщению Кобра в Прагу, обещал поддержать просителей в вопросе о праве на самоопределение для венгерского меньшинства в ЧСР¹⁰⁷.

22 сентября Кобр с тревогой сообщал: «Национальные страсти, как свидетельствуют вчерашние демонстрации, накалены до крайности. Проводятся масштабные военные приготовления в направлении словацких границ, организуются добровольческие формирования. У меня впечатление, что замышляется *fait accompli** в Словакии и что на последних совещаниях в Берхтесгадене создан немецко-польско-венгерский фронт с целью отторжения польских и венгерских территорий [От Чехословакии. — В. М.]»¹⁰⁸. О создании подобного фронта сообщал в Прагу 23 сентября и чехословацкий посланник в Варшаве Юрай Славик¹⁰⁹. Правительство ЧСР готово было признать за чехословацкими гражданами венгерской национальности права в рамках подготавливаемого им статута о национальных меньшинствах¹¹⁰. 29 сентября посланник Венгрии в Чехословакии передал ее правительству ноту, касающуюся положения венгерского меньшинства в ЧСР с пожеланием разрешить вопрос аналогично тому, как он был решен в отношении немецкого населения¹¹¹. В тот же день Кобр сообщил в МИД ЧСР о сделанных Имреди заявлениях: «Венгерское требование территориального решения по судетскому образцу включает кроме отказа от чисто венгерских областей проведение плебисцита не только на национально-смешанных, но и на чисто словацких и русинских территориях»¹¹². Мюнхенское соглашение в части, касающейся требований Венгрии, вызвало, по словам Кобра, разочарование венгерской общественности, как и правительственных кругов, которые чувствовали себя обманутыми тем, что вопрос относительно венгерского меньшинства в Чехословакии не был решен аналогично судетскому.

1 октября Крофта предложил венгерскому правительству создать экспертную комиссию для решения вопроса о венгерском меньшинстве в ЧСР¹¹³. Будапешт, заявив о желании вести переговоры в «дружественном духе», вместе с тем выразил пожелание, чтобы предварительно были выполнены некоторые его условия, в том числе переданы Венгрии символически два или три приграничных города, которые были бы заняты венгерскими войсками (назывались, в частности, Комарно, Паркань, Чоп, Берегово и др.). Переговоры, по предложению венгерского прави-

* Сверхившийся факт (англ.). — *Примеч. ред.*

тельства, должны были начаться 6 октября в Комарно. 4 октября Италия заявила о поддержке территориальных претензий Венгрии к Чехословакии. 9 октября в Комарне начала работать смешанная комиссия, но из-за чрезмерных венгерских требований (территорий с венгерским большинством на 1910 г.) переговоры закончились безрезультатно¹¹⁴. По итогам Первого венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г. Венгрии были переданы южные районы Словакии и Подкарпатской Руси общей площадью 11 927 км² с населением свыше 1 млн человек¹¹⁵.

Безвыходным положением Чехословакии, отданной на растерзание гитлеровской Германии, не преминула воспользоваться и Польша, выступившая со своими претензиями к ЧСР. Напор Варшавы на Прагу возрастал по мере усиления агрессивности Берлина и сдачи позиций Лондоном и Парижем. Однако еще в начале сентября, как отмечал Крофта, Польша, решительно отказавшаяся пропустить советские войска через свою территорию в случае нападения Германии на ЧСР, колебалась в вопросе о том, идти ли ей вместе с Англией и Францией, если они поддержат Чехословакию, или с Германией. Во всяком случае разные взгляды на этот счет в польской верхушке существовали¹¹⁶. После того как наполовину сломленная ЧСР под давлением Англии и Франции вынуждена была согласиться на ряд территориальных уступок Третьему рейху, окончательно осмелела и Польша, заявившая о претензиях на часть Тешинской области, которая в 1920 г. согласно решению великих держав вошла в состав Чехословакии. Тогда она получила 1273 км² тешинской территории с 297 000 населения, а Польша — 1013 км² со 137 000 жителей. Теперь же она потребовала, чтобы Чехословакия добровольно отказалась от этой территории, населенной в значительной степени поляками¹¹⁷.

На польско-чехословацкой границе началась концентрация польских войск. В связи с этим советское правительство 23 сентября официально заявило, что «на основе ст. 2 Договора о ненападении, заключенном между СССР и Польшей 25 июля 1932 г., правительство СССР, в случае допущения Польшей агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения объявить указанный договор недействительным»¹¹⁸.

Чехословацкий посланник в Варшаве Славик сообщал в Прагу о позиции Польши, изложенной ее министерством иностранных дел на пресс-конференции 22 сентября: «а) Польша приветствует развитие ситуации. Долой эру Локарно. В будущем дела восточной Европы не будут решаться без Польши; б) начинается эра реорганизации новой Европы. Судетская проблема разрешена. Годесберг может решить венгерские и польские претензии (во время встречи с Чемберленом в Годесберге

Гитлер внес также предложение об удовлетворении требований Венгрии и Польши). Польша желает получить Тешин, скрытно угрожает *fait accompli*; в) На втором этапе будет решена проблема Словакии... Польша бы теперь реализовала претензии на польские этнографические территории Чадца, Орава, Спиш и Яворина... ж) Чехофильские статьи конфискуются. Давление на прессу усиливается. Самые невинные нападки на Германию под запретом»¹¹⁹. По словам Славика, Владислав Сикорский, лидер оппозиции в Польше, заявил ему, что оппозиция «сделает все возможное, чтобы положить конец маневрам министра Бека, который не только сконструировал польско-немецко-венгерский фронт, но всеми средствами толкает Польшу на войну вместе с Германией»¹²⁰.

В сложившихся условиях Бенеш пытался улучшить взаимоотношения с Польшей, пойдя на территориальные уступки ей, для чего подготовил личное письмо польскому президенту Игнаци Мосьцицкому, доставленное тому 26 сентября. Славик, принятый президентом, в беседе с ним подчеркнул, что «вопрос может быть, безусловно, обсужден, независимо от вопроса о немецком и венгерском меньшинствах»¹²¹. Ньютон посоветовал Крофте 27 сентября прекратить всякие дипломатические маневры и немедленно начать переговоры с Польшей об уступке ей территорий с большинством польского населения¹²². В тот же день Бенеш получил ответ польского президента на свое письмо, в котором улучшение польско-чехословацких отношений связывалось с решением вопроса о польском меньшинстве в ЧСР путем территориальных уступок Польше со стороны Чехословакии¹²³.

29 сентября польский посланник в Праге Казимир Папэ настаивал в беседе с Крофтой, чтобы Чехословакия освободила от своего присутствия районы с большинством польского населения¹²⁴. 30 сентября министр иностранных дел Польши Юзеф Бек направил письмо Папэ с инструкцией передать чехословацкому правительству ноту, которую он назвал ультиматумом и которую следовало «любой ценой вручить до 23 часов 59 минут сегодняшнего дня, так как срок данного ультиматума истекает завтра, 1 октября, в 12 часов дня». «Прошу не предпринимать какой-либо дискуссии по вопросу содержания ноты, так как это требование является безоговорочным», — писал Бек¹²⁵.

В тот же день нота была вручена Крофте. В ней выдвигалось требование в течение 24 часов эвакуировать чехословацкие войска и полицию с территории, указанной в ноте, и окончательно передать эту территорию польским военным властям. Польское правительство ожидало «недвусмысленного ответа» чехословацкой стороны до 1 октября и заявляло, что в противном случае оно «будет считать чехословацкое правительство единственным ответственным за последствия»¹²⁶.

Бенеш в телефонных разговорах с Ньютоном и Делакура в 9.00 и 10.00 1 октября обратился к английскому и французскому правительствам с просьбой, раз уж Чехословакия приняла Мюнхенское соглашение, защитить ее от диктата Польши и угроз нападения на ЧСР. «Поляки хотят сначала оккупировать, а потом уж вести переговоры. Территории, которые они хотят занять, это преимущественно области с польским большинством, но есть и с чешским большинством... Британское правительство должно потребовать от Варшавы, чтобы поляки остановились, не нападали и вступили в переговоры... Невозможно выполнить в течение 24 часов то, что поляки требуют. Если великие державы допустят, чтобы были одобрены такие действия, то это будет означать конец Европы»¹²⁷, — заявил Бенеш. Предприняло ли что-либо английское правительство, неизвестно, Бонне же провел два слабых демарша перед Варшавой. Западные державы в очередной раз предали Чехословакию, несмотря на их мюнхенские обещания гарантировать ее новые границы. В 13.00 1 октября Крофта передал польскому посланнику в ЧСР ноту, в которой сообщалось о принятии требований польского ультиматума от 30 сентября¹²⁸. 2 октября чехословацкое правительство дало согласие на создание экспертной комиссии по делимитации чехословацко-польской границы. Польская армия начала занимать ультимативно потребованные территории Чехословакии.

Просуществовавшая двадцать лет Чехословацкая республика, потерявшая около четверти своей территории и населения, стала нежизнеспособным государством, которое полгода спустя, 14–15 марта 1939 г., в результате нового насильственного акта нацистской Германии прекратило свое существование. Мюнхен — это название стало нарицательным, символизирующим агрессивную сущность гитлеровской внешней политики, преступное невыполнение международных обязательств западными державами и несовместимость с основными принципами международного права, — означал очередной шаг на пути развязывания Второй мировой войны и первый шаг к потере чехословацкой государственности, явился важнейшим свидетельством ликвидации системы коллективной безопасности и окончательного устранения Лиги Наций от решения значимых вопросов европейской и мировой политики. Памятуя о предательстве Чехословакии западными державами в период Мюнхена, Бенеш, определяя во время Второй мировой войны и борьбы за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах направление ее внешней политики, выработал формулу «50 % — на Запад, 50 % — на Восток, а не 100 % на Запад». И вопреки сопротивлению Англии пошел на заключение в декабре 1943 г. Советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве¹²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Марьина В. В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // *Война. Народ. Победа.* М., 2008. С. 19–50; *она же.* Советский Союз и Чехословакия после Мюнхена (октябрь 1938 г. — март 1939 г.) // *Мюнхенское соглашение 1938 г.: история и современность.* М. 2009. С. 279–295; *она же.* Чехословакия. 1937 год: новые материалы по истории вызревания мюнхенского кризиса // *Новая и новейшая история.* 2013. № 3. С. 42–60.

² См. подробнее: *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013. С. 123–124.

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. Июнь 1934 — март 1939 г. М., 1978. С. 113–117. Согласно договору Советский Союз обязан был оказать помощь Чехословакии лишь в случае оказания ей помощи со стороны Франции (далее: ДМИСЧО).

⁴ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. Кн. 3. Дорога на Мюнхен. М., 1991. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/GERM/shirer1.txt>; обращение 05.07.2018.

⁵ *Československá zahraniční politika v roce 1936.* Sv. 1 (1. leden — 31. srpen 1936). *Dokumenty československé zahraniční politiky.* Praha, 2003. S. 607.

⁶ *Československá zahraniční politika v roce 1936.* Sv. 2 (1. září — 31. prosinec 1936). *Dokumenty československé zahraniční politiky.* Praha, 2003. S. 215.

⁷ *Československá zahraniční politika v roce 1936.* Sv. 2. S. 279–281.

⁸ ДМИСЧО. Т. 3. С. 291.

⁹ *Československá zahraniční politika v roce 1937.* Sv. 1 (1. leden — 31. červenec 1937). *Dokumenty československé zahraniční politiky.* Praha, 2007. S. 91–92.

¹⁰ ДМИСЧО. Т. 3. С. 316–317.

¹¹ Там же. С. 342–343 (прим. 2).

¹² Документы внешней политики СССР. Т. XX. М. 1976. С. 717.

¹³ ДМИСЧО. Т. 3. С. 330–332.

¹⁴ Там же. С. 373–374 (прим. 2).

¹⁵ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документальные материалы. Т. 1. Подготовка к развертыванию нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. М., 1973. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 264.

¹⁷ *Československá zahraniční politika v roce 1938.* Sv. 1. (1. leden — 30. červen 1938). *Dokumenty československé zahraniční politiky.* Praha, 2000. S. 136–137.

¹⁸ *Ibid.* S. 130.

¹⁹ *Ibid.* S. 185–189.

²⁰ ДМИСЧО. Т. 3. С. 278–280.

²¹ *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968. S. 25. Над мемуарами о мюнхенских днях Бенеш начал работу еще во время войны, находясь в Англии. Он писал их на основе собственных воспоминаний и документов, хранившихся в его личном архиве, часть которого находилась при нем в эмиграции. Это были его личные заметки

о беседах и разговорах с иностранными дипломатами, с переговорщиками от Судето-немецкой партии, с чехословацкими политиками; а также — корреспонденция, копии таких документов, как депеши и сообщения министерства иностранных дел чехословацким представительствам, многие из которых сам Бенеш составлял, и, наоборот, сообщения зарубежных дипломатических представителей. Документов из архивов других государств у него было мало.

²² *Ibid.* S. 30.

²³ *Ibid.* S. 99–101, 125–126.

²⁴ *Ibid.* S. 228.

²⁵ *Ibid.* S. 234.

²⁶ *Ibid.* S. 314–315.

²⁷ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 39.

²⁸ ДМИСЧО. Т. 3. С. 405–406.

²⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 1. Dok. 171, 202, 220, 225, 335, 343 etc. S. 285–288, 316–319, 353–355, 359–362, 493–496, 514–516 etc.

³⁰ ДМИСЧО. Т. 3. С. 411–412.

³¹ Там же. С. 417–418.

³² *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 22–23.

³³ ДМИСЧО. Т. 3. С. 422.

³⁴ Там же. С. 424.

³⁵ Там же. С. 423 (прим. 9).

³⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 1. S. 466 (прим. 2).

³⁷ *Ibid.* S. 549 (прим. 1).

³⁸ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 88, 90–92.

³⁹ *Ibid.* S. 101–102.

⁴⁰ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 1. S. 582.

⁴¹ *Ibid.* S. 586.

⁴² *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 119–122.

⁴³ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2 (1. červenec — 1. říjen 1938). Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2001. S. 11–12.

⁴⁴ Herrenvolk — господа (презрительное).

⁴⁵ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 136–137.

⁴⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 25.

⁴⁷ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 92.

⁴⁸ *Ibid.* S. 95–96.

⁴⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 113.

⁵⁰ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 148–149.

⁵¹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 40–41, 58.

⁵² *Ibid.* S. 66.

⁵³ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 160.

- ⁵⁴ ДМИСЧО. Т. 3. С. 478.
- ⁵⁵ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 192.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 461.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. 194–195.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 201–202.
- ⁵⁹ *Ibid.* S. 210–211.
- ⁶⁰ *Ibid.* S. 214.
- ⁶¹ *Ibid.* S. 216.
- ⁶² *Ibid.* S. 484–491.
- ⁶³ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 290 (прим. 2).
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 275.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 278, 283.
- ⁶⁶ *Ibid.* S. 281.
- ⁶⁷ *Ibid.* S. 284–285.
- ⁶⁸ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 243–244.
- ⁶⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 330–331.
- ⁷⁰ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 250–252.
- ⁷¹ *Ibid.* S. 253.
- ⁷² ДМИСЧО. Т. 3. С. 504–505, 507.
- ⁷³ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 255–258.
- ⁷⁴ *Ibid.* S. 259–262.
- ⁷⁵ *Ibid.* S. 263.
- ⁷⁶ *Ibid.* S. 264–266.
- ⁷⁷ *Ibid.* S. 267–268.
- ⁷⁸ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 361.
- ⁷⁹ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 277–278.
- ⁸⁰ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 370.
- ⁸¹ ДМИСЧО. Т. 3. С. 533–534.
- ⁸² Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 375–376.
- ⁸³ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 290–291.
- ⁸⁴ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. Dok. 706. S. 387.
- ⁸⁵ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 293–295.
- ⁸⁶ Сам Бенеш, согласно конституции, являлся главнокомандующим вооруженными силами ЧСР.
- ⁸⁷ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 296–297.
- ⁸⁸ *Ibid.* S. 298–301.
- ⁸⁹ ДМИСЧО. Т. 3. С. 542.
- ⁹⁰ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 336. Опубликовано в «Манчестер Гардиен» 27.09.1938.

- ⁹¹ ДМИСЧО. Т. 3. С. 548.
- ⁹² *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 146–147.*
- ⁹³ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 452–454 (опубликовано на английском языке. Документ не озаглавлен и не подписан). На русском языке см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. Ноябрь 1937 — декабрь 1938 г. М., 1981. С. 237–239; Год кризиса 1938–1939. Т. 1. 29 сентября 1938 — 31 мая 1939 г. Документы и материалы. М., 1990. С. 27–29.
- ⁹⁴ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 29.
- ⁹⁵ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 136–137.
- ⁹⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 455–456; Dodatek 1. S. 513–516.
- ⁹⁷ Чехословацкий и немецкий посланники были отозваны соответственно из Берлина и Праги в середине сентября 1938 г.
- ⁹⁸ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 147–148.*
- ⁹⁹ ДМИСЧО. Т. 3. С. 549, 551, 536.
- ¹⁰⁰ ДМИСЧО. Т. 3. С. 550.
- ¹⁰¹ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 150.*
- ¹⁰² ДМИСЧО. Т. 3. С. 551–554.
- ¹⁰³ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 152.*
- ¹⁰⁴ *Ibid. S. 152.*
- ¹⁰⁵ *Šrámek P. Odhodlání versus lojalita. Náznaky a postoje velení československé armády v roce 1938 // Soudobé dějiny. 2004. N 1–2. S. 78.*
- ¹⁰⁶ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 153–154.*
- ¹⁰⁷ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 340–341, 345–346, 352.
- ¹⁰⁸ *Ibid. S. 365.*
- ¹⁰⁹ *Ibid. S. 370.*
- ¹¹⁰ *Ibid. S. 404–406.*
- ¹¹¹ *Ibid. S. 439–440, 443.*
- ¹¹² *Ibid. S. 446.*
- ¹¹³ *Ibid. S. 476, 479–480.*
- ¹¹⁴ *Ibid. S. 500, 509–510.*
- ¹¹⁵ Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1985. С. 185
- ¹¹⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 250.
- ¹¹⁷ *Ibid. S. 348–349, 360–361.*
- ¹¹⁸ *Ibid. S. 372.*
- ¹¹⁹ *Ibid. S. 374.*
- ¹²⁰ *Ibid. S. 409.*
- ¹²¹ *Ibid. S. 411.*
- ¹²² *Ibid. S. 423.*
- ¹²³ *Ibid. S. 424–426.*

¹²⁴ *Ibid.* S. 443.

¹²⁵ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 31–32.

¹²⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 460–462 (опубликована на французском языке). На русском языке см.: Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 32–34.

¹²⁷ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. 2. S. 471–472.

¹²⁸ *Ibid.* S. 474–475, 481.

¹²⁹ Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 149–172. Текст договора см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1 (март 1939 — декабрь 1943 г.). М., 1981. С. 394–396.

СССР ПРОТИВ «УМИРОТВОРЕНИЯ» АГРЕССОРА: КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР

Александр Шубин

История «умиротворения» — классический пример краха терпимости ко злу. Ее уроки актуальны и для нашего времени: терпимость к радикальному национализму и агрессии ведет к международной катастрофе. В ловушку попадали и сами «умиротворители», конструиовавшие европейскую ситуацию, руководствуясь национальным эгоизмом. Самое обидное для адвокатов западных «демократий» в этих условиях то, что «полюсом добра» в 1938 г. была Москва. Как бы ни относиться к политике Иосифа Сталина, которая в других отношениях была иногда чудовищной, именно СССР был 80 лет назад ведущим защитником коллективной безопасности в Европе от нацистской агрессии и ее «умиротворителей».

Чтобы понять, каким образом лидеры Великобритании и Франции загоняли себя в мюнхенскую ловушку, нужно отступить на несколько лет назад.

В поисках коллективной безопасности

2 мая 1935 г. в рамках политики коллективной безопасности был заключен Пакт о взаимопомощи между СССР и Францией, а 16 мая — между СССР и Чехословацкой республикой (ЧСР). Пакты предусматривали помощь трех стран друг другу в случае, если одна из сторон столкнется с чьей-либо агрессией. Помощь Советского Союза Чехословакии

обуславливалась тем, что помощь окажет также и Франция, — СССР не доверял «капиталистам» и оставлял за собой право остаться в стороне от конфликта, если Франция обманет и не вступит в войну с агрессором.

Отношения СССР и ЧСР развивались оптимистично. Президент ЧСР Эдвард Бенеш говорил полпреду Сергею Александровскому, что он не против соглашения с Германией. «Однако такое соглашение ни при каких условиях не будет за счет нынешних союзов Чехословакии, к каковым принадлежит и пакт о взаимной помощи с СССР»¹.

После заключения Советско-чехословацкого договора 1935 г. началось интенсивное военное и разведывательное сотрудничество между двумя государствами. 28 июня — 4 июля 1936 г. в Москве прошла секретная конференция представителей разведки СССР и Чехословакии, в которой приняли участие начальник разведки полковник Франтишек Гаек, помощник по агентуре подполковник Франтишек Моравец, референт разведотдела по Германии майор Карл Йиндржих Прохазка и военный атташе Чехословакии в СССР полковник Дастинг. Они передали советской стороне сведения о германской армии. Военные договорились о совместной военно-технической разведке в Германии². Как сообщалось в отчете об этом мероприятии, «на заседаниях конференции по вопросам германской военной техники и новых систем строительства германской армии “друзья” проявляли такой большой интерес, что задерживались дольше намеченного по плану времени и высказывали глубокое удовлетворение результатами обмена.

Можно с уверенностью полагать, что “друзья” уехали с убеждением в серьезности отношения с нашей стороны к происходящему обмену и, по моему мнению, с большим уважением к работе советской разведки...»³.

Но были и сигналы, вызывавшие тревогу в Москве: а будет ли Чехословакия сражаться с Германией в полную силу, если та нападет? После занятия Германией Рейнской демилитаризованной зоны в марте 1936 г. в Чехословакии живо обсуждали, что делать в случае предстоящего германского нападения. Советский полпред Александровский сообщал в Москву: «Перед лицом такой перспективы сильно растет настроение не драться с немцами. Капитулировать прилично и “в рамках Лиги Наций”, оставив, таким образом, за собой все возможности всплыть на поверхность, если Германия будет побита, или пытаться ужиться, договориться с ней о каком-нибудь минимуме, если она восторжествует»⁴.

1 августа 1936 г. полпред Александровский докладывал: «Прежде всего констатирую, что в правительственных кругах и широкой общественности Чехословакии с катастрофической быстротой нарастают капитулянтские настроения в отношении Германии и укрепляется сознание

краха бенешевской концепции внешней политики, ищущей опереться на Францию и СССР под эгидой Лиги Наций... С момента занятия Гитлером Рейнской зоны чехи пришли к пониманию невозможности получить реальную военную помощь от Франции. Разочарование во Франции, созданное эпохой политики Лавала, вылилось в форму неверия в ее помощь». Если раньше линия Мажино воспринималась как трамплин для удара по Германии, то теперь — как преграда для него⁵. Такие сообщения не прибавляли в Москве уверенности в том, что Прага — надежный партнер в борьбе с Германией.

Настроение чехословацких военных было деловым. 5 июля 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал Александр Егоров докладывал наркому обороны Клименту Ворошилову о своем визите в Чехословакию. Начальник Генерального штаба чехословацкой армии Людвик Крейчи говорил Егорову: «Промышленность работает по военному варианту с полной нагрузкой. В течение двух лет на вооружение будет израсходовано 10 миллиардов крон»⁶. «При упоминании французской помощи был замечен явный пессимизм и даже оговорка о том, что эта помощь, по времени отдаленная, имеет общестратегическое значение и исключает расчеты и надежды на непосредственное оперативное взаимодействие чехословацкой и французской армий. Более реальной помощью является Красная армия». Но для этого Румыния и Польша должны пропустить РККА через свою территорию. Крейчи убеждал Егорова, что с Румынией проблем не будет. Егоров возразил, что план похода Красной армии можно выработать после согласия Румынии и когда будет известен план французов, «ибо, как известно из основ пакта, мы выступим только в том случае, когда выступят французы».

Новый удар по политике коллективной безопасности нанес аншлюс Австрии Германией в марте 1938 г., который Великобритания и Франция спокойно «проглотили». 17 марта нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов заявил на пресс-конференции о готовности СССР участвовать в коллективных действиях против дальнейшей германской агрессии и предложил созвать международную конференцию для обсуждения возможных мер в этом направлении. 24 марта 1938 г. британский премьер-министр Невилл Чемберлен заявил, что реализация советских предложений приведет к «тенденции к созданию замкнутых группировок стран, что... было бы вредно для дела мира в Европе»⁷. Последующие события показали, что Чемберлен вовсе не был против образования «группировок стран» в Европе. Лишь бы без СССР.

Премьер-министр Великобритании Чемберлен был сторонником «умиротворения» и давил в этом направлении на колеблющегося премьера Франции Эдуарда Даладье. Французские военные предупреждали

Даладье, что шансы Германии удержать удар союзников с Запада невелики. Но политики думали не только о чисто военной стороне дела, но и о настроениях своего электората. Жители Западной Европы в большинстве своем и думать не хотели о мобилизации, бомбежках, новых финансовых тяготах, когда бюджет и так крайне напряжен.

Чемберлен надеялся, что удовлетворение «справедливых» требований Гитлера вернуть населенные немцами земли создаст стабильность на Западе Европы. А если Гитлер после этого развернет экспансию на Восток — в этом нет большой беды.

Судетский кризис

Путь Германии на восток лежал через Польшу и Чехословакию. Оба государства включали земли, населенные немцами, но в Чехословакии немцев было больше.

В Чехословакии помимо 7,2 млн чехов проживали 3,5 млн немцев (более 2 млн в Судетской области), 2,5 млн словаков, 0,7 млн венгров и полмиллиона украинцев и русинов, около 100 тыс. поляков. Польша считала, что Чехословакия в 1919 г. незаконно захватила Тешинский округ (Заользье), где жили и поляки, и чехи. Венгрия претендовала на часть территории Словакии, входившей прежде в состав Австро-Венгрии. Немцы преобладали в западной Судетской области Чехии. Этот горный район был очень важен для ЧСР — здесь была расположена значительная часть промышленности и стратегически важные укрепления, защищавшие Чехию от Германии.

После прихода нацистов к власти в Германии в Чехии оживилось националистическое движение судетских немцев, которое приобрело нацистский характер. Была создана Судето-немецкая партия (СНП) во главе с Конрадом Генлейном. В 1935 г. она заняла второе место на выборах.

24 апреля 1938 г. в речи Генлейна в Карловых Варах (Карлсбад) были выдвинуты требования широкой автономии Судет, федерализации государства и тесных связей Судет с рейхом (Карлсбадская программа).

На Лондонской конференции по Чехословакии 28–29 апреля представители Великобритании и Франции договорились оказать давление на Бенеша, чтобы он принял требования немецкого меньшинства. Бенеш был готов к переговорам и политическим уступкам, но 9 мая Генлейн прервал политические переговоры с правительством ЧСР и выехал в Берлин для консультаций с Гитлером. Дальнейшие события американский историк Уильям Ширер описывает так: «В Судетской области

начались волнения с применением оружия. В течение всего мая геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим невероятные рассказы о “чешском терроре” против судетских немцев. Обстановка, казалось, обострилась до предела»⁸.

Гитлер действовал слишком напористо, а Чемберлен надеялся урегулировать проблемы Европы под своим руководством. Гитлера нужно было приструнить. Карлсбадский ультиматум и немецкие волнения в Судетах вызвали полномасштабную военную тревогу вокруг Чехословакии. Вечером 19 мая чехословацкое руководство получило информацию о том, что к границам приближаются десять германских дивизий, а Генлейн мобилизует свое ополчение «Орднердинст» и готовит провокации⁹. Разумеется, на чехословацкий запрос о перемещении войск Германия ответила, что это — обычные учения¹⁰. Ситуация продолжала обостряться. 20 мая у города Хеб (Эгер) чехословацкий пограничник застрелил двух судетских немцев, пытавшихся прорваться в Германию на мотоцикле¹¹.

20 мая Бенеш собрал своих министров. После острых дебатов было принято решение о частичной мобилизации в ночь на 21 мая¹². Судеты были заняты чехословацкими войсками. Чешское население активно поддерживало действия силовиков, и эта мобилизация напугала генлейновцев — на улицах исчезла фашистская символика, которая прежде здесь была распространена¹³.

21 мая послы Великобритании и Франции объявили Риббентропу, что Германии будет объявлена война в случае ее нападения на Чехословакию. Гитлер предпочел отступить, тем более что нападение еще не было подготовлено. Но он считал себя униженным и 28 мая отдал категорическое указание своим генералам готовить нападение ко 2 октября¹⁴.

По словам Бенеша Александровскому, в случае нападения Германии и ее союзников чехословацкая армия надеялась парировать удары с севера и юга и отступать на восток. Первое сражение собирались принять на Влтаве, обороняя Прагу. После падения Праги вторая линия обороны удерживалась бы на Чешско-Моравской возвышенности, а третья — на моравско-словацкой границе. По планам чехословацкого генштаба, это позволяло продержаться три-четыре месяца¹⁵. Это давало союзникам достаточно времени для развертывания.

В конце августа на Совете Лиги Наций министр иностранных дел Франции Жорж Бонне спросил Литвинова о том, как планирует действовать СССР в случае агрессии Германии против Чехословакии. Литвинов ответил, что «все будет зависеть от образа действий самой Франции». СССР готов действовать, но Франция должна оказать давление на Польшу и Румынию, чтобы «обеспечить беспрепятственный про-

пуск ими советских вооруженных сил»¹⁶. Однако вскоре пришел ответ: «Бонне поручает посольству информировать т. Литвинова, что попытки французского правительства оказать упомянутое воздействие на Польшу и Румынию не дали положительных результатов»¹⁷. Само обсуждение этой проблемы на дипломатическом уровне означало, что Лига Наций, как ключевой институт коллективной безопасности, находится в глубоком кризисе. Дело в том, что проход для предотвращения агрессии был предусмотрен уставом Лиги Наций.

В СССР имели все основания опасаться, что советско-чехословацкие действия не будут поддержаны Францией, и в этом случае СССР окажется втянутым в войну с Германией без поддержки Великобритании и Франции. В такую геополитическую ловушку Сталин не собирался попадаться. Поэтому-то в текст Советско-чехословацкого договора 1935 г. было включено условие участия Франции в совместных оборонительных действиях. 1 сентября 1938 г. СССР еще раз призвал французское правительство созвать совещание представителей трех генштабов и принять совместную Декларацию Великобритании, Франции и СССР в защиту ЧСР¹⁸.

С учетом известных нам результатов Судетского кризиса, советская позиция в оценке германской угрозы выглядит пророческой. Литвинов говорил министру иностранных дел Великобритании лорду Эдуарду Галифаксу: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровские мотивировки... за чистую монету. Англия делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев и что стоит эти права расширить, как опасность может быть немедленно устранена. На самом же деле Гитлеру также мало дела до судетских, как и до тирольских немцев; речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе»¹⁹. В принципе, умудренные опытом английские дипломаты тоже не принимали аргументы Гитлера за чистую монету. Казалось, что Гитлер поэтапно решает задачи расширения Германии на Восток.

17 сентября министр иностранных дел Чехословакии Камиль Крофта заявил, что «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать от него согласно договору»²⁰. Но в условиях, когда СССР не имел возможности направить свои войска в центр Европы, Бенеш решил ставить на британский арбитраж. 17 мая он говорил британскому послу Бэзилу Ньютону: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, однако если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит»²¹.

Столкнувшись в мае с возможностью внезапного начала вооруженного конфликта в Европе, Чемберлен решил взять в свои руки урегулирование судетского конфликта. Франции пришлось в этой ситуации двигаться в фарватере Великобритании. Поддерживая миротворческие усилия Великобритании, Даладьё рассчитывал, что она поддержит Францию в военном конфликте с Германией в том случае, если Гитлер все же нападет на Чехословакию вопреки посредничеству Чемберлена.

Как известно, посредничество Чемберлена в августе-сентябре 1938 г. выразилось в последовательных уступках Гитлеру, аппетиты которого от этого только распалялись.

12 сентября Гитлер обрушился на Чехословакию с грубыми оскорблениями, обвиняя чехов в насилиях над немцами и обещая войти в Судетскую область. Нужно было срочно создать такие насилия. В Судетах вспыхнуло восстание местных нацистов, но через два дня оно было подавлено. Погибло несколько десятков человек. Судетские немцы — социал-демократы сражались на стороне чехов. Даже в этих условиях Бенеш был готов на переговоры с Генлейном и удовлетворение его новых условий, вплоть до вывода войск из населенных пунктов, охваченных мятежом. Но 13 сентября Генлейн не явился на уже назначенные переговоры²². Бежав в Германию, Генлейн 15 сентября выступил по радио и потребовал передачи Судет Германии. Он провозгласил: «Мы хотим домой в Рейх»²³.

Предательство Чехословакии и позиция СССР

21 сентября, после свидания Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене, британское правительство направило правительству ЧСР ноту, в которой говорилось: «ответ чехословацкого правительства никак не соответствует тому критическому положению, которое стремились предотвратить англо-французские предложения... Поэтому правительство Его Величества предлагает чехословацкому правительству взять этот ответ обратно и безотлагательно найти иное решение, исходя из реальной обстановки»²⁴. 21 сентября чехословацкое правительство приняло британско-французские условия «с горечью» и «как нераздельное целое»²⁵, т. е. как последнюю уступку.

21 сентября, выступая в Лиге Наций, Литвинов раскритиковал как агрессоров, так и тех, кто снисходительно относится к нарушениям норм международного права. Он подтвердил, что СССР готов оказать военную помощь ЧСР.

Но Польша и Румыния не давали прохода Красной армии. Более того, Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехо-

словакии. Подключив к чехословацкой проблеме Венгрию и Польшу, Гитлер создал новый восточный блок. Перспектива урвать кусок соседа спланивала сильнее, чем когда-то выдвигавшиеся Литвиновым и Барту соображения коллективной безопасности. Польша и Венгрия требовали референдума во всех частях Чехословакии. 21 сентября Польша потребовала от Чехословакии отдать Тешинский округ. Уговоры британских и французских представителей повременить с этим оказались безрезультатными — поляки отвечали, что и так слишком много ждали, и если обстановка изменится, то Чехословакия вряд ли вернется к этой теме. 25 сентября Чехословакия в принципе согласилась на уступки Польше.

22 сентября генлейновцы захватили города Аш и Хеб (Эгер). 22 сентября Гитлер и Чемберлен встретились в Годесберге на Рейне. Теперь Гитлер требовал еще больших территорий и кратчайших сроков занятия несомненно немецких районов, а также плебисцита в остальной части Судет. Чемберлен был крайне раздражен. Он понимал, что, если соглашение сорвется, его политическая карьера может окончиться крахом. Ведь он и так слишком далеко зашел, убеждая политическую элиту Великобритании, что с Гитлером можно договориться. Но договориться не удавалось. Чтобы не считать переговоры полностью провалившимися, Чемберлен предложил Гитлеру изложить свои требования, которые британский премьер передаст руководству ЧСР, выступив «в роли почтальона».

Гитлер дал Чемберлену карту, на которой были обозначены территории, требуемые Германией. Это были все земли, где компактно жили судетские немцы, даже если они были в меньшинстве. Причем чешское население должно было за два дня 26—28 сентября очистить их, оставив имущество.

Ответ Чехословакии на ультиматум был как нельзя более гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов»²⁶. Эта гордая формула сохраняла силу несколько дней.

В Праге начался грандиозный патриотический митинг, на который собралось около 250 тыс. человек. На нем уже председательствовал коммунист Йозеф Кроснарж и выступали представители всех направлений — от правого радикала Радолы Гайды до коммунистов. Генерал Ян Сыровы заявил на митинге, что армия только ждет приказа, чтобы вступить в бой²⁷. 23 сентября он возглавил правительство.

24 сентября после совещания с Даладье министр авиации Пьер Кот заявил журналистам, что «Франция выполнит свой долг по отношению к Чехословакии»²⁸.

Германия развернула против Чехословакии 37 дивизий (в том числе 7 танковых и моторизованных). Еще 14 дивизий нужно было держать против Франции и 8 в резерве. Чехословакия развернула 25 дивизий

и 8 бригад. Соотношение по артиллерии было более 15 200 на 5700 орудий, по авиации — более 3300 на более 1500, по танкам — 2400 на около 400 танков и танкеток. Чехословацкая армия опиралась на 8 крепостей, 725 дотов и 8774 дзота. Франция мобилизовала полтора миллиона человек, из которых развернула на границе с Германией 896 тыс. (37 дивизий) при более чем 1200 танков и 1600 самолетов. За спиной Франции стояла Великобритания с 20 дивизиями (400 тыс.) при 375 танках и более 1700 самолетов первой линии. Соотношение сил было явно не в пользу Германии. Правда, против Чехословакии разворачивалась группировка польских войск почти в 36 тыс. при 270 орудиях, более 100 танков и танкеток и более 100 самолетов. Но к польской границе выдвинулись почти 270 тыс. красноармейцев при более чем 2200 орудий и 2000 танков. На Волыни, близ советских границ, проводили учения пять польских дивизий и другие войска²⁹. Польша явно готовилась к отражению советского удара и могла вот-вот стать союзником Германии в европейской войне.

В Англии с ужасом ждали удара немецкой авиации. Из Лондона, готовившегося к бомбардировкам, эвакуировали детей. 29 сентября НКВД сообщал Ворошилову: «Франция спешно готовится к войне. Официально рекомендуется гражданам покинуть Париж и поселиться в провинции»³⁰. Войска Франции, Германии и Чехословакии занимали позиции вдоль границы. Британский флот готовился к выходу в море, готовясь блокировать германское побережье.

22 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Потёмкин подтвердил чехословацкому послу Зденеку Фирлингеру, что СССР готов соблюдать Советско-чехословацкий пакт, но советскому руководству не ясно, как поведет себя Чехословакия и Франция³¹. В этих словах чувствовался скепсис и раздражение — вопрос о проходе советских войск к границам Чехословакии все еще не был решен. 23 сентября Фирлингер торжественно заявил Потёмкину, что «новое правительство Чехословакии проникнуто твердой решимостью оборонять независимость страны, даже в том случае, если бы Чехословакия осталась совершенно одинокой»³².

23 сентября СССР пригрозил Польше, что в случае ее вооруженного вторжения в ЧСР будет разорван Советско-польский пакт о ненападении. Польское правительство ответило резко, отвергнув вмешательство в дела Польши с Чехословакией. В конце сентября в боевую готовность была приведена часть войск Киевского, Белорусского и др. военных округов. Из запаса было призвано 328,7 тыс. человек³³.

Было немаловажно, что Чехословакия имела «потенциальное значение авиационной базы России»³⁴. Несмотря на отсутствие разрешения на пролет советской авиации над чужой территорией, 28 сентября нар-

ком обороны СССР доложил о готовности к переброске в ЧСР 548 военных самолетов. Всего на западе страны было сосредоточено 2690 самолетов³⁵ — внушительная по тем временам сила.

Чемберлен не оставлял надежд спасти мир в этой безвыходной ситуации. 26 сентября он направил Гитлеру новое предложение о встрече. Взвесив ситуацию, Гитлер 27 сентября направил Чемберлену телеграмму, в которой предложил передать это дело «на ваш суд», обсудив способ проведения плебисцита в Судетах.

Смысл политической философии западной властной элиты Чемберлен изложил в своей речи вечером 27 сентября: «Страшно, невероятно, немыслимо! Мы роем траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем...»³⁶ Полезно больше знать о людях, судьбы которых берешься решать.

Отвечая Гитлеру, Чемберлен заявил: «Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации»³⁷. Даже непродолжительная война в Европе могла, по мнению Чемберлена, привести к гибели неустойчивого порядка вещей, который британский премьер считал цивилизацией.

Одновременно и Муссолини, в чьи планы война с сильным противником совершенно не входила, стал уговаривать Гитлера пойти на переговоры с британцами. Откликнувшись на призыв Чемберлена, дуче выступил с инициативой новой международной конференции по Чехословакии. Поняв, к чему клонится, французы, которым предстояло воевать на суше, решили превзойти Чемберлена по щедрости за чужой счет. Министр иностранных дел Франции Бонне предложил план, по которому почти все требования Гитлера удовлетворялись немедленно.

Теперь можно было созывать конференцию. Гитлер взял инициативу этого дела в свои руки, пригласив в Мюнхен представителей Великобритании, Франции и Италии. Но не Чехословакию. И союзники ЧСР, кроме проигнорированного Гитлером Советского Союза, с этим согласились. «Дело мира» восторжествовало. Но, встречая Муссолини по пути на конференцию, Гитлер сказал: «Наступит время, когда нам придется бок о бок сражаться против Англии и Франции»³⁸.

Мюнхенский сговор и его последствия

Вечером 29 сентября Гитлер, Чемберлен, Даладье и Бенито Муссолини поставили свои подписи под Соглашением. 1–10 октября немецкие войска должны были занять обширные территории, превышавшие по

размерам Судеты. Чехословакия несла ответственность за сохранность сооружений и имущества, которое оставалось немцам. Международная комиссия, в которую пустили и представителей Чехословакии, должна была решать все спорные проблемы и затем провести референдумы в районах со смешанным населением — жители сами должны были определить, кому они будут принадлежать³⁹. Такое право не давалось больше никому в Европе. Впрочем, судетским чехам этого права тоже в итоге не предоставили. Комиссия решала все проблемы в пользу Гитлера, референдумы отменили 13 октября — все смешанные территории были переданы Германии. Лишь бы не было войны. Британия и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии. Германия согласилась присоединиться к этим гарантиям, когда будут удовлетворены претензии также Венгрии и Польши⁴⁰.

После подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен и Даладье вызвали представителей расчленяемой страны. Делегация во главе с послом Войтехом Масжны и представителем МИД Губертом Масаржиком ждала результатов уже несколько часов. В 10 вечера советник Чемберлена Горас Вильсон коротко проинформировал представителей Чехословакии о предстоящем решении, но на возражения отвечать не стал. В половине второго ночи представителей ЧСР пригласили в зал, который уже покинули германская и итальянская делегации. Чемберлен и Даладье сообщили им об итогах конференции.

На родине Чемберлена встречала восторженная толпа лондонцев, исполнявшая хвалебную песнь «Потому что он прекрасный парень» в честь «старого доброго Невилла». «Прекрасный парень» взмахнул текстом совместного заявления с Гитлером и произнес историческую фразу: «Вот уже второй раз в нашей истории из Германии на Даунинг-стрит вернулся почетный мир. Я верю, что этот мир продлится в течение всей нашей жизни»⁴¹. Чемберлен явно поторопился сравнить свой мир с победой в Первой мировой войне. До начала Второй мировой войны (в Европе) оставалось меньше года.

Получив условия договора, Бенеш выразил протест и в десять утра 30 сентября капитулировал. После полудня министр иностранных дел Крофта от имени президента и правительства сообщил иностранным послам о принятии условий Мюнхенского договора, но предрек: «Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить нашему народу спокойную жизнь. Не знаю, получают ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы, во всяком случае, не последние. После нас та же участь постигнет других»⁴².

5 октября Бенеш подал в отставку и позднее покинул страну. На прощание Бенеш заявил: «На Востоке Чехословакия имеет друга, заверив-

шего ее в своей помощи и до конца оказавшегося верным своим обязательствам, чего забывать нельзя и на что нужно ориентироваться»⁴³.

30 ноября 1938 г. Эмиль Гаха, председатель Верховного суда, был избран президентом ЧСР. Словаки получили широкую автономию. Само государство стало теперь писаться через дефис: «Чехо-Словакия». Но территория Чехо-Словакии неуклонно сокращалась. Польша захватила Тешинский округ. Причем министр иностранных дел Польши Юзеф Бек копировал Гитлера в ультимативности — несмотря на принципиальное согласие Чехословакии на уступки, он потребовал под угрозой объявления войны немедленного очищения чехословацкой армией Тешинского округа до дня 1 октября⁴⁴.

Венгрия, когда-то владевшая Словакией, теперь заняла территорию, где жило 500 тыс. венгров и 272 тыс. словаков. Эти приобретения были гарантированы Германией и Италией 2 ноября — англичан и французов уже не спрашивали. Но они охотно подтвердили свое согласие и на этот передел. К 20 ноября победители определили, что Чехо-Словакия должна отдать Германии территорию, на которой проживало 2 млн 800 тыс. немцев и 800 тыс. чехов. Там находилось 70 % черной металлургии, 66 % каменного угля, 80 % текстильной промышленности, 86 % сырья химической промышленности ЧСР.

В сложившейся ситуации СССР был выдавлен из Европы на рубежи допетровских времен, и, по мнению влиятельных британских политиков, ему предстояло стать еще одним «Китаем» или «Эфиопией» — странством, где Германия и Япония могли без ущерба для Великобритании и Франции решить свои проблемы, растрачивая накопившуюся агрессивную энергию.

В ноябре 1938 — марте 1939 г. дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией»⁴⁵. 30 ноября советник Чемберлена Вильсон не без злорадства говорил советскому послу Ивану Майскому: «Следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»⁴⁶.

Несмотря на все попытки коммунистов казаться более цивилизованными, они попали в изоляцию. Несмотря на очевидный крах политики коллективной безопасности, советское руководство не собиралось от

нее отказываться. Но в результате Мюнхенского сговора был приобретен важный опыт, и отношение к сотрудничеству с Великобританией и Францией изменилось. Теперь СССР не делал ставку на коллективную безопасность, был готов варьировать направления борьбы за свои государственные интересы.

15 марта Гитлер захватил Чехию, растоптав Мюнхенское соглашение. После некоторых колебаний Чемберлен признал себя обманутым и обрушился на Гитлера с обвинениями в вероломстве. 31 марта Великобритания предоставила гарантии безопасности Польше (как выяснится в сентябре — довольно призрачные). Казалось бы, возникли предпосылки к возвращению в ситуацию «до Мюнхена», к коллективной безопасности. Но, помимо значительного усиления Германии, Мюнхенское соглашение дало советскому руководству опыт недоверия к западным государствам. Начавшиеся 14 июня 1939 г. советско-франко-британские переговоры, к которым Москва стремилась в 1933—1938 гг., теперь шли вяло. Советское руководство не хотело снова попасть в ловушку, подобную мюнхенской, в то время как партнеры тоже не проявляли очевидного стремления к созданию антигерманского союза. Одновременно СССР стал уступать германским «ухаживаниям». Это привело к совершенно новой расстановке сил в Европе к началу Второй мировой войны, что стало важным итогом Мюнхенского сговора. Но еще более важным итогом стала дискредитация политики «умиротворения» и ее носителей, что явилось одним из условий создания в ходе Второй мировой войны Антигитлеровской коалиции с участием СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 867. Л. 268.

² Там же. Д. 867. Л. 50.

³ Там же. Л. 55.

⁴ Там же. Д. 880. Л. 71.

⁵ Там же. Л. 175.

⁶ Там же. Л. 148.

⁷ Цит. по: *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 127.

⁸ *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 400.

⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 133.

¹⁰ Там же. Л. 150.

¹¹ Там же. Л. 151.

- ¹² Там же. Л. 133—135.
- ¹³ Там же. Л. 152.
- ¹⁴ См.: *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 283—285.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 126.
- ¹⁶ Там же. Д. 1146. Л. 127.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 135.
- ¹⁹ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937—1938. М., 1979. С. 122.
- ²⁰ Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958. Т. 2. С. 91.
- ²¹ Документы по истории Мюнхенского сговора. С. 107.
- ²² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. М., 1948. С. 229.
- ²³ Цит. по: *Крети́нин С. В.* Судетские немцы: народ без родины. 1918—1945. Воронеж, 2000. С. 166.
- ²⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 224—225.
- ²⁵ Там же. С. 239—240.
- ²⁶ Документы по истории Мюнхенского сговора. С. 148.
- ²⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 330.
- ²⁸ Там же. Л. 367.
- ²⁹ *Мельтюхов М. И.* Красная армия в условиях нарастания международного кризиса 1938—1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. С. 226—231.
- ³⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 354.
- ³¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1144. Л. 289.
- ³² Там же. Л. 291.
- ³³ См.: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001. С. 167—172.
- ³⁴ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 129.
- ³⁵ *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 172.
- ³⁶ Цит. по: *Ширер У.* Указ. соч. С. 440.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 451
- ³⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 287—293.
- ⁴⁰ Там же. С. 294.
- ⁴¹ Цит. по: *Эмери А.* Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 532.

⁴² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. Т. 1. С. 318.

⁴³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 392.

⁴⁴ *Мацкевич С.* Политика Бека. М., 2010. С. 179.

⁴⁵ Год кризиса. 1938—1939. Т. 1. М., 1990. С. 201.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 658.

КРАСНАЯ АРМИЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1938 г.

Михаил Мельтюхов

История международного Чехословацкого кризиса 1938 г. исследуется в основном в политическом аспекте. Однако у этих событий было еще и военное измерение, поскольку германское руководство активно шантажировало Великобританию и Францию, придерживающихся политики «умиротворения» Германии, угрозой войны в Центральной Европе. В последние годы в отечественной историографии появились работы, авторы которых поставили под сомнение готовность и желание советского руководства выполнить Советско-чехословацкий союзный договор 1935 г. и прийти на помощь Чехословакии¹. Таким образом, уже давно известные тезисы апологетов «умиротворения» Германии за счет ее восточных соседей теперь озвучены и в российской историографии.

Правда, доступные документы показывают, что в 1938 г. советское руководство прекрасно понимало, что организация поддержки Чехословакии зависит от позиции Великобритании и Франции, основной внешнеполитической целью которых было стремление направить германскую экспансию на Восток. Сделав ставку на соглашение с Германией, Лондон и Париж всячески уклонялись от любых советских предложений, которые могли привести к ухудшению их отношений с Берлином. Продолжая действовать в рамках концепции коллективной безопасности, что отвечало не только советским интересам, но и тем международным нормам, которые декларировались в то время ведущими мировыми державами, советское руководство постаралось договориться с Великобританией и Францией о поддержке Чехословакии.

Всего в течение 6 месяцев Советский Союз 10 раз официально заявлял о своей готовности оказать поддержку Чехословакии. Кроме того, 4 раза об этом конфиденциально сообщалось Франции, 4 раза — Чехословакии и 3 раза — Великобритании. Советская сторона трижды предлагала провести переговоры генеральных штабов Франции и один раз Великобритании, однако никакого ответа получено не было.

Кроме того, Советский Союз неоднократно заявлял о своей готовности оказать поддержку своему чехословацкому союзнику, если он будет сражаться и попросит о помощи, даже в том случае, если Франция уклонится от выполнения своих союзнических обязательств. В марте 1938 г. было подписано советско-чехословацкое соглашение о поставках в Чехословакию 40 советских бомбардировщиков СБ, которые также уже производились чехословацкими авиационными заводами по лицензии как В-71. Тем не менее, лишь 19 сентября Прага впервые официально запросила Москву о ее позиции в случае нападения Германии. Уже вечером 20 сентября был получен ответ, что СССР выполнит свои обязательства, но чехословацкое правительство так и не решилось просить Советский Союз о помощи. Настораживало Москву и все более явное польско-германское античехословацкое сотрудничество².

К началу 1938 г. территория Советского Союза была разделена на 14 военно-административных единиц: Северный военный комиссариат, Ленинградский (ЛВО), Белорусский (БВО), Киевский (КВО), Харьковский (ХВО), Московский (МВО), Северо-Кавказский (СКВО), Приволжский (ПриВО), Закавказский (ЗакВО), Уральский (УрВО), Среднеазиатский (САВО), Сибирский (СибВО), Забайкальский (ЗабВО) военные округа и Особую Краснознаменную Дальневосточную армию (ОКДВА). Кроме того, на территории Монгольской народной республики дислоцировались войска 57-го особого стрелкового корпуса, находившегося в оперативном подчинении Наркомата обороны³. Сухопутные войска Красной армии состояли из 27 управлений стрелковых корпусов, 96 стрелковых дивизий (60 кадровых, 2 смешанных и 34 территориальных), 7 управлений кавалерийских корпусов, 32 кавалерийских дивизий, 2 кавалерийских бригад, 4 управлений механизированных корпусов, 25 механизированных, 4 тяжелых и 3 запасных танковых, 2 мотоброневых, 3 моторизованных стрелково-пулеметных бригад и 23 артиллерийских полков РКК. Советские ВВС (сухопутные и морские) состояли из 1 авиационной армии особого назначения (АОН), 77 авиационных (24 тяжелобомбардировочных, 18 среднебомбардировочных, 1 минно-торпедной, 6 легкособомбардировочных, 10 штурмовых, 14 истребительных и 4 разведывательных) и 6 авиадесантных бригад⁴. В Красной армии насчитывалось 1 582 057 человек (из них 1 232 526 в сухопутных войсках,

191 702 в ВВС и 157 829 в частях вне норм), 26 719 орудий и минометов, 18 839 танков и 7190 боевых самолетов⁵.

Согласно утвержденному 29 ноября 1937 г. постановлением Комитета обороны при СНК СССР «Планом развития и реорганизации РККА в 1938—1942 гг.»⁶ в 1938 г. кадровые стрелковые дивизии ОКДВА были переведены на 10-тысячный штат, а все смешанные и территориальные стрелковые дивизии переформированы в кадровые дивизии тройного развертывания. Таким образом, завершился переход от территориально-кадровой системы к кадровой системе комплектования Красной армии.

В первой половине 1938 г. было произведено переформирование механизированных бригад в танковые и некоторая передислокация войск между военными округами. При этом было расформировано 2 управления кавалерийских корпусов и 7 кавалерийских дивизий. Так же в течение 1938 г. имевшиеся в ВВС Красной армии авиаэскадрильи были разукрупнены и переформированы в однотипные авиаполки. Основным содержанием реорганизации ВВС явилось отделение тылов от строевых частей, повысившее их оперативную подвижность и мобилизационную готовность. Все авиадесантные бригады были переданы из ВВС в сухопутные войска⁷. Кроме того, на основании решения Главного военного совета (ГВС) РККА от 10 апреля, приказов наркома обороны № 4/4/33935/сс от 11 мая и № 0017 от 21 мая и постановления Комитета обороны при СНК СССР № 88сс/ов от 27 мая авиационная АОН была реорганизована и сформированы еще две АОН. 1-я АОН дислоцировалась в районах Монины, Иванова, Калинина, 2-я АОН — в районах Воронежа, Курска, Орла, а 3-я АОН — в районах Ростова-на-Дону, Новочеркасска⁸.

Продолжалось дальнейшее усиление инженерной подготовки Западного театра военных действий (ТВД), особенно в приграничной полосе, где следовало построить новые оборонительные сооружения, и развитие военной и транспортной инфраструктуры. Соответствующие решения ГВС РККА принимал 29 марта — 1 апреля по КВО, 16—21 мая по БВО, а 22 июня по ЛВО. В дальнейшем они утверждались Политбюро ЦК ВКП(б) 17 апреля, 10 и 28 июля и оформлялись в виде постановлений Комитета обороны при СНК СССР № 61сс от 19 апреля, № 169сс и № 172сс от 29 июля. Для руководства оборонительным строительством в Генеральном штабе РККА создавался Отдел оборонительного строительства укрепленных районов (УР). В БВО в районах Себежа и Слуцка, а в ЛВО в районах Мурманска, Кандалакши, Видлици и Острова следовало построить новые УРы. Всего для инженерной подготовки территорий КВО, БВО и ЛВО на 1938—1939 гг. выделялось 408 690 тыс. руб.⁹. 31 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило изданное 1 августа поста-

новление Комитета обороны № 179сс о дополнительном ассигновании в 1938 г. на строительство УР 68 млн 068 тыс. руб., из которых 50 млн руб. предназначались для КВО¹⁰.

Одновременно ГВС РККА 29 марта — 1 апреля принял решение о реорганизации органов местного военного управления. После того как 7 июня Комитет обороны при СНК СССР своим постановлением № 112с утвердил «Положение о местных органах военного управления», нарком обороны издал 19 июня приказ № 0104, согласно которому следовало к 15 августа «расформировать все управления мобилизационных округов и Северный военный комиссариат», чья территория передавалась в состав ЛВО, и «сформировать военные комиссариаты». В итоге вместо 933 военкоматов корпусных и дивизионных мобилизационных округов было создано 3804 районных военкомата республик, краев и областей¹¹.

В условиях эскалации Чехословацкого кризиса 1938 г., чреватого возникновением войны, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и Советский Союз, ГВС РККА 24 июня и 14 июля предложил создать Калининский (КалВО) и Орловский (ОрВО) военные округа, а также реорганизовать БВО и КВО в Особые военные округа с формированием в них управлений 6 армейских групп (АГ)¹². Тем самым фактически создавались два скрытых фронтовых управления и в закамуфлированном виде воссоздавались обычные управления армий. Проведение всех этих организационных мер облегчало бы процесс мобилизационного развертывания советских вооруженных сил на Западном ТВД. Соответственно 26 июля нарком обороны издал приказы № 0151 о реорганизации БВО и № 0152 о реорганизации КВО, а 28 июля — приказ № 0154 об образовании КалВО и ОрВО, формирование управлений которых следовало завершить к 1 сентября 1938 г.¹³

Все эти организационные мероприятия в Красной армии были 28 июля утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлены 29 июля постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 173сс/ов «О создании новых военных округов»:

«В целях более лучшего управления войсками на территории Союза, разрешить НКО создать дополнительно два военных округа:

1) Калининский военный округ.

В состав округа включить все войска, управления, учреждения и склады, расположенные в Калининской и Ярославской областях.

Управление Калининского военного округа сформировать на базе 2-го стрелкового корпуса.

Окружные управления округа разместить в г. Калинин.

2) Орловский военный округ.

В состав округа включить все войска, управления, учреждения и склады, расположенные в Орловской, Курской и Воронежской областях.

Управление Орловского военного округа сформировать на базе 10-го стрелкового корпуса.

Окружные управления этого округа разместить в г. Орле.

3) Белорусский военный округ переименовать в “Белорусский особый военный округ”.

Для удобства управления войсками Белорусского особого военного округа организовать две армейских группы войск:

а) Витебскую армейскую группу войск,

б) Бобруйскую армейскую группу войск.

В состав групп включить:

а) В Витебскую армейскую группу войск — все войска, управления, учреждения и склады, расположенные на территории Витебской и Минской областей;

Управление Витебской армейской группы развернуть на базе управления 4-го стрелкового корпуса.

б) В Бобруйскую армейскую группу войск — все войска, управления, учреждения и склады, расположенные на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей и гарнизоны: Пуховичи и Слуцк (Минской области).

Управление Бобруйской армейской группы развернуть на базе управления 5-го стрелкового корпуса.

Управления армейских групп разместить:

Витебской — г. Витебск

Бобруйской — г. Бобруйск.

4) Управления 2[-го], 4[-го], 5[-го] и 10[-го] стрелковых корпусов восстановить к 1-му октября 1938 года.

НКО доложить К[омитету] О[бороны] к указанному сроку об исполнении.

5) Московский военный округ оставить в составе областей: Московской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Горьковской, Ивановской, Марийской, Чувашской и Мордовской АССР (последняя изымается из ПриВО).

6) В связи с созданием в Белорусском военном округе 2-х армейских групп войск, управление Белорусского особого военного округа считать скрытым фронтовым управлением.

7) Киевский военный округ переименовать в «Киевский особый военный округ».

8) Для удобства управления войсками Киевского особого военного округа организовать в нем три армейских группы:

- а) Житомирскую — на базе управления 8[-го] стрелкового корпуса,
- б) Винницкую — на базе управления 17[-го] стрелкового корпуса,
- в) Одесскую — на базе управления 6[-го] стрелкового корпуса.

В состав армейских групп включить:

а) Житомирской — все части, учреждения и заведения, расположенные на территории Житомирской, Киевской и Черниговской областей; Управление армейской группы — г. Житомир;

б) Винницкой — все части, учреждения и заведения, расположенные на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей; Управление армейской группы — г. Винница;

в) Одесской — все части, учреждения и заведения, расположенные на территории Одесской, Николаевской областей и Молдавской АССР; Управление армейской группы — г. Одесса;

г) Организовать Управление армейской кав[алерийской] группы, включив в ее состав 1[-й] и 2[-й] кав[алерийские] корпуса. На формирование Управления армейской кав[алерийской] группы обратить кав[алерийскую] инспекцию КВО.

9) Управления 6[-го], 8[-го] и 17[-го] стрелковых корпусов, используемых на формирование армейских групп, восстановить к 1-му октября 1938 года»¹⁴.

Учитывая продолжавшееся обострение ситуации вокруг Чехословакии, нарком обороны 16 августа издал приказ № 0038, согласно которому требовалось «младший командный, начальствующий и рядовой состав саперных батальонов стрелковых корпусов (одного ЛВО, трех БОВО, четырех КОВО) и саперных батальонов стрелковых дивизий (четырёх БОВО и десяти КОВО), подлежащих увольнению осенью этого года, уволить 15.12.38 г. Кроме того, призвать на специальные учебные сборы указанных частей вневойсковиков по числу приписного состава, сроком на три месяца»¹⁵.

В конце сентября 1938 г. ситуация в Европе обострилась и возникла угроза, что Чехословакия не капитулирует, а будет воевать. Поэтому заинтересованные страны провели следующие военные меры. Шантажируя западные государства угрозой войны, Германия 16—18 сентября начала сосредоточение войск у границ Чехословакии для осуществления плана «Грюн», который предполагал окружение основных сил чехословацкой армии в Чехии. От Верхней Силезии до Нижней Австрии было развернуто 5 армий, 9 армейских, 1 моторизованный и 2 танковых корпуса, 20 пехотных, 3 легкопехотных, 3 горнопехотных, 4 моторизованные, 3 танковые и 4 ландверные дивизии. Для прикрытия

границы с Францией и Бельгией германское командование развернуло 3 армии, 3 армейских корпуса, 5 пехотных и 9 ландверных дивизий. В Восточной Пруссии развернулись войска 3-й армии в составе 1 армейского корпуса, 3 пехотных, 1 резервной, 2 ландверных дивизий и 1 кавбригады, а в Померании сосредоточились войска 4-й армии в составе 2 ландверных дивизий. Вермахт располагал 51 дивизией и 1 кавалерийской бригадой, да еще летом 1938 г. были созданы 8 резервных дивизий. Общая мобилизация в вермахте не проводилась, поскольку было решено использовать для действий против Чехословакии лишь кадровые соединения мирного времени, пополненные резервистами до штатов военного времени под видом учебных сборов. В это время вермахт располагал ограниченными запасами вооружения. Так, на 1 апреля 1938 г. в сухопутных войсках Германии насчитывалось 15 213 орудий и минометов. В танковых войсках к 1 октября насчитывалось 2438 танков (из них 1468 PzKw I, 823 PzKw II, 59 PzKw III, 76 PzKw IV и 182 командирских). В люфтваффе к 26 сентября насчитывалось 3307 самолетов¹⁶.

С 23 сентября началась мобилизация в Чехословакии и к 29 сентября чехословацкая армия была развернута вдоль границы. Чехословацкие войска объединялись в 4 армии, 7 корпусов, 18 пехотных, 1 моторизованную, 6 легких пехотных дивизий, 4 кавалерийские, 4 моторизованные бригады и 4 группы пехоты. Они имели задачей совместно с от мобилизованной погранохраной, опираясь на пограничные укрепления, отразить германское вторжение. В случае же прорыва обороны предполагалось отводить войска в Словакию, затягивая боевые действия и ожидая помощи союзников. Вооруженные силы Чехословакии насчитывали почти 2 млн человек и имели на вооружении 5700 орудий и минометов, 1514 самолетов, 348 танков, 70 танкеток и 75 бронемашин. На границе было сооружено 8 крепостей, 725 тяжелых дотов и 8774 легких дзота¹⁷.

3 сентября во Франции было призвано 300 тыс. резервистов, 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе, 5 сентября линия Мажино была полностью укомплектована техническими частями. Вечером 22 сентября 6 дивизий были выдвинуты на границу Германии. В ночь на 24 сентября было призвано еще 600 тыс. резервистов и переброшено к границе 14 дивизий. К 28 сентября во французские войска было мобилизовано 1,5 млн человек, а на границе Германии развернуто 37 пехотных дивизий, 13 кавалерийских бригад и 29 танковых полков, общей численностью 896 тыс. человек. Всего во французской армии насчитывалось более 1275 танков и 1604 боевых самолета первой линии. Вооруженные силы Англии располагали 20 дивизиями и 2 брига-

дами (около 400 тыс. человек), 375 танками и 1759 самолетами первой линии¹⁸.

Ряд мер военного характера провела и Польша, заинтересованная в участии в разделе Чехословакии. 5–19 сентября на Волыни прошли крупные маневры польской армии, в которых участвовали 3-я, 13-я, 21-я, 27-я и 30-я пехотные дивизии, 5-я учебная кавалерийская дивизия (в составе Подольской и Кресовой кавалерийских бригад), 10-я моторизованная кавалерийская бригада, 2-я бригада легких бомбардировщиков и подразделения Корпуса пограничной охраны. Тем самым Варшава демонстрировала готовность остановить Красную армию, если она попытается пройти через польскую территорию на помощь Чехословакии. Под прикрытием этих маневров польские войска стали стягиваться к Тешину. На границе с Чехословакией была развернута отдельная оперативная группа «Шлёнск» под командованием бригадного генерала Владислава Бортновского в составе 4-й, 21-й и 23-й пехотных дивизий, Великопольской и 10-й моторизованной кавалерийских бригад. К 1 октября эта группировка насчитывала 35 966 человек, 270 орудий, 103 танка и танкеток, 9 бронемашин и 103 самолета¹⁹. Кроме того, после 23 сентября созданные еще весной 1938 г. в чехословацкой Тешинской Силезии нелегальные польские диверсионные отряды предприняли ряд террористических нападений на чехословацкие полицейские и военные посты, погромов общественных и государственных зданий, всячески создавая видимость ведущейся там партизанской войны²⁰.

Польская пропаганда упрекала Чехословакию в том, что она стала коминтерновским плацдармом, а современный кризис — результат не германской агрессии, а слабости Чехословакии. Широко популяризировались слова Юзефа Пилсудского о том, что «искусственно и уродливо созданная Чехо-Словацкая республика не только не является основой европейского равновесия, наоборот, является его слабым звеном». В 19 часов 21 сентября Польша потребовала от Чехословакии передать ей Тешин, хотя и не указала какого-либо срока выполнения этого требования. Получив польский ультиматум, Прага обратилась к Москве с просьбой о поддержке. Около 4 часов утра 23 сентября советская сторона заявила польскому послу в Москве, что в случае вторжения польских войск в Чехословакию, СССР денонсирует Пакт о ненападении от 1932 г. Понятно, что в условиях, когда дело явно шло к разделу Чехословакии, Варшава ответила, что «меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения»²¹. По сути, это был совет не лезть не в свое дело.

В период сентябрьского кризиса 1938 г. командование Красной армии приняло ряд серьезных мер по повышению боеготовности войск²². В 18 часов 21 сентября Военный совет КОВО получил директиву наркома обороны о приведении в боевую готовность и сосредоточении войск у границы с Польшей с целью проведения «крупных учений». Житомирская АГ (командующий — комдив Фёдор Ремезов) — 8-й и 15-й стрелковые (7-я, 44-я, 45-я, 46-я, 60-я, 81-я и 87-я стрелковые дивизии), 2-й кавалерийский (3-я, 5-я и 14-я кавалерийские дивизии) корпуса — в это время проводила учения по плану командующего округом, в районе, прилегающем к местам ее постоянного расквартирования. Директивой наркома обороны ей было приказано к 23–24 сентября закончить эти учения сосредоточением всех сил в районе Новоград-Волынский, Ямполь, Шепетовка, Барановка. 60-я стрелковая дивизия сосредотачивалась для учений в районе Овруча, а 7-я стрелковая дивизия — в районе Чернигова.

В районе Волочиск, Каменец-Подольск, Ярмолинцы, Проскуров следовало сосредоточить Винницкую АГ (командующий — комдив Фёдор Иванов) в составе 17-го стрелкового корпуса (72-я, 96-я и 97-я стрелковые дивизии), 23-й и 26-й отдельных танковых бригад, 25-го танкового корпуса (4-я и 5-я танковые и 1-я мотострелковая бригады), 4-го кавалерийского корпуса (9-я, 32-я и 34-я кавалерийские дивизии), трех полков истребительной и четырех полков бомбардировочной авиации. 99-я стрелковая дивизия развернулась в районе Гайсин, Вапнярка, заняв одним полком Могилев-Ямпольский УР, а 95-я стрелковая дивизия — в районе Котовск, Балта, Ананьев. В Жмеринке, Казатине, Проскурове, Киеве, Шепетовке были развернуты пункты ПВО и приведены в боевую готовность Коростеньский, Новоград-Волынский, Летичевский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий и Тираспольский УРы. Всю подготовку к действиям было приказано закончить к 23 сентября.

21 сентября 2-я авиационная АОН получила указание Генерального штаба о перебазировании своих боевых сил на территорию КОВО в районы Белой Церкви и Умани для участия в проводимых мероприятиях. Еще 31 августа исполняющий обязанности командующего 1-й АОН комбриг Александр Беляков докладывал Иосифу Сталину, что 28 августа 10 самолетов ДБ-3 совершили беспосадочный перелет по маршруту Монино — Севастополь — Краснодар — Монино (3119 км) за 12 часов и произвели бомбометание на полигоне под Ростовом-на-Дону с высоты 8 и 7,5 км. Протяженность маршрута, указывалось в докладной, соответствует полету от Москвы до Берлина и обратно до Смоленска²³.

Утром 22 сентября штаб КОВО доложил в Генеральный штаб, что в 4 часа утра директива наркома обороны была доведена до всех войск, и они приступили к выполнению поставленных задач. Оперативная группа штаба КОВО во главе с командующим войсками командармом 1-го ранга Семён Тимошенко передислоцировалась из Киева в Проскуров, откуда была организована связь со всеми подчиненными войсками и с Москвой. Для поддержания более надежной связи с Генеральным штабом из Москвы в Проскуров была срочно направлена специальная аппаратура с обслуживающим ее персоналом.

В 23.45 23 сентября Военный совет БОВО получил директиву наркома обороны о приведении в боевую готовность и выдвижении к государственной границе войск Витебской АГ (командующий — комдив Фёдор Кузнецов) в составе 4-го стрелкового корпуса (5-я и 50-я стрелковые дивизии и 18-я танковая бригада) и Лепельской группы войск (27-й стрелковой, 24-й кавалерийской дивизий и 16-й танковой бригады), которые должны были сосредоточиться в районе Сарья, Ветрино, Березно, Бегомль. В районе севернее Плещеницы, Заславль, Минск, Дзержинск, Узда, Тимковичи, Семежево разворачивались войска Бобруйской АГ (командующий — комбриг Василий Чуйков), объединявшей 16-й стрелковый (2-я, 13-я, 100-я стрелковые дивизии, 21-я танковая бригада) и 3-й кавалерийский (4-я, 7-я и 36-я кавалерийские дивизии) корпуса. В 10.55 24 сентября штаб БОВО доложил в Генеральный штаб о начале выполнения поставленных задач. В районе Слуцка начались учения 4-й стрелковой, а в низовьях рек Птичь и Уборть западнее Мозыря — 52-й стрелковой дивизии. В Слуцке, Бобруйске, Жлобине, Пуховичах, Могилеве, Минске, Борисове, Орше, Витебске и Полоцке были развернуты пункты ПВО и приведены в боеготовность Полоцкий, Минский и Мозырский УРы.

23 сентября КалВО также получил директиву наркома обороны о выдвижении к государственной границе в район Себежа 67-й стрелковой дивизии, а в Великих Луках и Себеже были развернуты пункты ПВО. Для прикрытия и поддержки войск западных округов приказывалось привлечь истребительную и бомбардировочную авиацию, причем истребительная и скоростная бомбардировочная авиация перебазировалась на передовые аэродромы по указанию командования округов, а тяжелая бомбардировочная авиация должна была действовать из районов постоянной дислокации, используя для временной посадки аэродромы, расположенные ближе к государственной границе. Перелеты авиации было приказано начать с утра 24 сентября.

По неполным данным, разворачиваемые в приграничных районах советские войска насчитывали 269 270 человек, 86 497 лошадей, 2279 орудий, 2055 танков (см. таблицу 1)²⁴.

Таблица 1

Численность войск, развернутых на западной границе в конце сентября 1938 г.

Армейские группы	Корпуса	Дивизии, бригады	Личный состав	Лошади	Орудия	Танки
		67-я СД	7605	2374	71	32
		Войска ПВО	?	?	24	—
Итого КалВО			7605	2374	95	32
Витебская АГ	4-й СК	5-я СД	7764	1638	33	29
		50-я СД	7728	1354	14	23
		18-я тбр	1501	—	—	160
		24-я КД	4447	4325	52	27
		27-я СД	7365	1163	88	—
		16-я тбр	1469	—	11	131
	Полоцкий УР		7020	—	82	—
	Всего		37 294	8480	280	370
Бобруйская АГ	16-й СК	2-я СД	7991	2415	37	22
		13-я СД	10 447	1961	78	16
		100-я СД	7514	2135	70	13
		21-я тбр	2316	—	6	149
	3-я КК	4-я КД	4472	4205	23	28
		7-я КД	3249	3387	21	39
		36-я КД	3705	3645	21	30
	Всего		39 694	17 748	256	297
		4-я СД	8001	2091	67	42
		52-я СД	9809	98	34	—
		Всего	17 810	2189	101	42
		Войска ПВО	?	?	204	—
Итого БОВО			94 798	28 417	841	709
Житомир- ская АГ	8-й СК	7-я СД	8465	1783	106	36
		44-я СД	7919	2720	50	33
		45-я СД	9775	2798	69	56
		46-я СД	8987	2856	61	42
	15-й СК	60-я СД	8366	2846	60	46
		81-я СД	9294	2812	57	60
		87-я СД	?	?	?	?
		2-й КК	3-я КД	3821	3990	20
	5-я КД		3990	4158	20	—
	14-я КД		4308	4281	22	10
	Коростеньский УР		7530	1225	?	—
	Новоград-Волынский УР		5730	845	43	—
Всего		78 185	30 314	508	330	

Винницкая АГ	17-й СК	72-я СД	6552	1771	25	23
		96-я СД	6671	2068	101	27
		97-я СД	6464	2074	78	16
		23-я тбр	2374	—	3	117
		26-я тбр	2581	—	—	164
	Корпусные части		1518	374	26	—
	4-й КК	9-я КД	4166	4113	22	52
		32-я КД	4060	4235	19	52
		34-я КД	4246	4426	21	47
	Корпусные части		676	146	12	—
	25-й ТК	4-я тбр	3833	—	—	162
		5-я тбр	4058	—	—	204
		1-я спбр	3768	—	45	4
	Всего		50 967	19 207	352	868
		95-я СД	10 244	3046	75	78
		99-я СД	8813	3113	70	38
		Всего	19 057	6159	145	116
		Артполки РГК	10 372	—	161	—
		Войска ПВО	8198+ ?	26 + ?	177	—
Итого КОВО			166 867	55 706	1343	1314

В соответствии с директивами наркома обороны утром 24 сентября соединения приграничных округов были подняты по боевой тревоге на учения. В общей сложности в боевую готовность были приведены 5 стрелковых, 3 кавалерийских и 1 танковый корпус, 21 стрелковая и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых и 1 мотострелково-пулеметная бригада, 7 укрепленных районов, 12 авиационных бригад, а также склады, базы и другие части боевого и тылового обеспечения. Кроме того, в ЛВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО и МВО была подготовлена к действиям вся система противовоздушной обороны — 2 корпуса, 1 дивизия, 2 бригады и 16 полков ПВО, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также ряд отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов. По распоряжению Генерального штаба было установлено круглосуточное дежурство в штабах и на узлах связи КалВО, БОВО и КОВО на случай немедленного приема и доклада командованию дальнейших приказов и распоряжений. Все направлялось на то, чтобы войска, приведенные в полную боевую готовность и развернутые непосредственно у государственной границы, могли в любой момент по сигналу советского правительства начать действовать.

Кроме того, в частях и соединениях западных приграничных округов велась активная политическая работа: проводились беседы о поло-

жении в Чехословакии, о традициях советско-чехословацкой дружбы, раскрывалась агрессивная сущность германского фашизма. В войсках и штабах изучался опыт боевых действий советских войск у озера Хасан 29 июля — 11 августа 1938 г.²⁵ В результате в ходе учений значительно возрос моральный дух войск, резко снизилось количество отрицательных настроений. Общую ненависть вызывали германские и польские фашисты. Как заявляли красноармейцы в/ч 5077 Тарасов и Мещанов: «Скорее бы выступить против фашистской Польши, пусть только последует приказ нашей партии и Великого Сталина, мы сотрем с лица земли фашистских гадов». По мнению солдата той же части Щербакова: «Наши дальневосточные товарищи проучили японских самураев, как хочется нам на Западе проявить такое же героичество и отвагу». Схожие мысли высказывал боец в/ч 5711 Толкачев: «Чехословацкий народ не хочет войны, но им угрожает германский фашизм вместе с англо-французской буржуазией, мы можем показать, как надо воевать, так же, как наши дальневосточные товарищи показали у озера Хасан». Выступая на митинге, командир отделения 5-й кавалерийской дивизии Тугай заявил: «Мы готовы, ждем Ваших (Сталина) приказов громить фашистскую сволочь и если в годы гражданской войны не пришлось занять Варшаву через измену врагов народа, то теперь мы ее возьмем»²⁶.

25 сентября нарком обороны направил в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку № 9975/сс: «Ввиду того, что поляки на нашей границе усиливают пограничную охрану, производят подброску железнодорожных эшелонов — 22.9 засечено 10 эшелонов пехоты с танками из Варшавы в Белосток; 25.9 по донесению Командующего БОВО подтянули два пехотных полка к Столпцы; оставили резервистов, призванных на маневры, и призвали резервистов в зенитную артиллерию и танковые части, полагаю необходимым с нашей стороны проведение следующих дополнительных мероприятий:

1. Для повышения боевой готовности укрепленных районов -

а) призвать хотя бы на 15—20 дней приписной состав пулеметных батальонов, артдивизионов и специальных частей укрепленных районов ЛВО, БОВО, КОВО, за исключением тылового Киевского укрепленного района и укрепленных районов, расположенных по р. Днестру.

Всего для частей укрепленных районов призвать 54 000 человек.

С пополненными частями провести усиленные занятия по заполнению сооружений боеприпасами, приведению оборудования в боевую готовность и боевые стрельбы, используя часть времени для расчистки обзора и обстрела, установки проволоочной колючей сети и устройства противотанковых препятствий.

б) Отдать распоряжение об установке вооружения и о загрузке боеприпасами всех боевых сооружений укрепленных районов.

2. Призвать приписной состав для:

а) 13, 2, 100 (Минский район) и 4 сд (Слуцк) БОВО в количестве 4000 чел. на каждую дивизию.

б) 96, 97 и 72 сд КОВО, передислоцированных к госгранице, по 3000 чел. на каждую дивизию.

Всего для стрелковых частей призвать 25 000 чел.

3. Поднять систему постов воздушного наблюдения и связи (ВНОС) ЛВО, БОВО, КОВО, МВО, ХВО, особенно в крупных пунктах ПВО, призвав приписной состав.

Призвать приписной состав 1 и 2 корпусов ПВО (Ленинград и Москва) и частей ПВО Киева, а также зенитных дивизионов Резерва Главного Командования в БОВО и КОВО.

Для подъема частей ВНОС и для частей ПВО требуется призвать 39 000 человек.

4. Призвать приписной состав для частей артиллерии Главного Командования ЛВО, БОВО, КОВО, ХВО, МВО, ОрлВО, всего 49 000 человек.

Всего для перечисленных мною мероприятий требуется призвать 167 000 человек.

Кроме того, разрешить призвать соответствующее количество конского состава, автомобилей и тракторов»²⁷. Вероятно, эта записка обсуждалась на состоявшемся в тот же день с 18.30 до 22.50 в кабинете Сталина совещании, на котором присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) председатель СНК СССР Вячеслав Молотов, его заместитель нарком путей сообщения и тяжелой промышленности Лазарь Каганович, нарком обороны маршал Климент Ворошилов, кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) нарком внутренних дел и водного транспорта Николай Ежов, а также заместитель наркома иностранных дел Владимир Потёмкин²⁸. Как бы то ни было, 25 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило эти предложения Ворошилова, а 26 сентября было издано постановление СНК СССР № 1035-256сс, согласно которому наркому обороны было разрешено, «не прекращая строительных работ по укрепрайонам», провести предлагаемые им мероприятия²⁹. Уже утром 26 сентября Военные советы округов получили соответствующие приказы наркома обороны³⁰.

Тем временем еще 25 сентября нарком обороны СССР телеграфировал в Париж для передачи французским военным властям: «Наше командование приняло пока следующие, предупредительные меры: 1. 30 стрелковых дивизий, придвинуты в районы, прилегающие непо-

средственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий. 2. Части соответственно пополнены резервистами. 3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, — то они у нас в полной готовности»³¹. Эта информация 28 сентября была передана французскому военному атташе в СССР полковнику Огюсту Паласу. Об этом же, как и о многих других мероприятиях, было немедленно сообщено чехословацкому правительству³².

Кроме того, еще 26 сентября нарком обороны направил в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку № 705/сс: «В связи с некомплектом артиллерийских лошадей в дивизиях, выдвинутых к границе, и тракторов и автотранспорта в полках артиллерии Резерва Главного Командования, прошу разрешить привлечь на учебные сборы хотя бы минимальное количество:

1. Лошадей артиллерийских — 4500

из них: на территории Ленинградского Военного Округа — 100

на территории Белорусского Военного Округа — 2400

на территории Киевского Военного Округа — 2000.

2. Автомобилей грузовых — 1175

из них: по Ленинградскому Военному Округу — 250,

по Московскому Военному Округу — 130,

по Белорусскому Военному Округу — 350,

по Киевскому Военному Округу — 350,

по Харьковскому Военному Округу — 75.

3. Тракторов гусеничных — 700

из них: по Ленинградскому Военному Округу — 230,

по Московскому Военному Округу — 90,

по Белорусскому Военному Округу — 90,

по Киевскому Военному Округу — 216,

по Харьковскому Военному Округу — 74.

4. Автомобилей легковых — 190

из них: по Ленинградскому Военному Округу — 37,

по Московскому Военному Округу — 12,

по Белорусскому Военному Округу — 56,

по Киевскому Военному Округу — 69,

по Харьковскому Военному Округу — 16»³³.

27 сентября эти предложения наркома обороны были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлены 28 сентября постановлением СНК СССР № 1039-257сс³⁴.

27 сентября Генеральный штаб предупредил Военные советы всех округов, кроме дальневосточных, о немедленной подготовке документации для проведения призыва приписного состава людей, лошадей

и транспорта из народного хозяйства. 28 сентября ЛВО, БОВО, КОВО, ХВО, ОрВО, КалВО, МВО, ПриВО, УрВО, СКВО и ЗакВО получили телеграмму начальника Генштаба с приказанием «красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии не увольнять»³⁵. В тот же день нарком обороны доложил советскому правительству о готовности направить в Чехословакию 16-ю (56-й, 54-й скоростные бомбардировочные авиаполки) и 58-ю (21-й, 31-й истребительные авиаполки) авиационные бригады из БОВО, 10-ю (33-й скоростной бомбардировочный авиаполк) и 69-ю (17-й, 43-й истребительные авиаполки) авиационные бригады из КОВО и 60-й скоростной бомбардировочный авиаполк из ХВО, в составе которых насчитывалось 548 боевых самолетов³⁶. Всего же авиационная группировка КалВО, БОВО и КОВО с учетом 2-й АОН насчитывала к 1 октября 2690 самолетов из 7022, имевшихся в строевых частях ВВС Красной армии³⁷.

28 сентября нарком обороны направил в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку № 4/сс/ов: «За последние дни поляки продолжают усиление своих погранчастей полевыми войсками и авиацией, придвигая их к границе, и частично перевозят технические части из внутренних округов на нашу границу как севернее, так и южнее Полесья.

Известно об отмотилизовании кадровых частей 1 очереди Львовского, Тарнопольского и Краковского корпусных округов, что дает 8 дивизий, часть из которых направлена на Чехо-Словацкую границу (2 дивизии).

Немцы проводят мобилизацию в Восточной Пруссии.

Таким образом, наряду с общим военным напряжением в Центральной Европе, постепенно накапливаются значительные вооруженные силы непосредственно у наших границ.

Полагаю необходимым расширить проводимые нами мероприятия в следующем.

А. Призвать из запаса приписанных людей ЛВО, БОВО, КОВО:

1. Во все авиационные базы, всего — 30 000 чел.
2. Во все танковые бригады, всего — 39 000 чел.
3. По 4000 чел. в следующие дивизии:

ЛВО — 70 сд Карельский укреп[ленный] район.

90 сд Карельский укреп[ленный] район.

11 сд Кингисеппский укреп[ленный] район.

56 сд Псковский укреп[ленный] район.

КалВО — 67 сд Себеж.

БОВО — 50 и 5 сд, выдвинутые на госграницу в районе Полоцк.

27 сд Лепель.

52 сд Мозырский укреп[ленный] район.

КОВО — 60 сд Овруч.

45, 44, 46 и 81 сд — район Новоград-Волынь, Шепетовка.

1 сп 7 сд, призвав в него 8000 чел.

99 и 95 сд, дислоцированные в Приднестровских укреп[ленных] районах, с сосредоточением их в район Каменец-Подольск, Могилев-Подольск.

Всего призвать для стрелковых дивизий 72 000 чел.

Б. Призвать на сборы весь командный и начальствующий состав строевых частей ЛВО, БОВО, КОВО и КалВО.

В. Призвать на сборы командный состав штабов стрелковых дивизий и полков в МВО, ХВО, ПриВО, УрВО, КалВО, ОрВО и СКВО.

Всего призвать начсостава 39 000 человек.

Для проведения перечисленных мероприятий необходимо призвать всего 180 000 человек.

Г. Поставить в РККА 22 000 лошадей для стрелковых дивизий из расчета запряжки всех артиллерийских орудий этих дивизий.

Взять для РККА из народного хозяйства 3400 грузовых машин, исходя из 25% мобилизационной потребности:

для авиабаз — 1500 машин.

для танк[овых] частей — 1250 машин.

для стр[елковых] частей — 650 машин.

Д. С целью усиления штабов округов и армейских групп, немедленно командировать слушателей 3-го курса академии им. М. В. Фрунзе и 2-го курса академии Генерального штаба на практику в оперативные отделы штабов: ЛВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО, СКВО и армейские группы БОВО и КОВО»³⁸.

Вероятно, эта записка обсуждалась на состоявшемся в тот же день с 2.00 до 4.15 в кабинете Сталина совещании с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) Молотова, Кагановича, Ворошилова, секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Жданова, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Ежова и заместителя наркома иностранных дел Потёмкина³⁹. Как бы то ни было, 29 сентября эти предложения Ворошилова были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б), а 30 сентября оформлены постановлением СНК СССР № 1047-261сс⁴⁰.

Соответственно уже 29 сентября нарком обороны направил Военным советам КОВО, БОВО, ЛВО и КалВО директивы о приведении в боевую готовность дополнительно еще 17 стрелковых и 4 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 16 танковых и 2 мотострелково-пулеметных бригад и 34 авиационных баз. Для их пополнения проводилась моби-

лизация необходимого количества приписного состава на 20-тидневные сборы⁴¹. В тот же день Военные советы ХВО, ОрВО, СКВО, ПриВО и УрВО получили телеграммы с указанием в двухдневный срок призвать по 250—275 человек приписного командного и политического состава во все имеющиеся у них дивизии. Эти указания были затем распространены и на МВО.

Кроме войск западных приграничных военных округов, выдвинутых к государственной границе, мобилизационными мероприятиями были затронуты еще 30 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 3 танковые бригады и 34 авиационные базы. Всего в Красную армию в конце сентября—начале октября 1938 г. было призвано из запаса 328 762 человека (комначполитсостава — 34 607, младшего начальствующего и рядового состава — 294 155), 27 550 лошадей, 4208 автомашин и 551 трактор⁴². Особенно усиливался личным составом, транспортом и боевой авиацией КОВО, в котором на сборы приписного состава явилось к 2 октября 108 528 человек⁴³. Из имевшихся в Красной армии 18 664 танков и 2741 бронемшины, 3609 танков и 294 бронемшины находились в войсках БОВО, а 3644 танков и 249 бронемашин — в войсках КОВО⁴⁴.

Понятно, что советское командование внимательно следило за действиями польских военных. Так, 8 октября штаб КОВО доложил в Генштаб о разведывательных полетах польских ВВС вдоль границы, которая была нарушена в 12 часов в районе Шидловцы 3 польскими самолетами, залетевшими на 300 метров вглубь советской территории, где они были обстреляны и покинули советское воздушное пространство. Также сообщалось о ведущихся польскими войсками в районах Межиричи, Кунев окопных работах. 10 октября было доложено о ведущемся по всей приграничной полосе усиленном наблюдении за нашей территорией с участием офицеров, разведывательных полетах польской авиации с нарушением границы СССР, проводящихся тактических учениях и стрельбах. Однако уже 12 октября штаб КОВО докладывал о том, что за последние два дня активность поляков в приграничной полосе заметно снизилась, и почти полностью прекратились рекогносцировки местности офицерским составом⁴⁵.

В связи с подписанием Мюнхенского соглашения между Великобританией, Францией, Германией и Италией и нормализацией ситуации в Восточной Европе, нарком обороны 16 октября направил в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку № 722/сс: «Прошу разрешения распустить призванный из запаса на войсковые сборы рядовой и начальствующий состав, лошадей и автотранспорт, в связи с чехословацкими событиями... Роспуск предназначается с 20 по 25 октября»⁴⁶. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило это предло-

жение маршала Ворошилова. Однако Сталин собственноручно внес в постановление фразу: «Учитывая, что роспуск такого большого количества людей (а также демобилизация лошадей и автомашин) — дело серьезное, предложить НКПС подготовиться к этому делу»⁴⁷. 17 октября это решение было оформлено постановлением СНК СССР № 1113-274сс⁴⁸, а нарком обороны направил Военным советам СКВО, КалВО, УрВО, ПриВО, БОВО, КОВО, ЛВО, ХВО, ОрВО, и МВО директивы №№ 75700-75709 соответственно об увольнении призванного приписного состава, лошадей и автотранспорта⁴⁹.

Таким образом, в условиях Чехословацкого кризиса советское правительство не только неоднократно четко заявляло о своей позиции, но и предприняло соответствующие военные меры по подготовке к оказанию помощи Чехословакии. Однако именно Франция и Чехословакия отказались от военных переговоров, а Великобритания и Франция блокировали советские предложения об обсуждении проблемы коллективной поддержки Чехословакии через Лигу Наций. Тем не менее, советское руководство считало себя обязанным подготовиться на случай возникновения войны в Европе, что, несмотря ни на какие сомнения, все же служит решающим свидетельством его готовности поддержать своих союзников в войне с Германией. Вместе с тем, в Кремле вовсе не собирались очертя голову бросаться в войну без учета общей политической ситуации. Одно дело участвовать в войне двух блоков европейских государств, а совершенно другое — воевать с Германией, пользующейся, как минимум, нейтралитетом Великобритании и Франции. Такой опыт у СССР уже имелся по событиям в Испании, и повторять его в общеевропейском масштабе в Москве явно не спешили.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 2000. С. 97, 100; *Наджафов Д. Г.* СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 77; *Наджафов Д. Г.* «Подлинное толкование Мюнхена». Новый архивный документ и его интерпретация // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М., 2003. С. 196—197; *Наджафов Д. Г.* Документ Национального архива США о факторе СССР в международном развитии в 1930-е годы // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность. М., 2009. С. 350—366.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 588. Л. 20—22; Д. 592. Л. 46—47; Оп. 162. Д. 23. Л. 4; Д. 24. Л. 5—6; Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 27—28, 29, 79—82, 98—100, 103—105, 150—152; Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 128—129, 149, 470—471, 501—509, 517—520, 520—522; Документы по истории мюнхенского сгово-

ра. 1937–1939. М., 1979. С. 74, 77, 88–89, 100–103, 181, 183, 185–190, 192–193, 205–208, 231–233, 240, 319–320; *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор. Пер. с англ. М., 1959. С. 175, 253; *Борисов Ю. В.* Против фальсификации военной истории чехословацкого кризиса 1938 года // Правда и ложь в истории дипломатии. М., 1964. С. 98–102; *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. М., 1987. С. 145–199; *Степанов А. С.* Перед Мюнхеном // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 7.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 544. Л. 64–66; Оп. 162. Д. 18. Л. 19–20; Военная энциклопедия. В 8 т. М., 1994–2004. Т. 1. С. 420; Т. 3. С. 196, 214; Т. 4. С. 33, 422–423; Т. 5. С. 273–274; Т. 6. С. 172, 600; Т. 7. С. 438, 467, 624; Т. 8. С. 195, 317; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1937 г. — 21 июня 1941 г. Сборник документов. Т. 13(2-1). М., 1994. С. 321.

⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33879. Оп. 1. Д. 895. Л. 90; 1941 год. Документы. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 532–548; История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 199; *Шумихин В. С.* Советская военная авиация 1917–1941. М., 1986. С. 184. Кроме того, в состав ОКДВА входила еще одна АОН, созданная на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1937 г. и приказа наркома обороны № 0010 от 22 февраля (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 201; Оп. 166. Д. 569. Л. 22–23).

⁵ Кроме того, в составе ВВС ВМФ имелось 1417 боевых самолетов. РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 79. Л. 15–16; Д. 92. Л. 45–45об.; Д. 93. Л. 75–110; Ф. 31811. Оп. 2. Д. 979. Л. 83.

⁶ 1941 год Документы. Кн. 2. С. 532–557; *Захаров В. М.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 255–266.

⁷ РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 120. Л. 13–48; Оп. 1. Д. 1758. Л. 72–80, 113, 120; Ф. 7. Оп. 15. Д. 38. Л. 2–49, 81–96.

⁸ Там же. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 92. Л. 265–267; Великая Отечественная. Т. 13(2-1). С. 326; Военно-воздушные силы России. Неизвестные документы (1931–1967 гг.). М., 2003. С. 50–51; Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 33–34. 21 мая 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило командующим 2-й АОН комбрига Ивана Проскурова, а командующим 3-й АОН комдива Тихона Буторина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 32; Оп. 166. Д. 589. Л. 125.).

⁹ Главный военный совет РККА. С. 24–27, 53–61, 97–106; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 12, 127–128; Оп. 166. Д. 591. Л. 10–11; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. р-8418. Оп. 22. Д. 6. Л. 1–2; Оп. 28. Д. 35. Л. 56–60, 69–73.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 131; ГАРФ. Ф. р-8418. Оп. 28. Д. 35. Л. 92.

¹¹ Главный военный совет РККА. С. 29; РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 19. Л. 198–201; Ф. 7. Оп. 15. Д. 160. Л. 109–117.

¹² Главный военный совет РККА. С. 107–108, 111–112.

¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 19. Л. 341–344.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 125–126; ГАРФ. Ф. р-8418. Оп. 28. Д. 35. Л. 76–78; Оп. 22. Д. 8. Л. 1–3.

¹⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 18. Л. 15.

¹⁶ *Zgorniak M.* Sytuacja militarna Europy w okresie kryzysu politycznego 1938 r. Warszawa, 1979. S. 112–116; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер.

с нем. В 3 т. Т. 1. М., 1956. С. 27, 75–76; *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Koblenz, 1987. Bd. 1. S. 15; *Jentz T. L.* Die deutsche Panzertruppe. Bd. 1: 1933–1942. Wölfersheim — Berstadt, 1998. S. 48; *Collier B.* The Defence of the United Kingdom. L., 1957. P. 66.

¹⁷ *Zgorniak M.* Op. cit. S. 164–165; История второй мировой войны. Т. 2. С. 108, карта 4; *Борисов Ю. В.* Указ. соч. С. 92–94; *Степанов А. С.* Указ. соч. С. 5, 7–8.

¹⁸ *Борисов Ю. В.* Указ. соч. С. 87–90; *Zgorniak M.* Wojskowe aspekty kryzysu czechoslowackiego 1938 roku. Krakow, 1966. S. 100, 106–107, 127, 129, 131; *Pfaff I.* Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei, 1934–1938: Versuch der Revision einer Legende. Köln, 1996. Karta 5; *Le Goyet P.* Munich, «un traquenard?». Paris, 1988. P. 398, 405.

¹⁹ *Zgorniak M.* Sytuacja militarna Europy w okresie kryzysu politycznego 1938 r. S. 284, 287–289. В польской литературе есть и другие данные: 51 танк, 29 танкеток и 99 самолетов (*Deszczynski M. P.* Ostatni egzamin. Wojsko Polskie wobec kryzysu czechoslowackiego 1938–1939. Warszawa, 2003. S. 179).

²⁰ *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. С. 419–424.

²¹ *Гришин Я. Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1938 гг. Казань, 1999. С. 118; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 265; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 6: 1933–1938 гг. М., 1969. С. 363–364.

²² *Грылев А. Н.* Накануне и в дни Мюнхена // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918–1939. М., 1968. С. 218–227; История второй мировой войны. Т. 2. С. 104–108; *Захаров М. В.* Указ. соч. С. 99–104; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 254–256.

²³ Военно-воздушные силы России. Неизвестные документы (1931–1967 гг.). С. 56.

²⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 480. Л. 2, 5–8; Д. 486. Карта учений.

²⁵ Подробнее см.: *Земцов В. С.* Хасан. 1938 год: последняя операция маршала В. К. Блюхера. М., 2018.

²⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2829. Л. 144, 147; Д. 2910. Л. 195–198.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 97–98.

²⁸ Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 19; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 241.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 11; ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 1. Л. 182–183.

³⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 480. Л. 327–329; Д. 486. Л. 64.

³¹ Новые документы из истории Мюнхена. С. 139–140.

³² Там же. С. 145.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 112–113.

³⁴ Там же. Оп. 162. Д. 24. Л. 13; ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 1. Л. 184–185.

³⁵ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 314.

³⁶ Там же. С. 312–313.

- ³⁷ РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 271. Л. 75–111.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 115–117.
- ³⁹ Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 20; На приеме у Сталина. С. 241.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 14; ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 1. Л. 186–187.
- ⁴¹ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 314; РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 480. Л. 327–330.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 17; ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 1. Л. 188.
- ⁴³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2853. Л. 118.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 822. Л. 205–205об; Д. 862. Л. 12, 32.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 480. Л. 260, 266–267, 269, 275–276.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 139.
- ⁴⁷ Там же. Л. 138; Оп. 162. Д. 24. Л. 17.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 1. Л. 188.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 480. Л. 303.

СОТРУДНИЧЕСТВО СУДЕТСКИХ НЕМЦЕВ С ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ И СПЕЦСЛУЖБАМИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ МЮНХЕНСКОГО КРИЗИСА 1938 г.*

Николай Платошкин

Адольф Гитлер «воспитывал» в себе ненависть к славянам именно на примере чешского народа. В Австро-Венгерской империи, где прошли детство и юность будущего «фюрера», славяне составляли более 40 % населения и самым политически активным и антигермански настроенным славянским народом были именно чехи. Чехия была наиболее промышленно развитым регионом «лоскутной монархии» Габсбургов и никогда не забывала своего поражения в 1620 г. в битве при Белой горе, когда некогда могучее Чешское королевство утратило независимость. Чешская интеллигенция называла период австрийского (а точнее немецкого) владычества 1620—1918 гг. «эрой тьмы».

Сохранились свидетельства того, что Гитлер еще в школе возглавлял ватаги учеников-немцев, дравшихся с учениками-чехами. Причем потасовки эти происходили именно по политическим мотивам. Например, во время русско-японской войны 1904—1905 гг. немецкие школьники поддерживали Японию, а их одноклассники-чехи — Россию. Молодой Гитлер ненавидел монархию Габсбургов за ее излишнее «славянофильство». Он был сторонником т. н. «малогерманского решения» — развала Австро-Венгрии и присоединения всех ее областей с немецкоговоря-

* Статья приводится в авторской редакции, в связи с чем использование кавычек и названия ряда организаций, формирований, должностей государственных органов и др. могут отличаться от приведенных в др. статьях сборника.

щим населением (в том числе и Судетской области) к Германии. Именно поэтому Гитлер отказался служить в австро-венгерской армии (сославшись на слабое здоровье), но с энтузиазмом вступил добровольцем в кайзеровские вооруженные силы сразу же после начала Первой мировой войны.

Как только нацисты пришли к власти, при активной финансовой и идеологической помощи «рейха» в Чехословакии была образована германская «пятая колонна» в виде «Судето-немецкого фронта родины» (1 октября 1933 г.; *Sudetendeutsche Heimatfront*). Само название «фронт» было вызовом для правительства Чехословакии, и для того, чтобы избежать запрета. 19 апреля 1935 г. фронт был переименован в Судето-немецкую партию (*Sudetendeutsche Partei*; СНП). Формально партия под руководством бывшего офицера австро-венгерской армии и учителя физкультуры Конрада Генлейна¹ отмежеввалась от нацистской идеологии и подчеркивала свое «христианское и немецкое мировоззрение». Заметим, что правительство Чехословацкой республики (ЧСР) после 1933 г. было активным противником нацизма и сразу же после прихода Гитлера к власти в ЧСР была запрещена местная немецкая нацистская партия — Германская национал-социалистская рабочая партия (*Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei*). Генлейн не устал повторять, что его партия стоит «на почве чехословацкого государства» и демократии. Формально СНП ставила задачу объединить в преддверии парламентских выборов весь немецкоговорящий электорат ЧСР вокруг идеи культурной автономии.

В августе 1935 г. состоялась первая встреча Генлейна с Гитлером. Тогда еще нацисты исходили из возможности «мирного» разгрома ненавистной им «славяно-большевистской»² Чехословакии. Предполагалось, что СНП может победить на парламентских выборах (набрав относительное большинство голосов) и при поддержке венгерских и словацких сепаратистов легально расчленить Чехословакию. Генлейн даже обещал Гитлеру, что новый чехословацкий парламент изберет его последним президентом ЧСР вместо «прокремлевского» Эдварда Бенеша.

Свою тактику «волка в овечьей шкуре» Генлейн изложил в письме Гитлеру: «Судетские немцы сознают свою политическую роль в борьбе против... политики Чехословакии, которую определяют Запад и большевистский Восток, и хотят быть фактором национал-социалистской имперской политики... СНП вынуждена скрывать свою приверженность национал-социализму как мировоззрению и политическому принципу. Как партия в демократическо-парламентской системе Чехословакии она должна была вовне в своих устных и письменных заявлениях, на митингах и в печати, в парламенте, в своем собственном устройстве

и при организации всех судетских немцев использовать демократическую терминологию и демократическо-парламентские методы. Однако непосвященным кругам рейха она не должна из-за этого казаться спорной и ненадежной...»³.

На парламентских выборах в мае 1935 г. СНП стала сильнейшей немецкой партией, заняв в масштабах всей страны по количеству полученных мандатов второе место после чешской правой Аграрной партии. Сторонники Генлейна получили 1 249 530 голосов (первое место в ЧСР) и 44 депутатских кресла (из 300).

Таким образом, первая задача — объединение в рамках СНП почти всех проживавших в ЧСР немцев — была успешно решена.

Этот результат был бы невозможен без финансирования предвыборной кампании СНП из средств формально общественной германской организации — Союза немецких культурных связей с границей (*Verein für Deutsche Kulturbeziehungen im Ausland*, сокращенно — Народный союз)⁴. К 1935 г. Союз активно конкурировал с Заграничным отделом (*Auslandsabteilung*) НСДАП, которую на правах гаулейтера возглавлял Эрнст Вильгельм Боле. В конце концов, заместитель Гитлера по партии («наци номер два») Рудольф Гесс в 1935 г. принял следующее решение: «народный союз» должен был отвечать за проживавших за границей этнических немцев, а Заграничный отдел — за граждан «рейха», находящихся за пределами Германии. Таким образом, формально СНП попала «под крыло» Союза, так как проживавшие в ЧСР немцы были чехословацкими гражданами.

Однако и «народный союз», и Заграничный отдел НСДАП занимались одним и тем же — агитацией за возвращение всех зарубежных немцев «домой в рейх». Просто первая структура формально работала как общественная, не связанная с германским государством организация, хотя ее по-прежнему финансировал МИД Германии. В октябре 1935 г. Гесс учредил в целях координации работы обеих упомянутых выше инструментов нацистской «народнической» политики Центральный орган по координации народной политики (*Zentralstelle zur Korrdinierung der Volkstumspolitik*) под руководством Отто фон Курселя⁵.

В 1937 г. фон Курсель попал в немилость к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру и был вынужден выйти из рядов СС, едва избежав ареста. Гиммлер продавил на пост главы «центрального органа» своего ближайшего сотрудника Вернера Лоренца⁶. Сам Гиммлер с 1936 г. занимал пост статс-секретаря Имперского министерства внутренних дел и шефа германской полиции. В этом качестве ему подчинялось гестапо (государственная тайная полиция), а как рейхсфюреру СС — Служба безопасности (СД) во главе с Рейнгардом Гейдрихом. Аппаратный вес Гиммлера

в партии позволил ему еще в 1936 г. добиться от армейской разведки — абвера (ее с 1935 г. возглавлял адмирал Вильгельм Канарис) формализованной тесной координации ее работы с СД за рубежом.

После успеха СНП на парламентских выборах в мае 1935 г. Гитлер распорядился усилить финансирование генлейновцев, которое теперь уже шло не только по линии Народного союза, но и напрямую из средств МИД Германии, а также через нацистские профсоюзы (Германский трудовой фронт) и «суперминистерство» Геринга — Ведомство по осуществлению четырехлетнего плана⁷.

Тем не менее, СНП почти два года занималась внутрипартийной грызней — многие активисты партии оценивали Генлейна как слишком «умеренного» лидера. К тому же сам Гитлер до осени 1937 г. считал Германию еще слишком слабой в военном и экономическом отношении, для того, чтобы проводить в Европе открыто реваншистскую и экспансионистскую политику.

19 ноября 1937 г. Генлейн написал письмо Гитлеру с просьбой более активно поддерживать СНП с конечной целью «воссоединения» Судетской области с рейхом.

Курс Германии коренным образом изменился после успешного и внешнеполитически безболезненного для Гитлера «аншлюса» Австрии 13 марта 1938 г. Территория Чехословакии после этого оказалась практически в полуокружении рейха. К тому же античешски были издавна настроены Венгрия и Польша, претендовавшие на часть территории Чехословакии.

28 марта Гитлер принял Генлейна и дал ему указание постоянно выдвигать правительству ЧСР заведомо невыполнимые «автономистские» требования, чтобы дать Германии повод для вмешательства с целью «защиты прав угнетаемого чехами немецкого населения».

После «аншлюса» к СНП присоединились последние еще сохранявшие самостоятельность немецкие партии и организации. В марте 1938 г. в рядах СНП числилось 1 047 476 членов (на декабрь 1936 г. — 460 тысяч)⁸

24 апреля по согласованию с Берлином СНП выдвинула «карлсбадскую программу», больше походившую на ультиматум Праге. Генлейн требовал создания в областях ЧСР, населенных немцами, особых органов управления, что означало бы, по сути, конец единого чехословацкого государства. Естественно, что эта «программа» была отвергнута, после чего генлейновцы взяли курс на силовой захват власти в Судетской области при помощи рейха.

По образцу СА в мае в СНП были созданы вооруженные отряды «Добровольной немецкой службы охраны» (Freiwilliger deutscher

Schutzdienst; FS). Основу «охранников» составили спортивные немецкие союзы, которыми когда-то руководил Генлейн. Начальником штаба FS стал бывший скрипичных дел мастер Вилли Бранднер, поменявший, как и Генлейн, свое ремесло после службы в чехословацкой армии (1931—1933 гг.) на профессию учителя физкультуры. Нацисты из «рейха» финансировали отряды СНП через еще одну формально «общественную» организацию — Национал-социалистский имперский физкультурный союз (Nazionalsozialistischer Reichsbund für Leibesübungen). Юридически, согласно указанию Гитлера, союз считался «опекаемой НСДАП организацией».

Благодаря германской помощи уже на 17 мая 1938 г. в отрядах СНП было более 15 тысяч штурмовиков, а к осени численность выросла до 60—70 тысяч бойцов. На немецкие деньги издавался даже журнал охранной службы — «Команда в бою» (Mannschaft im Kampf). По образцу СА самая низовая структура службы (10—15 боевиков) именовалась «шар» (Schar — старогерманское слово, означавшее «кучку»). Первоначально у членов службы не было огнестрельного оружия — лишь кастеты, ножи и дубинки⁹.

Боевую подготовку боевики проходили на территории Германии, где обращению с огнестрельным оружием и взрывчаткой их учили в территориальных подразделениях СА инструкторы из абвера.

СД и абвер совместно определили основную функциональную структуру охранной службы:

отдел А (Aufsichtsabteilung — «отдел наблюдения») занимался шпионажем и следил за чистотой рядов самой СНП (контрразведка). Абвер получал через отдел А данные о чехословацкой армии и полиции;

отдел В, в который входила основная масса боевиков, должен был охранять партийные собрания и руководящих функционеров СНП. Отдел бы также занимался подготовкой терактов и актов саботажа против чехословацких властей;

в отделе С числились все, кто прошел службу в чехословацкой армии. Эти боевики должны были составить кадр военных инструкторов на случай массового вооруженного восстания в Судетской области.

Первоначально МВД Чехословакии разрешило деятельность невооруженной охранной службы СНП, чтобы не портить отношения с «рейхом». Но с сентября 1938 г. Гитлер начал сознательно обострять отношения с ЧСР, и 15 сентября «охранная служба» была запрещена тем же МВД. После этого часть боевиков охранной службы перешла на нелегальное положение, а наиболее боеспособные «кадры» были выведены на территорию Германии, где образовали «Судетонемецкий добровольческий корпус» (Sudetendeutsches Freikorps, SFK, СДК).

Боевики «службы» на территории ЧСР, начиная с 10 сентября 1938 г., осуществили несколько десятков терактов, в результате которых погибло 27 человек, в том числе 11 судетских немцев. Дело в том, что боевикам СНП довольно активно противостояли бойцы военизированной организации судето-немецких социал-демократов — «Республиканская защита» (Republikanische Wehr).

Объявив с 13 сентября в некоторых районах Судетской области осадное положение, чехословацкие правоохранительные органы довольно легко взяли ситуацию под контроль. Никакого массового восстания немцев против «чешского гнета» не случилось. Гитлер был возмущен слабостью СНП, так как массовое кровопролитие в Судетах должно было стать его козырной картой на переговорах с Англией и Францией относительно урегулирования спровоцированного самим же Берлином «судетского кризиса».

15 сентября бежавший в Германию Генлейн по радио выдвинул лозунг «Домой в рейх!», после чего СНП в Чехословакии была запрещена.

На следующий день заместитель Генлейна Карл-Герман Франк (которого Гитлер считал в отличие от Генлейна настоящим нацистом) попросил у «фюрера» разрешение на создание боевых частей СНП на территории «рейха». Уже утром 17 сентября Гитлер лично дал указание немедленно создать «Судето-немецкий добровольческий корпус» под номинальным командованием Генлейна (заместитель — Франк). Из Ставки Гитлера телеграфом ушло указание Верховному командованию вермахта (ОКВ) и Верховному командованию сухопутных сил (ОКХ) оказать корпусу все необходимое содействие. ОКВ назначило своим офицером связи при СДК подполковника Фридриха Кехлинга¹⁰. При этом Гитлер лично принял Кехлинга, предоставив ему от своего имени самые широкие полномочия при ускоренной подготовке боевиков СДК. Следует подчеркнуть, что Гитлер отверг идею ОКВ о подчинении СДК вермахту, передав реальные командные функции СС.

17 сентября Генлейн в качестве командующего СДК¹¹ призвал по радио судетских немцев взяться за оружие и силой свергнуть «чешский гнет».

Штаб СДК под руководством Кехлинга начал работу уже вечером 17 сентября в замке Дондорф недалеко от Байройта в Баварии¹².

Германские СМИ сообщали, что штаб СДК якобы работает в самой Судетской области в районе города Аш. Помимо Кехлинга в штабе СДК были офицеры связи СС и СА, а лично с Генлейном поддерживал постоянную связь Канарис¹³.

18 сентября Гитлер по телеграфу дал указание ОКХ, в котором задача СДК формулировалась как «защита судетских немцев и продол-

жение беспорядков и столкновений» (на территории ЧСР)¹⁴. Фюрер распорядился также, чтобы подразделения СДК формировались по земляческому принципу и действовали там, где первоначально проживали те или иные боевики. Оснащать СДК Гитлер приказал исключительно австрийским оружием. За образец организационной структуры Кехлинг взял СА. Служба граждан Германии в СДК была Гитлером строгойше запрещена — ведь они могли попасть в плен на чехословацкой территории. Тем самым были бы разоблачены утверждения нацистской пропаганды о «чисто судетском» характере «народных волнений» сентября 1938 г. Но на территории Германии в качестве инструкторов в СДК активно работали члены СА и офицеры абвера. В СДК принимали немцев-граждан ЧСР до 50-летнего возраста.

Боевики СДК приносили присягу на верность Гитлеру, совершая тем самым акт государственной измены по отношению к Чехословакии. Форма СДК состояла из черной бескозырки с белой свастикой на черно-красно-черной кокарде, серой формы (покрой СА) с черно-красно-черными шевронами, черных галифе и сапог армейского образца. На левой руке полагалось носить повязку со свастикой, но только не в бою.

Первоначально вермахт передал СДК из арсеналов австрийской армии 7780 карабинов, 62 пулемета и 1050 ручных гранат. Этого хватило примерно на половину боевиков, остальные так и остались невооруженными. Финансирование СДК осуществляли вермахт и НСДАП.

С 18 сентября на всем протяжении чехословацко-германской границы (включая бывшую чехословацко-австрийскую границу) стали формироваться четыре ударных группы вторжения СДК¹⁵. В каждую группу должно было входить пять полноценных пехотных батальонов, каждый из которых состоял из четырех рот (в роте от 150 до 300 человек). По данным Генлейна на 18 сентября в СДК записалось уже 15 тысяч добровольцев¹⁶, и общую численность решили ограничить 40 тысячами человек. 22 сентября, когда правительство ЧСР объявило всеобщую мобилизацию, и казалось, что война между «рейхом» и Чехословакией неизбежна, Гитлер отдал указание увеличить штатную численность СДК до 80 тысяч человек. На тот момент в рядах корпуса числилось всего 26 тысяч боевиков, но через границу в «рейх» массово переходили судетские немцы призывного возраста, уклонявшиеся от чехословацкой мобилизации. Так что поставленная Гитлером задача была расценена командованием СДК как вполне реальная. Тем не менее, на 1 октября (когда пик Судетского кризиса уже прошел) в корпусе было всего 34 тысячи бойцов¹⁷.

19 сентября было создано даже авиационное подразделение СДК (28 летчиков и 42 бойца наземных служб).

Была у СДК и собственная разведка (Nachrichtendienst) со штаб-квартирой в баварском городе Зельб (недалеко от чешской границы), которой командовал Рихард Ламмель¹⁸. Помимо сбора информации о чехословацких вооруженных силах, люди Ламмеля должны были осуществлять теракты и акты саботажа на территории ЧСР. Кроме того, предполагалось распускать лживые слухи о «чешских репрессиях» против судетских немцев со ссылкой на сообщения «беженцев» из ЧСР. Подразделения разведки специальным приказом Генлейна были созданы во всех четырех группах вторжения СДК.

«Добровольческий корпус» начал свою деятельность, что называется, с колес уже 19 сентября 1938 г. В этот день мелкие группы СДК просочились на чехословацкую территорию в районе города Аш и совершили налет на чехословацкий таможенный пункт. В этот же день все 4 группы вторжения СДК доложили о боевой готовности, и подрывная деятельность стартовала вдоль всей германо-чехословацкой границы. В ЧСР тайно переходили мелкие подразделения 10–20 человек, что было вызвано прежде всего недостатком вооружения. Но отмечались «акции» и целых батальонов (по 300 «добровольцев»), хотя это было скорее исключение из правила. Совершались нападения и поджоги чехословацких учреждений (полицейских участков, пожарных команд, таможенных постов), а также обстрелы пограничных патрулей ЧСР. Чехословацкие правоохранительные органы в долгу не оставались, и дело доходило до ожесточенных боев с погибшими на обеих сторонах¹⁹. Надо отметить, что немцы-антифашисты (коммунисты и социал-демократы) активно помогали силам безопасности ЧСР, в том числе и с оружием в руках.

ОКВ такая активность судетских «добровольцев» пришлась не по вкусу. «Генлейновские дурачки», как «коллег» пренебрежительно именовали офицеры вермахта, не придерживались единого заранее согласованного плана, а иногда даже демаскировали части германской армии, скрытно выдвигавшиеся к границам ЧСР в рамках уже утвержденного Гитлером плана нападения на Чехословакию («план Грюн»). Верховное командование сухопутных войск пожаловалось Гитлеру, и тот приказал сократить с 20 сентября «боевую работу» СДК. Отныне лишь мелкие группы по 10–12 боевиков должны были действовать против точно определенных командованием вермахта целей.

Однако с помощью СДК «рейху» удалось достичь своей главной внешнеполитической цели. На Западе создалось впечатление, что в Судетах идет целая война чехословацкой армии против «мирного» немецкого населения. Таким образом, вроде бы подтверждался главный тезис нацистов, что все судетские немцы не хотят больше жить в чехословацком государстве. В конечном итоге правительство ЧСР приняло 21 сентября т. н.

«лондонские рекомендации» Англии и Франции, предусматривавшие фактический переход Судетской области к Германии. Причем без проведения предварительного референдума среди самих судетских немцев.

Обескураженные и деморализованные предательством собственного правительства органы полиции, сил безопасности и армейские части ЧСР стали уходить из тех районов, которые планировалось передать Германии. В этих условиях боевые группы СДК фактически установили свою власть в ряде населенных пунктов. В некоторых городах — Аше, Хебе (Эгере) — боевики СДК даже разоружили чехословацкую полицию, которая никакого сопротивления не оказала. Причем обезоруженных полицейских, а также несколько сотен немецких антифашистов насильственно перевезли в «рейх».

Обнаглевшие боевики СДК никакого внимания на «дипломатическое урегулирование» «судетского кризиса» уже не обращали. 22 и 23 сентября 1938 г. они, например, похитили 18 млн чехословацких крон из отделения Госбанка ЧСР в Варнсдорфе, а в районе Эйзенштейна угнали в Германию целый эшелон.

Но СДК явно рано праздновал победу. Массовые демонстрации в Чехии против принятия «лондонских рекомендаций» привели 22 сентября к отставке капитулянтского правительства ЧСР и образованию нового кабинета генерала Яна Сыровы. Новый премьер объявил 23 сентября всеобщую мобилизацию, которая прошла при полном воодушевлении народных масс. До 28 сентября на призывные пункты добровольно явилось более 1 250 000 резервистов. СССР публично объявил, что готов полностью выполнить свои обязательства по Договору о взаимной помощи с ЧСР. В советских западных округах прошла частичная мобилизация, а несколько сот самолетов РККА были готовы перебазироваться на чехословацкие аэродромы.

Начиная с 24 сентября, по приказу Генлейна, боевые группы СДК под натиском вошедших в Судеты чехословацких армейских частей стали спешно спасаться бегством в «рейх». Туда же перебазировались и активисты СНП, многие из которых пополнили ряды «добровольческого корпуса». Отныне боевики переходили границу с ЧСР тайно, в бои не ввязывались и всего лишь собирали информацию для вермахта. Правда, отдельные теракты имели место вплоть до 1 октября 1938 г.

25 сентября части чехословацкой армии в преддверие казавшейся тогда неминуемой войны с Германией по соображениям стратегического порядка ушли из вдававшегося в Германию чехословацкого выступа в районе Яворника (Яуэрнига). Туда немедленно вторглись из Германии боевики СДК. При этом по приказу Гимmlера им на помощь пришли тогда еще очень немногочисленные войска СС (SS Totenkopfverbände).

Эсэсовцы смогли отразить довольно вялую попытку чехословацкой армии вернуться в Яворник.

Командованию вермахта, которое яростно противилось созданию любых параллельных воинских формирований (в т. ч. под эгидой СС), такая самодеятельность Гиммлера пришлась не по вкусу. Гитлер решительно встал в этом споре на сторону военных — он не хотел преждевременной войны, особенно на два фронта. Ведь пока было неясно, придет ли Франция на помощь ЧСР в случае германского нападения. Поэтому с 24 сентября СДК приказали строго координировать все свои «акции» с местными командирами частей, а каждый переход через границу предварительно согласовывать с германскими пограничниками.

30 сентября ОКВ издало приказ, согласно которому все подразделения СДК переходили в оперативное подчинение вермахта сразу же после перехода германской армией чехословацкой границы. Но этот приказ возмутил Гиммлера, который в этот же день добился аудиенции у «фюрера». После этого Гитлер передал СДК в подчинение рейхсфюреру СС. Предполагалось, что войны с Чехословакией уже не будет, и СДК на первых порах примет на себя в «освобожденных» Судетах полицейские функции. А Гиммлер, напомним, был «шефом германской полиции», на что он и упирал во время беседы с Гитлером.

1 октября 1938 г. вступило в силу Мюнхенское соглашение. Преданное Англией и Францией правительство ЧСР не рискнуло принять советскую помощь и согласилось на передачу Судет Германии без всякого учета волеизъявления местного населения.

Ввиду «дипломатического урегулирования» германо-чехословацкого конфликта, в СДК отпала всяческая необходимость. Кехлинг в итоговом рапорте сообщил командованию вермахта о 164 «успешных» и 75 «неудавшихся» операциях «добровольческого корпуса». Боевики убили 110 человек (чехов и немцев-антифашистов), ранили еще 50, а 2029 человек похитили и переправили в Германию²⁰. Среди похищенных были десятки чехословацких полицейских, таможенников и других госслужащих. У чехословацких сил безопасности была захвачена 341 винтовка, 61 пистолет и 23 пулемета. Но и сам СДК понес существенные потери: 52 убитых, 65 раненых и 19 пропавших без вести.

С 1 по 10 октября вермахт без боя занял Судеты. Вслед за германскими воинскими частями в города и деревни входили боевики СДК, которые, впрочем, не имели каких-либо ясно очерченных полномочий. Правда, начальник штаба СДК Пфрогнер 2 октября провел экстренную встречу с заместителем Гиммлера генералом полиции Куртом Далюге. Последний как обегруппенфюреру СС и статс-секретарю МВД подчинялась полиция общественного порядка в «рейхе», и Пфрогнер все еще

наделся выпросить для «проверенных в деле бойцов СДК» полицейские функции в Судетах.

Но боевики, как хрестоматийный мавр, были уже не нужны. Тогда они начали чинить расправу и грабежи на свой страх и риск, называя все эти бесчинства «конфискацией имущества врагов рейха». Генлейну пришлось уже 1 октября издать приказ о прекращении всех этих самовольных «акций». Однако «добровольцы» хотели хотя бы как-то компенсировать себе «тяготы» недолгой службы, и приказ пришлось повторить уже 4 октября. Причем со ссылкой на негативные отклики в западной прессе. Доходило даже до того, что части вермахта были вынуждены пресекать антисемитские погромы и издевательства над мирным населением со стороны генлейновцев.

Вместо «любителей» из СДК в дело вступили уже профессионалы из полиции безопасности рейха, которые по заранее составленным, в том числе и с помощью СНП спискам, быстро арестовали в Судетах более двух тысяч антифашистов (чехов и немцев, в основном социал-демократов и коммунистов), которых отправили в концлагерь Дахау. В сильно урезанную Мюнхенским сговором Чехословакию, спасаясь от террора, к декабрю 1938 г. бежало почти 152 тысячи чехов, немцев и евреев²¹.

Вермахт уже в начале 1938 г. снял СДК с довольствия, а малочисленные войска СС просто не имели достаточно средств, чтобы кормить «добровольцев». Поэтому «добровольческий корпус» охватило ползучее дезертирство — боевики просто возвращались домой к своим привычным гражданским занятиям. 9 октября Генлейн это дезертирство фактически узаконил, издав приказ о роспуске корпуса. Позднее все добровольцы получили «памятную медаль 1 октября».

В этот момент счета предъявили местные торговцы, снабжавшие части СДК в кредит. Но было неясно, кто будет погашать долги. Ни одно германское ведомство на это не пошло, и коммерсантам так и пришлось смириться с убытками. Те «добровольцы», кто получил в боях ранения, имели право на те же выплаты, что и военнослужащие вермахта. Это касалось и вдов убитых в «акциях» боевиков СДК.

Гиммлер отдал приказ подобрать из числа бойцов СДК наиболее «годных» для войск СС, включая охрану концлагерей. «Зарилось» на такие ценные кадры и командование СА. Командный состав СДК (Генлейн, Франк, Пфрогер и др.) на «выборах» 4 декабря 1938 г. обеспечили мандатами депутатов Рейхстага.

Таким образом, все структуры судетских немцев во время кризиса осени 1938 г. не только имели тесные связи с нацистскими специальными службами и вермахтом, но фактически и существовали только на правах вспомогательных сил репрессивного аппарата гитлеровской Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конрад Генлейн (1898—1945) родился в семье мелкого служащего. Его мать Хедвига (урожденная Дворжакова) была чешкой. Во время Первой мировой войны попал в плен на Итальянском фронте и домой вернулся лишь в августе 1919 г. До 1923 г. работал банковским служащим, затем учителем физкультуры в немецких националистических спортивных союзах.

² Помимо своей «исторической» ненависти к чехам, Гитлер был возмущен заключением 16 мая 1935 г. явно направленного против Германии советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. К тому же ЧСР охотно предоставляла политическое убежище немцам-антифашистам, в том числе коммунистам и социал-демократам.

³ *Hruška E. Sudetoněmecké kapitoly. Praha, 2008. S. 110.*

⁴ Первоначально возник как Всегерманский школьный союз в 1881 г. Несмотря на мирное название, видел своей целью защиту прав немцев за пределами рейха, прежде всего в Австро-Венгрии. В 1885 г. насчитывал более 12 тыс. членов. В 1908 г. союз был переименован в «Союз немцев за границей» и после Перовой мировой войны активно выступал за ревизию Версальского и Сен-Жерменского договоров, за объединение всех немцев в границах «рейха». В 1923 г. союз насчитывал в своих рядах 360 тыс. членов (1000 местных организаций). Еще во времена Веймарской республики союз финансировался из бюджета МИД Германии. К моменту прихода нацистов к власти в рядах откровенно реваншистского союза числилось уже более 2,5 млн членов. Для маскировки своих экспансионистских замыслов нацисты несколько «умерили» название организации — Народный союз немцев за границей (*Volksbund für das Deutschtum im Ausland*).

⁵ Отто Курсель (1884—1967) родился в Санкт-Петербурге. Происходил из балтийских немцев и приобрел некоторую известность как художник-портретист. Учился в Риге. В 1916—1917 гг. годах воевал в составе русской армии против немцев в Прибалтике. В 1919 г. уехал в Мюнхен, который тогда считался чем-то вроде «прибежища» для изгнанных русской революцией балтийских немцев. Там в 1922 г. вступил в НСДАП. Был известен своим антикоммунистическими и антисемитскими взглядами. Участвовал в «пивном путче» в ноябре 1923 г. и с тех пор пользовался личным уважением Гитлера. С 30 января 1936 г. был штурмбанфюрером СС.

⁶ Вернер Лоренц (1891—1974) был сыном помещика из Померании. С 1914 г. офицер кайзеровской армии. Отличался храбростью, перешел из кавалерии в пилоты. В 1919 г. боролся против польских войск на немецкой восточной границе. В 1929 г. вступил в НСДАП, депутат Рейхстага от нацистской партии с 1933 г. С 9 ноября 1933 г. (годовщина «пивного путча») — группенфюрер (генерал) СС. Отвечал за «укрепление немецкого народа за границей».

⁷ Согласно этому плану Германия к 1940 г. экономически должна была быть полностью готова к мировой войне.

⁸ *Osterloh J. Sudetendeutsche Heimatfront. In: Benz W. (Hrsg.): Handbuch des Antisemitismus. Bd. 5. Organisationen, Institutionen, Bewegungen. Berlin, 2012. S. 592.*

⁹ *Luth A. Der Deutsche Turnverband in der Ersten Tschechoslowakischen Republik. Vom völkischen Vereinsbetrieb zur volkspolitischen Bewegung. München, 2006. S. 417*

¹⁰ Фридрих Кехлинг (1893—1970) участвовал в качестве офицера кайзеровской армии в Первой мировой войне, а к сентябрю 1938 г. командовал батальоном. 1 сентября

его перевели в ОКВ, где он занимал должность представителя армейского командования при руководстве гитлерюгенд.

¹¹ В немецких документах того времени СДК именуют также «Судето-немецким легионом» или «Добровольческим корпусом Генлейна».

¹² Немецкие националисты по сей день считают судетских немцев «баварским племенем».

¹³ *Hruška E.* Sudetendeutsche Kapitel — Studie zu Ursprung und Entwicklung der sudetendeutschen Anschlussbewegung. Deutsch-Tschechische Nachrichten-Dossier Nr. 2. München, 2003. S. 69.

¹⁴ Fernschreiben Adolf Hitlers vom 18. September 1938. In: IMG. XXV. PS-388. S. 475. Zitiert nach: *Broszat M.* Das Sudetendeutsche Freikorps. In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 9. Jahrgang. Heft 1. 1961. S. 37.

¹⁵ Всего планировалось сформировать шесть ударных групп.

¹⁶ По другим данным — примерно 10 тысяч.

¹⁷ По другим данным — более 40 тысяч.

¹⁸ Рихард Ламмель (1899 — 1951) был уроженцем Судет. В Первую мировую войну воевал в австро-венгерской армии. Завершив высшее образование, после войны работал химиком на разных предприятиях. С 1933 г. глава организационного отдела СНП, с 1936 г. начальник штаба партии и помощник Генлейна по организационным вопросам.

¹⁹ *Röhr W.* Der «Fall Grün» und das Sudetendeutsche Freikorps. 2007, S. 252.

²⁰ Ebenda. S. 256.

²¹ *Radvanovský Z.* (et al.). Der Reichsgau Sudetenland. In: *Beneš Z., Kural V.* (Hrsg.): Geschichte verstehen — Die Entwicklung der deutsch — tschechischen Beziehungen in den böhmischen Ländern 1848—1948. Prag, 2002. S. 140.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ МЮНХЕНСКОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Дмитрий Суржик

Придя к власти, нацисты унаследовали старый, кайзеровско-веймарский государственный аппарат. Настроенный работать по инерции, косный, он с высокомерным презрением относился к «выскачкам» — вчерашним хулиганам на политических митингах, которым удалось пробраться на вершину политического Олимпа республики с помощью ловкого популизма и интриг. Во властных кулуарах господствовало мнение, что, если уж никак невозможно проигнорировать высокие результаты выборов и избежать канцлерства Адольфа Гитлера, то можно, по крайней мере, его приручить, оторвав от подельников по НСДАП и растворив в своей среде. И «Ночь длинных ножей», в ходе которой был покончено с претензиями дебоширов из Штурмовых отрядов (СА) на руководство вооруженными силами, казалось бы, давала повод для таких надежд.

Однако вскоре им предстояло рассеяться: устраивая одну провокацию за другой, нацистам удалось быстро взять власть в свои руки. После поджога здания Рейхстага они добились чрезвычайных полномочий (закон «О ликвидации бедственного положения народа и государства» от 24 марта 1933 г., легализовавший нарушения Конституции и поставивший внешнюю политику правительства вне парламентской дискуссии), объявили коммунистов, а затем и прочие партии нелегальными (Закон против образования новых партий от 14 июля 1933 г.). Затем последовали ликвидация федеративного и внедрение унитарного государственного устройства (закон «О реорганизации государства» 30 января 1934 г.).

После смерти рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга, на референдуме 19 августа 1934 г. Гитлер добился объединения постов главы правительства (рейхсканцлера) и главы государства, а партийная должность фюрера стала государственной — нацисты установили свой диктат в политической жизни Германии. После смещения высокопоставленных генералов в феврале («дело Бломберга-Фрича») Гитлеру удалось окончательно взять под свой контроль вермахт для того, чтобы вскоре развязать захватническую войну-реванш.

Эту свою цель Гитлер никогда не скрывал и постепенно двигался к ней. 14 октября 1933 г. он вышел из Женевской конференции по разоружению, а еще через пять дней — из Лиги Наций. Фюрер прокладывал тонкий курс между Сциллой и Харибдой, умело играя на антикоммунистических фобиях и общем подъеме праворадикальных идей в межвоенной Европе¹. Нацистам без последствий удалось остановить экспорт капитала из страны. Переключение немецкой экономики на военное производство произошло в 1935—1936 гг. и было связано с принятием широко разрекламированного с первых дней гитлеровской диктатуры, но утвержденного лишь на VIII съезде НСДАП («Съезде чести» 8—14 сентября 1936 г.) четырехлетним планом развития экономики.

В соответствии с ним произошел скачок в увеличении финансирования мероприятий на нужды армии: с 4 % национального дохода (или 1,9 млрд рейхсмарок; что было вдвое ниже других развитых европейских держав) в 1933/34 финансовом году до 22 % в 1938/39 финансовом году. Всего же за шесть предвоенных лет, согласно официальному заявлению Гитлера, сделанному в сентябре 1939 г., Германия потратила на вооружения 90 млрд рейхсмарок. Хотя историки и считают эту цифру несколько завышенной, они аргументированно утверждают, что военное производство за этот период увеличилось почти десятикратно².

Откуда же взялись средства на столь масштабные военные расходы? Как утверждал имперский министр экономики, также занимавший пост председателя Имперского банка Германии Ялмар Шахт, отрицая свою причастность, перевооружение производилось целиком из бюджетных средств. Руководимый им Имперский банк ежегодно выделял на военные нужды от 4 до 9 млрд рейхсмарок в период с 1933 по 1939 гг.³ Этих средств, очевидно, было мало, и нацистские бонзы снова, как и в «годы борьбы» за власть, попросили раскошелиться... воротил капитала. Но только в этот раз многомиллионные ассигнования должны были направиться не в партийную кассу, «Фонд Адольфа Гитлера» и различные «кружки» герингов-гиммлеров, а в государственную казну⁴.

Помимо крупнейших магнатов, на перевооружение работали и рядовые труженики, хотя последние вряд ли понимали, но не могли не чув-

ствовать этого⁵. За предшествовавшие четыре года мирового экономического кризиса немцы отвыкли доверять власти, по воле которой они познакомились с термином «гиперинфляция». Поэтому нацистскому кабинету пришлось прибегнуть к нескольким ухищрениям. С 1935 г. немецкие сберегательные кассы были обязаны покупать государственные долгосрочные обязательства.

На военные приготовления работало и «ариизированное» (т. е. фактически конфискованное) имущество еврейских собственников, и присвоенные нацистским Германским трудовым фронтом средства профсоюзов, и бесплатная рабочая сила в лице немецкой молодежи, отправленной в трудовые лагеря, введенные указом от 26 июня 1935 г. (Лишь одна эта мера позволила получить более 2,5 млн юношей и около 300 тыс. девушек для практически бесплатной работы на строительстве автобанов и военных укреплений, снижая тем самым затраты государства). Еще более 300 тыс. безработных на правах «сельскохозяйственных помощников» (читай: батраков) были предоставлены в распоряжение юнкеров, которые смогли добиться от правительства запрета на переход «сельхозпомощников» в другие отрасли. В последующем такие же законы будут приняты в отношении машиностроения, металлургии и строительной отрасли. Нацистское крепостное право было окончательно сформировано «Постановлением об обеспечении потребностей в рабочей силе при выполнении задач государственно-политического значения», подписанном Германом Герингом 22 июня 1938 г. Оно позволяло без лишних церемоний перебрасывать рабочих из одного региона страны в другой. Запуганные безработицей и оболваненные демагогией об экономическом росте, немецкие рабочие превращались в бессловесных рабов. Существовали и другие административные меры по борьбе с безработицей, а точнее — по бесплатной эксплуатации за миску бурды. И не только в концлагерях...

Однако самая известная нацистская финансовая афера — это «МЕФО»-облигации. В 1934 г. крупнейшие немецкие сталелитейные гиганты учредили «Металлургическое исследовательское общество» (*Metallurgische Forschungsgesellschaft, m.b.H.*), или «МЕФО» (MEFO), на деле — банк для расчетов между собой посредством «МЕФО»-векселей. Если отбросить оправдания Шахта и сложную цифирь, этот инструмент был, фактически, параллельной рейхсмарке денежной единицей. Она использовалась только для расчетов между крупными хозяйствующими субъектами и при этом не раскручивала инфляцию, ибо не попадала в чужие руки. Уверовавшее в неиспользуемые финансовые резервы монополий (а это было несложно, учитывая ежегодные миллионные отчисления тиссенов, круппов и К° в НСДАП), государство выпуска-

ло эти облигации и принимало их для оплаты по произвольно устанавливаемому курсу. Прибыль казны, помимо этого, строилась также на том, что ровно половина из «МЕФО»-ваучеров, выпущенных на 12 млрд рейхсмарок, были поглощены рынком, а значит не потребовали возмещения денежными средствами. Остальные же, если бы и были предъявлены, имели 5-летний срок оплаты. То есть, как и нацистский четырех-летний план, финансовая пирамида «МЕФО»-векселей была привязана к началу грабительской войны в 1939 г. А там, глядишь, военное время: рабочим «надо потуже затянуть пояса» и «быть преданными фюреру и нации», пока капиталисты будут наживаться на военных заказах, дармовой рабсиле из покоренных народов и бесплатном сырье из побежденных стран. В общем, «война все спишет», главное, чтобы не было безработицы...

Много позже, уже после Нюрнбергского процесса, пользуясь иезуитской логикой «цель оправдывает средства», своим определением Сенат в 1952 г. фактически оправдал Шахта с формулировкой: «Директорат Имперского банка действовал в рамках разумных монетарных целей, он принимал во внимание то, что увеличение объема денежной массы приведет также к росту производства. В связи с государственными мерами по созданию рабочих мест система МЕФО-ваучеров была хорошо приспособлена для осуществления этой цели. Она образовывала реальную основу для преодоления экономической депрессии». О том, из каких средств планировалось погашать эти облигации (планировалось ли вообще?) и что «ликвидация безработицы» достигалась раскручиванием военных заказов, шулеры в мантиях и с перьевыми ручками предпочли умолчать. Они «мудро» рассудили, что финансы — не дело «столяров, торговых клерков, регистраторов и секретарей, которые обеспечивали судоустройство трибуналов по денацификации»⁶.

Таким образом, источниками финансирования военной программы Гитлера в 1933–1939 гг. были «налоговые ордера» — 3,1; краткосрочные займы — 6,9; «МЕФО»-векселя — 10,5 и долгосрочные займы — 16,7, а также налоги и пошлины — 81,8 млрд рейхсмарок. Помимо этого, проводилась эмиссия. С 1933 по 1939 гг. сумма находившихся в обращении банкнот увеличилась с 3617 до 10 995 млн рейхсмарок⁷, которые требовались также для обращения в расширившемся (за счет бывшей Австрии) рейхе.

Но весной 1939 г. у Гитлера появилась еще одна возможность пополнить свои валютные резервы: реализация международных активов Чехословакии, разделенной на протекторат Богемия и Моравия и Независимое государство Словакию. Последней, оставшейся с голым суверенитетом, пришлось в спешном порядке привязывать свои новонапечатан-

ные кроны к рейхсмарке. И здесь Гитлеру снова помогла... Британская империя.

В 1930 г. представителями европейских центробанков был учрежден Банк международных расчетов (БМР), главную скрипку в котором играл Банк Англии, ведь все золотые слитки банков-участников БМР физически находились в Лондоне, а бумаги, переписывавшие их с одного счета на другой, — в штаб-квартире БМР в швейцарском Базеле. 21 марта 1939 г., через неделю после окончательного ввода вермахта в Чехословакию и раздела страны, главный кассир БМР получил распоряжение от председателя совета правления БМР Отто Нимейера на перевод 5,6 млн золотых фунтов стерлингов (это более 2000 золотых слитков, которые сегодня оценили бы в 300 млн фунтов стерлингов) с замороженного счета № 2 на счет № 17, которые принадлежали, соответственно, Чехословацкому национальному банку и немецкому Имперскому банку. Запрос был немедленно удовлетворен. В дальнейшем средства были разделены: на счета госбанков Бельгии и Нидерландов ушли 4 млн золотых фунтов стерлингов, а оставшиеся 1,6 млн золотых фунтов стерлингов были проданы Банку Англии. Деньги от этой «долевой продажи» вернулись на счет Имперского банка⁸.

Когда все операции были исполнены, и адресаты получили свои деньги, началась драма самовыгораживания и поиска виновных. 22 марта французский представитель передал Комитету казначейства БМР просьбу выступить с совместным протестом против непонятных транзакций, проводящихся по запросу государства, прекратившего свое существование. Но его слова остались гласом вопиющего в пустыне. Ведь... они были направлены в адрес входящих в Комитета старых друзей: имперского министра экономики Германии Вальтера Функа, директора Имперского банка Эмиля Пуля, председателя Управляющего совета «И.Г. Фарбениндустри» Германа Шмитца и управляющего Банком Англии Монтегю Нормана⁹. (Последний, кстати, получит еще один, личный запрос в связи с этим делом. 26 мая 1939 г. советник президента БМР запросил Банк Англии, находится ли чешское золото на его счетах, чтобы операцию можно было «откатить». В ответ последовало молчание.) Лишь 12 июня, когда все сделки были проведены, на очередном заседании правления БМР, его президент сделал заявление, в котором разъяснил своим коллегам, что операции должны выполняться как по часам, а политический подтекст сделок между клиентами его не интересует. Он так и остался крайним, ибо британская корона до сих пор отрицает свою санкцию на эти сделки. Единственное, что сказал официальный Лондон: часть золота на сумму 420 тыс. фунтов стерлингов (из тех 1,6 млн) была продана и отправлена в США, а затем эти средства вы-

давались британским пилотам-бомбардировщикам и диверсантам-парашютистам, которые отправлялись для выполнения заданий в Германии в годы Второй мировой войны¹⁰. (Так ли было в действительности и сколько золотых фунтов стерлингов получил Третий рейх обратно от проваливавшихся агентов британского Управления спецопераций, еще предстоит выяснить.) Кстати, президентом БМР в описываемое время был нидерландский банкир Йохан Виллем Бейен — в последующем финансовый советник бежавшего в Лондон от гитлеровской оккупации датского правительства и один из создателей Бреттон-Вудской системы.

* * *

Для Гитлера было свойственно не только блефовать и ставить телегу впереди лошади, но и шокировать своей откровенностью. О создании современных (включавших три вида войск) вооруженных сил — вермахта — на основе всеобщей воинской обязанности было объявлено 16 марта 1935 г., т. е. ровно за год до того, как началась разработка четырехлетнего плана.

Но было бы ошибкой полагать, что все эти военные приготовления свершились в одночасье и застигли великие державы врасплох. В странах-гарантах Версальско-Вашингтонского миропорядка отлично знали о том, что происходит в немецкой политической и экономической жизни, в военной сфере. Во французском Генштабе были прекрасно осведомлены о росте численности вермахта¹¹. И в британском парламенте на сей счет велись оживленные дискуссии. Еще в 1933 г. главный финансист британского военного ведомства, а затем военный министр и 1-й лорд Адмиралтейства Альфред Дафф Купер однозначно заявил, что Германия «готовится к войне таких масштабов и с таким энтузиазмом, которых еще не знала история»¹².

Одним из тех, кто сообщал о создании люфтваффе в подробностях, был майор Королевских ВВС Фред Уинтерботэм — начальник авиационного отдела в разведке МИ-6. Он смог втереться в доверие к одному из высших нацистских бонз — Альфреду Розенбергу, который был не только одним из главных идеологов нацизма, но и руководителем Внешнеполитического бюро НСДАП — структуры, действовавшей параллельно консерваторам из официального Имперского министерства иностранных дел¹³. Не менее как за год до объявления о создании вермахта, об этом было известно, но Лондон (а вместе с ним и Париж) отправил лишь беззубый запрос о количестве самолетов в Германии. Оба гаранта мирной Германии были удовлетворены насквозь лживым ответом-отрицанием и ненадолго прервали дипломатические сношения лишь из-за оголтелого антисемитизма геббельсовских выступлений¹⁴.

О том, что такое нацизм, гарантов Версальского мира неоднократно предупреждали консерваторы из Имперского министерства иностранных дел. О том, какие неприятности они приносили нацистской дипломатии, красноречиво свидетельствуют записи из политического дневника, обличающие выступления в иностранной прессе Альбрехта фон Берншторфа, посла во Франции Рональда Кёстера, посла в Лондоне Леопольда фон Хёша, Хильгера фон Шерпенберга и др.¹⁵ В августе 1938 г. в Лондон даже прибыл бывший дипломат и один из лидеров консерваторов Эвальд фон Клейст-Шменцин. Представлявший группу заговорщиков (Бломберг, Бек, Вернер фон Фрич, Франц Гальдер, бывший министр и мэр Лейпцига Карл Фридрих Гёрделер, статс-секретарь МИД Эрнст фон Вайцзеккер и др.), он вел переговоры с одним из лидеров консерваторов британского парламента Уинстоном Черчиллем и вторым лицом в Форин офис Робертом Вансинартом. Резюмируя переговоры о поддержке эвентуального военного переворота, дипломат рекомендовал своему шефу, лорду Эдуарду Галифаксу «пренебречь многим из того, что он [Клейст] говорит».

В отличие от него, Черчилль был наиболее последовательно настроен против перевооружения Германии. Год спустя после создания вермахта, этот видный депутат парламента, пытаясь пробудить правительство от летаргии, заявлял: «На первом месте стоит проблема ускоренного и широкомасштабного перевооружения Германии, которое не прекращается ни днем, ни ночью и последовательно превращает почти семьдесят миллионов представителей самого производительного народа в Европе в одну гигантскую голодную военную машину. На втором — то, что недавние действия Германии полностью уничтожили уверенность в ее уважительном отношении к договорам...»¹⁶.

Но в Великобритании 1930-х гг. Черчилль был скорее острословом, «анфан террибль» и маргиналом, нежели создателем мейстрима. В британской политической и экономической элите были весьма сильны прогерманские настроения. Как ни парадоксально, но (помимо Британского союза фашистов и целого ряда имперско-националистических организаций)¹⁷ их центрами были организации ветеранов Первой мировой войны (Британский корпус), а также клубы по интересам высокопоставленных служащих, магнатов (например, газетный король Гарольд Сидней Хамсуорт лорд Ротермир и его американский визави Уильям Рэнфольд Хёрст) и родовой аристократии (как, например, отказавшийся от прав на престол после морганатического брака Эдуард VIII)¹⁸.

В немалой степени симпатиями к «твердому лидеру немцев» и опасениями «большевизации Европы» объясняется и попустительство Гитлеру со стороны кабинетов Стэнли Болдуина и Невилла Чемберлена.

На первом из них лежит прямая ответственность за вялую реакцию на создание нацистами вермахта. После британской санкции на строительство фюрером военно-морского флота (18 июня 1935) дипломатия Болдуина стала напоминать игру в поддавки. Весной 1936-го последовала ремилитаризация Рейнской зоны.

В марте 1938 г. под нацистским диктатом был растоптан суверенитет Австрии, присоединенной к Германии на правах одной из земель. Реагировал (и то в силу своих скромных возможностей) только СССР, который трубил на всех площадках о приближающейся войне и призывал к коллективному отпору агрессорам. Позднее, сравнивая предательство национальных интересов премьер-министрами Болдуином и Чемберленом, англичане осознали все последствия «политики умиротворения». Примечателен разговор между Энтони Иденом и Иваном Майским, состоявшийся 13 октября 1941 г.:

— Есть два человека, — заметил Майский, — которые несут особенно большую ответственность за все то, что сейчас происходит. Я уверен, что история их жестоко осудит... Болдуин и Чемберлен. Я думаю, что они даже более ответственны, чем Гитлер. Ибо они своей политикой вырастили Гитлера. <...>

— Возможно, что вы правы, — ответил ему Иден, — с одной поправкой: меньше Болдуин, больше Чемберлен. Я знал обоих хорошо. Разница между ними была такая: Болдуин понимал и признавал, что с Гитлером нельзя договориться, но был слишком апатичен и ленив для того, чтобы сделать отсюда надлежащие практические выводы. Чемберлен же, напротив, был твердо убежден, что с Гитлером можно договориться и что только я и мне подобные не умеют и не хотят этого сделать. Вот почему он решил взять внешнюю политику в свои собственные руки¹⁹.

Хозяина Даунинг-стрит, 10 к коллаборации с нацистами толкали и причины экономического плана. Находясь на должности канцлера казначейства, он регулярно саботировал попытки военного министра Даффа Купера расширить численность вооруженных сил в 1935—1937 гг. Согласно сведениям, которые приводят современные исследователи, некомплект британской регулярной армии в 1936—1938 гг. колебался в размере 11 858—24 834 человек, а территориальной армии в тот же период — от 40 751 до 48 235 человек. То есть не менее 5 % ежегодно²⁰. Вооруженные силы Великобритании в это время переживали глубокий кризис, который характеризовался противоположными тенденциями. С одной стороны, налицо были демократизация и привлечение более широких слоев к службе на рядовых и сержантских должностях. Армия оставалась неким «островком стабильности» в стране, переживающей тяжелые последствия Первой мировой войны и конверсии в митропо-

лии, развития национально-освободительных движений в колониях²¹. С другой же стороны, приток «новых людей» вел к замыканию офицерства в себе, росту его консерватизма. И здесь премьер-«оптимизатор» встал на сторону офицеров: лучше меньше да лучше. Чемберлен безжалостно игнорировал интересы и своей родины, и других стран, когда они вступали в противоречие с его намерением не «распылять» бюджетные средства или же «раз и навсегда» урегулировать отношения с Гитлером²².

В разговоре с советским послом в Лондоне Иваном Майским 16 августа 1941 г. бывший «железный премьер-министр» Дэвид Ллойд Джордж раскрыл интересную деталь о причинах провала англо-франко-советских военных переговоров 1939 г.: «В начале 1939 г. я [Ллойд Джордж] говорил Чемберлену: заключите союз с СССР, и вы можете быть покойны. Войны не будет, а если война и будет, то СССР нанесет страшный удар Германии. Так нет! Этот идиот, этот фабрикант железных кроватей [Чемберлен] ни за что не хотел согласиться. Он пожимал плечами и презрительно усмехался: “Русская армия? Она развалится при первом ударе Гитлера...”»²³. Замечу, что к моменту дискуссии между бывшим и последующим британскими премьер-министрами в СССР уже пошли на спад политические репрессии, и даже началась реабилитация. До тяжелых боев по взлому линии Маннергейма оставалось еще полгода. Откуда же такое пренебрежение и пораженчество? Были ли они вызваны объективными причинами?

Думается, нельзя списывать мюнхенское соглашение единственно на счет капитулянтства и антисоветизма Чемберлена и Даладье, как это делали в советское время. В целом, общества двух стран находились под тяжелым впечатлением от разрушений и потерь Первой мировой войны. «Так же как и французы, англичане были сильно ошеломлены ценой сухопутных сражений мировой войны. Три четверти миллиона англичан, или 9 % всего мужского населения в возрасте до 45 лет, погибли, и полтора миллиона были ранены или отравлены газами. Английские лидеры всячески стремились избежать повторения такого побоища на континенте»²⁴.

Вопрос о мотивах последовательной капитуляции Лондона и Парижа перед Берлином во второй половине 1930-х гг. далек от однозначного ответа. Но уже сегодня очевидно, что не может быть прочного союза между теми, кто хочет обуздать мировое зло и теми, кто ведет с ним закулисные сделки, подобные Мюнхенскому сговору.

Можно ли было избежать этой позорной капитуляции? Какими силами располагали все стороны Мюнхенского кризиса, чтобы предотвратить его иным, не таким позорным образом?

В отличие от Чемберлена, который по пути в Бергхоф был поражен вереницами, направлявшимися в сторону Чехословакии военной техники и грузовиков с немецкими солдатами, мы сегодня можем оперировать данными из самого «мозга агрессии». Как записал в своем дневнике начальник Верховного командования вермахта (ОКВ) Вильгельм Кейтель, «мы столкнулись с серьезными проблемами организационного характера: при формировании ударной группировки на фронте “Грюн” мы могли оперировать 40 дивизиями неполных составов (включая Остмарк) без проведения комплекса мобилизационных мероприятий, строго-настроженного запрещенных фюрером. Формирование ударной группировки и передислокация войск к чешской границе проходили в обстановке беспрецедентной секретности: после завершения маневров в Силезии, Саксонии и Баварии офицеры резерва были задержаны в расположении частей “до особого распоряжения”; доукомплектование дивизий происходило на территории учебных лагерей — здесь же создавались временные пункты по приему и распределению военнообязанных соответствующих призывных возрастов. Гарнизоны “Западного вала” заменялись добровольцами “Организации Тодта” и Имперской рабочей службы»²⁵.

То есть можно сказать, получалось, что в первом эшелоне предстояло действовать единственной горнострелковой бригаде вермахта, набранной из австрийцев, а потому хорошо знавшей местность. В чешском тылу ей должны были помогать боевики Судето-немецкой партии (СНП) Конрада Генлейна, уже прошедшие военную и диверсионную подготовку. Армия вторжения насчитывала бы немногим более 40 дивизий (каждой из которых было далеко до штатов образца 1941 г. — 17 тыс. человек), или около полумиллиона человек, собранных со всех военных округов Третьего рейха. Прикрытие же западной границы поручалось юнцам, проходившим допризывную трудовую повинность и батракам на «стройках Великой Германии».

В случае вооруженного конфликта они должны были противостоять обученным регулярным частям сухопутных войск Третьей республики, которые по оценкам современников насчитывали на территории метрополии около 450 тыс. человек (включая линию Мажино), не считая еще 50 тыс. человек при 4000 самолетах в военно-воздушных силах²⁶. Они могли обрушиться на оголенный немецкий тыл, пока весь вермахт был сосредоточен против Чехословакии, и принудить агрессора к миру.

Как отмечают современные исследователи, чехословацкая армия была готова сражаться, она была одной из самых подготовленных и хорошо вооруженных в Европе, располагавшей 350 танками и бронемашинами, 1450 боевых самолетов различных видов, значительным количеством орудий и ручного стрелкового оружия. Численность чехо-

словацких вооруженных сил (в различных источниках) оценивается от 180 тыс.²⁷ до 600 тыс.²⁸ человек. Чехословакия обладала первоклассными военными заводами и по праву называлась арсеналом Европы. В мае 1938 г., после объявления Прагой частичной мобилизации, население страны охватил небывалый патриотический подъем, войска отличал высокий боевой дух²⁹.

А что же Советский Союз? Несмотря на подорвавшие авторитет Кремля политические репрессии, военный потенциал Красной армии оценивался иностранными наблюдателями весьма высоко. Неоднократно об этом телеграфировал в Центр посол США в Москве: «Европейские военные наблюдатели неофициально признают, что [Красная] армия является первоклассной, с точки зрения рядового и командного состава. Советская промышленность, судя по тому, что я увидел, паразит Запад в случае войны... В Европе много желаемого принимается за действительное в отношении политической неустойчивости этого режима и его индустриального развала. Все это пустое... Этот режим надолго у власти».

Ему же вторил и американский военный атташе Филипп Феймонвил, докладывавший своему руководству: «Красную армию на апрель 1938 года можно рассматривать как мощную военную организацию, состоящую из великолепных солдат, великолепных младших командиров и по меньшей мере неплохого старшего состава. Армия вооружена хорошим стрелковым оружием, имеет на вооружении очень приличные самолеты и превосходные танки. Ее артиллерия вполне удовлетворительна и быстро совершенствуется. Армия опирается на огромную оборонную промышленность, которая в высшей степени централизована и способна подчинить все ресурсы страны осуществлению программ вооружений»³⁰.

Почему же нацистская Германия смогла перевооружиться и подготовиться вначале к «мирной оккупации» Австрии и Чехии, а затем и к большой войне? Безусловно, Гитлер очень ловко играл на противоречиях постверсальской Европы, на снобизме и нежелании «старой Европы» решать созданные ею же проблемы «новых стран», на опасении «красной угрозы», нежелании воевать и т. д. Но куда важнее тот кредит доверия, который он получил от немцев благодаря непродуманной, радикальной в своих требованиях («боши ответят за все!») политике держав-победительниц³¹.

Зверь нацизма был рожден из бездны незаслуженного унижения целой страны по национальному признаку на протяжении двух десятилетий. Поэтому, несмотря на неприязненные отношения, с гитлеровским «рывком к мировому господству» на разных этапах соглашались сотруд-

ничать различные политические силы и деятели Германии. Упомянутый выше Шахт так высказался по этому поводу в мемуарах: «Подорвав концепцию частной собственности, навязав военные контрибуции, непосильные для экономики, дискриминируя немецкую политэкономия различными средствами по всему миру, отрицая свободу немецких предпринимателей передвигаться и жить за рубежом, навязанный Германии мир — все это потрясло сами основы, на которых строилась традиционная экономическая доктрина»³².

Уверен, что аналогичную мотивацию можно встретить и у генералов «старой школы» (названных ранее Бломберга, Фрича, Бека и др.), услугами которых воспользовались, а потом — «в знак благодарности» — выбросили со службы с большим или меньшим скандалом. Однако, несмотря на все их усилия, вермахт в 1938 г. не был готов к затяжной (а тем более — на два фронта) войне. Существовал реальный шанс не допустить большого кровопролития осенью 1938 г. Но свершилось то, что свершилось. К счастью, победители во Второй мировой войне (прежде всего СССР) оказались мудрее Антанты и не стали предъявлять к разоренной войной Германии невыполнимых требований и активно включились в создание новых немецких государственности и общественных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., Всемирная история: В 6 тт. / Гл. ред.: А. О. Чубарьян. М., 2018. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций: Кн. 1. С. 399—471.

² Как ковался германский меч. Промышленный потенциал третьего рейха. М., 2006. С. 12, 13, 23, 25.

³ См.: *Шахт Я.* Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923—1948. М., 2011. С. 354. Подсчет наш.

⁴ См.: *Тиссен Ф.* Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939—1945. М., 2008. 288 с.; *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки третьего рейха. 1933—1941. М., 1984. С. 33—37 и др.

⁵ Перераспределение финансовых средств в нацистской экономике характеризовалось огромным «флюсом». Все годы гитлеровского режима характеризовались неуклонным ростом производства средств производства (в первую очередь — в ВПК, машиностроении и тяжелой металлургии) и сворачиванием производства средств потребления. Доля потребления населения в национальном доходе с 90,7 % в 1932 г. сократилась до 52,4 % в 1938 г. Жилищное строительство практически остановилось. См.: *Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма (1933—1939). М., 1964. С. 171.

⁶ Цит. по: *Шахт Я.* Указ. соч. С. 315, 314.

⁷ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 312..

⁸ Bank of England, 1939–1945. Vol. 1. N/d, 1956. P. 1292–1294. Bank of England Archive (M5/537). URL: <http://www.bankofengland.co.uk/archive/Documents/archivedocs/wwh/2/p3c9p1292-1301.pdf>; обращение 17.02.2017.

⁹ Bonkovich D. Money By Fiat: An Insight Into the World of Central Banking. N/d: Dean Bonkovich, 2014. P. 87.

¹⁰ Bank of England, 1939–1945. Vol. 1. N/d, 1956. P. 1294. Bank of England Archive (M5/537). URL: <http://www.bankofengland.co.uk/archive/Documents/archivedocs/wwh/2/p3c9p1292-1301.pdf>; обращение 17.02.2017.

¹¹ Castellan G. Le réarmement clandestin du Reich 1930–1935. Vu par le 2-me Bureau de l'état-Major Francais. P., 1954. P. 515.

¹² Cooper D. A. Old Men Forget: The Autobiography. L., 1954. P. 182.

¹³ См. весьма теплые и воодушевленные записи о встречах с Уинтерботэмом: Политический дневник Альфреда Розенберга. 1934–1944 гг. М., 2015. С. 28–29. Описание же этих встреч и игры МИ-6 с целью узнать о программе перевооружения приводит Уинтерботэм в своих мемуарах: *Winterbotham F. W. Secret and personal*. L., 1969. P. 24.

¹⁴ См.: Политический дневник... С. 33–36.

¹⁵ Там же. С. 31, 42, 44, 45.

¹⁶ Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 511–512.

¹⁷ См., напр., Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 тт. Т. IX. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М., 2014. С. 502–515; Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940 гг.). СПб., 2001.; Суржик Д. В. «Идемте вперед единой силой!». Британский тыл в годы Второй мировой войны. Ч. 1 // Пространство и время. 2014. № 4(18). С. 150–154.

¹⁸ Подробнее см.: Griffiths R. Fellow Travelers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933–1939. L.: Faber and Faber, 2011. 414 pp.

¹⁹ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 — 1943 год. М., 2009. С. 62.

²⁰ См.: Ражев А. В. Социально-экономические реформы в британской армии накануне Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 15.

²¹ См.: Churchill W. S. The World Crisis 1918–1925. London: Thorton Butterworth, 1923–27.

²² Challenge of the Third Reich: The Adam von Trott Memorial Lectures. Oxford, 1986. P. 149.

²³ Майский И. М. Указ. соч. С. 33.

²⁴ Цит. по: Борисов А. Ю. Мюнхенская трагедия Размышления о том, чему учит судьба Чехословакии // Международная жизнь. 2017. № 7. С. 124.

²⁵ Кейтель В. 12 ступенек на эшафот. Ростов-н/Д, 2000. С. 194.

²⁶ Малая советская энциклопедия. Т. 11. М., 1947. С. 346.

²⁷ Там же. С. 653.

²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 тт. Т. II. Происхождение и начало войны. М., 2011. С. 224.

²⁹ См., напр., PRO-FO, 371–21776.

³⁰ *Борисов А. Ю.* Указ. соч. С. 116, 135–136, 119–120.

³¹ Подробнее см.: *Суржик Д. В.* Слишком либеральная, чтобы выжить: К 80-летию падения Веймарской республики // *Пространство и время*. 2013. № 2 (12). С. 107–112.

³² *Шахт Я.* Указ. соч. С. 326–327.

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Алексей Плотников

Выбор всегда есть

«У вас был выбор между позором и войной. Вы выбрали позор — и получите войну,»¹ — известное высказывание Уинстона Черчилля, сделанное им в британском парламенте во время обсуждения отчета английской делегации, участвовавшей в Мюнхенской конференции. Оно точно определяет суть заключенного в столице Баварии в сентябре 1938 г. соглашения, отдававшего на растерзание Германии крупное европейское государство, члена Лиги Наций — Чехословакию. Соглашение, подписанное руководителями Германии, Великобритании, Франции и Италии, получило в исторической науке устойчивое название Мюнхенского сговора. Оно стало тем «спусковым крючком», после которого Вторая мировая война стала неизбежной.

И это не фигура речи. Мюнхенский сговор явился прямым результатом и закономерным итогом политики «умиротворения» агрессора, последовательно проводившейся «творцами Версаля» — Великобританией и Францией — в отношении Германии на протяжении 1930-х гг.

Отправной точкой этой политики стал Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г. Прочитав его, Верховный главнокомандующий союзными войсками во Франции в Первой мировой войне маршал Фердинанд Фош, подписавший в ноябре 1918 г. с немецким командованием Компьенское перемирие (фактически — Акт о капитуляции Германии), сказал: «Это не мир, а перемирие лет на двадцать»².

Хотя усилиями Франции и Великобритании потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия была поставлена в крайне унижительное политическое, военное и экономическое положение, их «политика сдерживания возрождения Прусского милитаризма» потерпела полный крах, и бывшие победители стали на путь откровенного потакания агрессии Берлина после прихода к власти национал-социалистов. На категорическом неприятии и отрицании Версальского договора, напомним, во многом, строилась политика и пропаганда Адольфа Гитлера и Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП)³.

Немецкий фактор и договоры о взаимопомощи

Можно выделить два периода в истории послевоенной Германии, которые четко определяют два противоположных вектора европейской политики (точнее, политики все тех же двух ключевых в межвоенный период государств Западной Европы — Великобритании и Франции): период Веймарской республики (1919—1933) и пришедшего ей на смену Третьего рейха (1933—1945).

Это важно помнить не только для выяснения причин, приведших к Мюнхену-1938, давшему, повторим, «зеленый свет» экспансионистской политике Берлина и сделавшему неизбежным 1 сентября 1939 г.⁴ Не менее важно это и для ответа на вопрос: кто же, кроме нацистской Германии, несет ответственность за развязывание этого крупнейшего военного конфликта XX в.

В период Веймарской республики Лондону и Парижу удавалось удерживать ситуацию в рамках Версальских договоренностей, периодически проводя демонстрацию силы для напоминания Германии о «ее месте в послевоенной Европе». Вспомним, например, неоднократный ввод войск Антанты в Рейнскую демилитаризованную зону в первой половине 1920-х гг.

После прихода к власти национал-социалистов все изменилось. Этому способствовали: экономическое восстановление Германии в 1924—1929 гг., произошедшее во многом благодаря финансовой помощи США в рамках т. н. Плана Дауэrsa (Вашингтон не хотел слишком сильного ослабления Германии); общая нестабильность в Европе в начале 1930-х гг.; очевидный кризис Веймарских институтов, показавших свою низкую эффективность.

Так или иначе, с середины 1930-х гг. у лидеров и главных творцов Версальской системы Великобритании и Франции обозначилась четкая тенденция на проведение политики потакания и «умиротворения» Гер-

мании и поощрения ее агрессивных устремлений с целью подтолкнуть Берлин к войне против СССР. Лондон и Париж находились в наивной убежденности, что гитлеровское руководство этим довольствуется и никогда не нападет на Запад. Квинтэссенцией этой политики и стал Мюнхенский сговор.

Эта тенденция особенно усилилась после прихода в Англии в 1935 г. к власти правительства консерваторов, во главе которого в 1937 г. встал Невилл Чемберлен. В 1938 г. у власти во Франции оказалось праворадикальное правительство Эдуарда Даладье. Поворот выглядит тем более странным с военно-политической точки зрения на фоне убийства в Марселе в октябре 1934 г. террористом-ушатом министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра I Карагеоргиевича во время официального визита последнего во Францию. Теракт имел очевидный немецкий след, что очень ясно показало намерения и направленность политики пришедшего на смену Веймарской демократии Третьего рейха⁵.

Во многом благодаря именно «Марсельскому убийству» французское правительство пошло на заключение с СССР двух договоров, направленных на создание в Европе системы коллективной безопасности — Антигитлеровской коалиции, — активным сторонником которой был Барту. В декабре 1934 г. Москва и Париж заключили Соглашение о взаимной заинтересованности в создании Восточного пакта, а в мае 1935 г. подписали Советско-французский договор о взаимопомощи. Он предусматривал обязательства сторон оказать немедленную помощь и поддержку другой стороне, если та станет объектом неспровоцированного нападения «третьего европейского государства». Под ним недвусмысленно понималась фашистская Германия.

Очень скоро это соглашение дополнилось аналогичным Советско-чехословацким договором о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой, подписанным в Праге 16 мая 1935 г. Его основные положения были идентичны Советско-французскому пакту от 2 мая 1935 г. с одним исключением. Ст. 2-я протокола о подписании договора предусматривала, что оба правительства признают, что «...обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку, при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь Стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции». Иными словами, обязательства договора вступали в силу только в том случае, если на помощь жертве агрессии придет Франция⁶. Благодаря этой оговорке, призванной не допустить автоматического действия договора и ослаблявшей его эффективность, соглашения 1935 г. СССР с Францией и Че-

хословакией приобретали характер тройственного соглашения. Оно могло стать основой для создания системы коллективной безопасности в Европе.

В этой связи следует напомнить, что попытки создания такой системы предпринимались ранее, в конце 1920-х гг. Речь идет о Пакте Бриана—Келлога — договора об отказе от войны как средства национальной политики, получившего свое название по фамилиям его авторов — министра иностранных дел Франции Аристида Бриана и государственного секретаря США Фрэнка Келлога. Заключение договора, подписанного 27 августа 1928 г. в Париже, по замыслу его авторов должно было стать первым шагом на пути создания системы европейской коллективной безопасности. К концу 1928 г. к пакту присоединились 63 государства, включая Советский Союз, т. е. большинство из существовавших к этому времени стран мира.

Здесь же следует подчеркнуть, что уже 29 августа 1928 г. СССР ратифицировал пакт и выступил инициатором подписания Московского протокола 1929 г. о досрочном введении его в силу (формально договор вступил в силу 24 июля 1929 г.).

Однако, несмотря на присуждение его авторам Нобелевской премии мира за 1929 г., в условиях существовавшей тогда в Европе и мире обстановки, пакт не оправдал — да и не мог оправдать — возлагавшихся на него ожиданий. Поэтому он был заменен системой двусторонних и многосторонних соглашений, одними из которых и стали Советско-французское и Советско-чехословацкое соглашения о ненападении⁷.

Именно с этой договорной базой Европа вошла в предвоенный 1938 г.

1938 год

После аншлюса Австрии в марте 1938 г., уже в мае Германия спровоцировала т. н. первый Судетский кризис, связанный с попыткой отторжения Судетской области от Чехословакии под лозунгом защиты «права немецкого населения региона на самоопределение»⁸.

В Чехословацкой республике (ЧСР) прошла частичная мобилизация, войска были введены в Судетскую область и заняли приграничные с Германией укрепрайоны. Одновременно о своей твердой поддержке Праге в соответствии с Советско-французским и Советско-чехословацким договором о взаимопомощи заявили СССР и Франция.

В случае отказа удовлетворить ее требования Германия угрожала Чехословакии агрессией. Однако против Берлина выступила даже союзница Третьего рейха по Тройственному пакту, фашистская Италия. В ре-

зультате в этот раз агрессия не состоялась — Германия была вынуждена отступить.

Здесь же следует отметить, что особо неприглядную и циничную роль в событиях 1938 г. сыграла Польша, которая наряду с Германией несет прямую ответственность за раздел Чехословакии. Та самая Польша, которая меньше чем через год получила заслуженный «бумеранг возмездия» от своего, как считали в Варшаве, верного союзника за собственную алчность и предательство, — назовем вещи своими именами. Уже 21 мая — во время первого Судетского кризиса — польский посол в Париже Юзеф Лукасевич заверил посла США во Франции Уильяма Буллита, что Польша немедленно объявит войну СССР, если он попытается направить войска на помощь Чехословакии через польскую территорию⁹.

22 сентября — во время второго Судетского кризиса — Варшава предъявила правительству Чехословакии ультиматум с требованием передать ей Тешинскую область в Силезии, являвшуюся предметом территориальных притязаний Варшавы еще в 1918—1920 гг., и сосредоточила войска на всем протяжении польско-чехословацкой границы¹⁰.

27 сентября ультиматум был повторен. В Польше последовательно нагнеталась античешская истерия. От имени Союза силезских повстанцев в Варшаве открыто шла вербовка в т. н. Тешинский добровольческий корпус, созданный под эгидой польского Генерального штаба. На польско-чехословацкой границе участились вооруженные провокации польских диверсионных отрядов. Наконец, 30 сентября Польша направила Чехословакии третий ультиматум и — одновременно с немецкими войсками — ввела свою армию в Тешинскую область¹¹. Как тут вновь не вспомнить Черчилля (который никогда не был большим другом нашей страны), обладавшего — в отличие от современных британских политиков — и умом, и дальновидностью, свойственными лишь крупным политическим деятелям: «Польша с жадностью гиены кинулась участвовать в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»¹².

Может ли после этого Варшава жаловаться на свой разгром Германией в сентябре 1939 г.? Ответ, думается, вполне очевиден: один агрессор сожрал другого, — в этом есть не только политическая логика, но и определенная историческая справедливость. Неоспоримо одно: Польша приняла участие в разделе Чехословакии наряду с Германией и Венгрией и несет за это прямую ответственность наряду с Берлином и Будапештом¹³.

Впрочем, как уже отмечалось, цинизмом отличалась политика всех западных участников событий, в первую очередь творцов Версаля — Франции и Великобритании (последней — особенно).

«Умиротворение агрессора» в действии

Совсем по-другому вел себя Советский Союз. Именно советское правительство до конца отстаивало интересы Чехословакии и продолжало бороться за создание системы коллективной безопасности в Европе, когда ведущие «Западные демократии» уже приняли решение отдать Прагу «как кусок мяса» на съедение нацистской Германии.

В ситуации, когда Париж и Лондон уже сдали Чехословакию Гитлеру, а Польша готовилась предъявить ей ультиматум с требованием отдать Тешинскую Силезию, советское правительство 19 сентября через советского полпреда в Праге подтвердило Президенту Чехословакии Эдварду Бенешу готовность СССР в случае начала военного конфликта с Германией выполнить условия Договора 1935 г. Советский Союз предложил свою помощь Чехословакии на случай войны с Германией даже в том случае, если, вопреки пакту о взаимопомощи, Франция этого не сделает, а Польша и Румыния откажутся пропустить через свою территорию советские войска (что, как известно, и произошло).

21 сентября советский представитель на пленуме Совета Лиги Наций заявил о необходимости принятия срочных мер в поддержку Чехословакии, а также потребовал постановки вопроса о германской агрессии. Кроме этого, правительство СССР провело ряд подготовительных военных мероприятий, сосредоточив на юго-западной и западной границах приведенные в боевую готовность стрелковые дивизии, авиацию, танковые части и войска противовоздушной обороны (которые оставались там вплоть до 25 октября).

Когда Польша 22 сентября предъявила Чехословакии первый ультиматум и сосредоточила у ее границ войска, 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Потёмкин подтвердил готовность советского правительства оказать Чехословакии — в случае нападения на нее Германии — помощь, *не дожидаясь решения Совета Лиги Наций*.

Наконец, 23 сентября, когда в Чехословакии была объявлена всеобщая мобилизация, Советский Союз направил польскому правительству заявление о том, что любая попытка Польши оккупировать часть территории Чехословакии аннулирует Советско-польский договор о ненападении 1932 г. Польша, как известно, оккупировала чехословацкий Тешин. Этот факт следует всегда помнить тем, кто — подобно современной официальной Варшаве — обвиняет СССР в «оккупации Польши» в сентябре 1939 г. в нарушение существовавших договоров; он очень хорошо дополняет текст Ноты советского правительства от 17 сентября 1939 г.¹⁴

Однако Советский Союз оказался в одиночестве: все уже было решено Западными «демократиями». 20–21 сентября английский и француз-

ский посланники в Праге заявили чехословацкому правительству, что в случае, если оно не примет англо-французских предложений (проще говоря, ультиматума Германии), французское правительство «не выполнит договора» с Чехословакией. Они также заявили следующее: «Если же чехи объединятся с русскими, война может принять характер *крестового похода против большевиков*. Тогда правительствам Англии и Франции *будет очень трудно остаться в стороне* [выделено мной. — А. П.]», — наглядный образец цинизма западной дипломатии, который не требует комментариев¹⁵.

29 сентября в Мюнхене по инициативе Германии состоялась встреча Гитлера с главами правительств Великобритании, Франции и Италии. Однако даже здесь западная дипломатия нарушила свои обязательства: вопреки письменному обещанию, данному Чемберленом, чехословацкие представители даже не были допущены к обсуждению соглашения¹⁶. СССР было также отказано в участии во встрече (как уже отмечалось, советские войска в боевой готовности с 22 сентября находились у западной советской границы, где они оставались вплоть до 25 октября).

В час ночи 30 сентября 1938 г. Чемберлен, Даладье, Гитлер и Бенито Муссолини подписали Мюнхенское соглашение. Только после этого в зал была допущена чехословацкая делегация, которая была лишь «поставлена перед совершившимся фактом». Примечательно, что 30 сентября между Великобританией и Германией была подписана декларация о взаимном ненападении. Схожая франко-германская декларация Германии была подписана позже¹⁷.

Оставшись в международной изоляции, чехословацкое правительство вынуждено было принять условия ультиматума, — лишнее подтверждение старой истины, что международные отношения, равно, как и международное правосудие без двойных стандартов, как показывает практика — вещь, увы, иллюзорная.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. В истории с Мюнхенским сговором мы имеем наглядный пример того, как укоренившаяся в ряде стран «демократической Версальской Европы» идеология антисоветизма (антибольшевизма по терминологии того времени) оказалась для правящих элит важнее собственной безопасности и элементарного здравого смысла, — не говоря уже о своих обязательствах по международным договорам и столь любимом Западом международном праве. К чему это привело «миротворцев» из Парижа в 1940 г. и чуть не привело «миротворцев» из Лондона годом позже, хорошо известно.

Мюнхенский сговор также поставил окончательную точку в деятельности Лиги Наций — этого воплощения Версаля, — впитавшей в себя все худшие черты политики двойных стандартов западной дипломатии,

как «червь» подточившей основы этой предшественницы ООН. Как тут не вспомнить еще одно крылатое высказывание Черчилля: «Миротворец — это тот, кто кормит крокодила, надеясь, что крокодил съест его последним»¹⁸.

В завершение приведем цитату известного английского поэта-романтика Перси Шелли, вполне применимой для характеристики того, что произошло в Мюнхене в сентябре 1938 г. (равно, как и уровня морали в международных отношениях в целом и в прошлом, и в настоящем): «Самая губительная ошибка, которая когда-либо была сделана в мире — это отделение политической науки от нравственной»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Safire W.* Safire's New Political dictionary. N.Y., 1993. P. 23.

² *Душенко К. В.* Всемирная история в изречениях и цитатах. Справочник. М., 2008. С. 474.

³ Лозунг «Долой Версальские оковы» был одним из главных в нацистской пропаганде 1920—1930-х гг.

⁴ Официальная дата начала Второй мировой войны (нападение Германии на Польшу).

⁵ «Марсельское убийство» небезосновательно считается одной из первых успешных зарубежных операций спецслужб Третьего рейха.

⁶ Архив внешней политики РФ. Подлинник. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0021_tsc&object=translation&st=&l=ru; обращение 9.07.2018.

⁷ Пакт Бриана—Келлога стал одной из правовых основ для Нюрнбергского процесса, на котором руководителям нацистской Германии было предъявлено обвинение в его нарушении.

⁸ На то, что это была целенаправленная провокация под лозунгом «защиты притесняемого немецкого меньшинства», указывают многие факты, в первую очередь, провокационные действия профашистской Судето-немецкой партии (СНП), возглавлявшейся Конрадом Генлейном, получавшим полное одобрение и поддержку — включая финансовую — Берлина.

В 1938 г. население Чехословакии составляло 14 млн человек, из них 3,5 млн этнических немцев, компактно проживающих в Судетской области (2,8 млн), в Словакии и Закарпатской Украине (карпатские немцы; 700 тыс.).

⁹ В этой связи вовсе не случайно, что в подготовленной НКВД СССР в середине 1930-х гг. справке, Польша рассматривалась третьей после Германии и Японии наиболее агрессивной по отношению к СССР страной. См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне. СПб, 1997. С. 139.

¹⁰ По причине проживания там польского населения. В 1938 г. в Тешинской области проживало 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов.

¹¹ Трофимов Ю. Польский след в трагедии XX века. Служба внешней разведки РФ опубликовала архивные материалы, относящиеся к внешнеполитическим маневрам Варшавы в период 1935–1945 годов // Деловой вторник. 15.09.2009. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2009/delvt20090915.htm>; обращение 09.07.2018.

¹² Там же.

¹³ 2 ноября 1938 г. Венгрия по решению т. н. Первого Венского арбитража получила южные (равнинные) районы Словакии и Подкарпатской Руси (современная Закарпатская область Украины) с городами Ужгород, Мукачево и Берегово.

¹⁴ 17 сентября 1939 г. перед вводом советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии польскому послу в Москве Вацлаву Гжибовскому была вручена следующая нота: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызвать польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью». Цит. по: Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1939 г. М., 1992. С. 96.

¹⁵ История дипломатии. В 3 т. Т. 3: Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.). М., 1945. С. 148.

¹⁶ Этому, впрочем, не стоит удивляться, если вспомнить, что тот представитель «Великой Британской империи» Невилл Чемберлен говорил о т. н. Судетском вопросе: «Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно [Выделено мной. — А. П.]. Еще более невозможным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать предметом войны». URL: <http://www.historyguide.org/europe/munich.html>; обращение 09.07.2018.

¹⁷ Что лишь подтвердило традиционный принцип английской дипломатии: готовность без лишних колебаний или соображений совести или морали сыграть против своего недавнего союзника, если это отвечает их политической выгоде (заимствованный у своей бывшей митрополии в несколько измененном виде США): «У Англии нет постоянных союзников, а есть только постоянные интересы» (Душенко К. В. Указ. соч. С. 218, 355.

¹⁸ Цит. по: Душенко К. В. Указ. соч. С. 517.

¹⁹ <https://best-aphorisms.ru/persi-bishi-shelli/aphorism-1699.html>.

ПОЛЬША И СУДЕТСКИЙ КРИЗИС 1938 г.

Дмитрий Буневич

*Тешинский вопрос¹ и польско-чехословацкие
отношения накануне Мюнхена*

Созданная державами Антанты, одержавшими победу в Первой мировой войне, Версальская система международных отношений отличалась нестабильностью. Кроме фундаментальных военно-политических и экономических диспропорций, лежавших в основании версальского мироустройства, международный порядок в 1920—1930-х гг. подрывали многочисленные «вопросы» — пограничные конфликты и противоречия держав, связанные с принадлежностью того или иного региона. В их основе в большинстве случаев лежали скверно решенные национальные проблемы. Наибольшее их число оказалось сосредоточено в Центральной и Восточной Европе — регионе, претерпевшем самые значительные изменения после поражения Центральных держав в войне и революционных потрясений, приведших к распаду Российской империи и Австро-Венгрии².

Одним из таких «вопросов» был польско-чехословацкий спор, связанный с принадлежностью Тешинской области — небольшого региона в исторической Силезии со смешанным польско-чешско-силезско-немецким населением, принадлежавшего до конца Первой мировой войны Австро-Венгрии. Распад дунайской монархии Габсбургов в ноябре 1918 г. и провозглашение независимых Чехословацкого и Польского государств заставили тешинских чехов и поляков определяться с государственно-политической принадлежностью своего края, а оба молодых государства сразу же заявили о своих претензиях на этот регион³.

Первая Чехословацкая Республика обосновывала свои притязания экономическими и стратегическими соображениями. Здесь пролегла железнодорожная ветка из Чехии в Словакию, а сама область, одна из самых индустриально развитых в бывшей Австро-Венгрии, была богата каменным углем, весьма важным стратегическим ресурсом. От него зависела мощная чехословацкая промышленность. Польская же сторона апеллировала к тому, что этнические поляки составляют относительное большинство региона и заметно преобладают в его отдельных районах. Разумеется, как всегда бывает в таких конфликтах, обе стороны прибегали и к «историческим» аргументам, доказывая «исконную» принадлежность Тешинской Силезии средневековым Польше или Богемии. Но, как зачастую происходит в периоды войн и революций, трудный и противоречивый вопрос решался не путем долгих переговоров, компромиссов и плебисцитов, а военной силой, шантажом и закулисными договоренностями.

Уже в январе 1919 г. Прага ввела в регион свои войска, быстро разгромившие польские вооруженные силы. Варшава не смогла найти на это достойного военного ответа, поскольку недавно созданная польская армия была занята на востоке: она боролась с Западно-Украинской Народной Республикой (ЗУНР) и готовилась к наступлению вглубь Украины с целью захвата Киева. Хотя вмешательство Антанты и прекратило конфликт, а обе конфликтующие стороны подписали соглашение в Париже, спустя год противостояние разгорелось вновь: воспользовавшись трудным положением Польши, чьи войска летом 1920 г. стремительно откатывались на запад под давлением Красной армии, чехословацкий президент Томаш Масарик пригрозил полякам, что вступит в союз с Москвой, если Тешинский вопрос будет решен не в пользу Чехословакии. Вероятно, именно страх войны на два фронта predetermined то, что Варшава уступила чехословацкому нажиму и по итогам арбитража Антанты на конференции в бельгийском курортном городке Спа Польша и Чехословакия 28 июля 1920 г. заключили в целом более выгодное Праге соглашение, в соответствии с которым западные районы Тешинской области переходили Чехословакии, а восточные — Польше. Прага, таким образом, получила 58 % спорного региона, где проживало почти 68 % его жителей. Кроме того, к Чехословакии отошел ряд районов за рекой Олыша с преобладающим польским населением, который в Польше стал известен под названием Заользье (*Zaolzie*)⁴.

Хотя Польша и не была удовлетворена соглашением (тем более что вопреки первоначальным декларациям, Прага начала постепенную политику чехизации оказавшихся на ее территории поляков), в 1920-х — начале 1930-х гг. Тешинский вопрос активно не поднимался Варшавой,

поскольку гаранты версальского мироустройства, очевидно, не были заинтересованы в разрастании конфликта в регионе. Все изменилось с приходом к власти в Германии нацистской партии, чей фюрер, став канцлером, все громче стал говорить о пересмотре «несправедливого» устройства Европы. Разумеется, Адольф Гитлер имел в виду Германию и немцев, но его стремление потрясти устои европейского миропорядка, казалось, открывали и перед другими странами возможность вновь предъявить свои старые счета соседям.

Одной из таких стран-ревизионеров стала Польша, где после Майского переворота 1926 г., организованного антидемократически настроенными военными (т. н. группа полковников), установился правоконсервативный и националистический режим санации (*sanacja*) во главе с маршалом Юзефом Пилсудским, сыгравшим ключевую роль в возрождении польской государственности в ноябре 1918 г. К 1934 г. созрели все условия для начала сотрудничества авторитарной Польши и нацистской Германии, направленного против Чехословакии — единственной демократии, сохранившейся в Центральной и Восточной Европе к началу 1930-х гг.

Формирование польско-германского согласия и договор 1934 г.

Последним серьезным внешнеполитическим актом, своеобразным «дипломатическим завещанием» маршала Юзефа Пилсудского, бесспорно, был польско-германский договор от 26 января 1934 г. (лидер «режима санации» скончался через год). Соглашение было подписано в Берлине министрами иностранных дел Польши и Германии Юзефом Липским и Константином фон Нейратом в форме небольшой совместной декларации, которую стоит привести полностью⁵:

«Польское правительство и Германское правительство считают, что наступил момент, чтобы путем непосредственного соглашения между государствами начать новую фазу в политических отношениях между Польшей и Германией. Поэтому они решили настоящей декларацией заложить основы будущей организации этих отношений.

Оба правительства исходят из того факта, что поддержание и обеспечение длительного мира между их странами является существенной предпосылкой для всеобщего мира в Европе. По этой причине они решили установить обоюдные отношения на принципах, изложенных в Парижском пакте от 27 августа 1928 года [Имеется в виду Пакт Бриана—Келлога, направленный на сохранение мира в Европе. — Д. Б.], и на-

мерены, поскольку это касается отношений между Германией и Польшей, точнее установить применение этих принципов.

При этом каждое из двух правительств констатирует, что взятые им до сих пор на себя по отношению к другой стороне международные обязательства не препятствуют мирному развитию их обоюдных отношений, не противоречат настоящей декларации и не затрагиваются этой декларацией. Далее они констатируют, что эта декларация не распространяется на такие вопросы, которые по международному праву считаются внутренними делами одного из государств.

Оба правительства заявляют о своем намерении непосредственно договариваться о всех вопросах, касающихся их обоюдных отношений, какого бы рода они ни были. Если, например, между ними возникает спорный вопрос и если его разрешения нельзя достигнуть непосредственными переговорами, то они в каждом отдельном случае на основании обоюдного соглашения будут искать решения другими мирными средствами, не исключая возможности в случае необходимости применять методы, предусмотренные для такого случая в других соглашениях, действующих между ними. Ни при каких обстоятельствах они не будут прибегать к силе для разрешения спорных вопросов.

Гарантия мира, созданная этими принципами, облегчит обоим правительствам великую задачу разрешения политических, экономических и культурных проблем образом, основанным на справедливом учете обоюдных интересов.

Оба правительства убеждены, что таким образом отношения между странами будут плодотворно развиваться и приведут к созданию добрососедских отношений, что явится благодеянием не только для их стран, но и для всех остальных народов Европы.

Настоящая декларация должна быть ратифицирована, и обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Варшаве. Декларация действительна в течение десяти лет, считая со дня обмена ратификационными грамотами. Если в течение 6 месяцев по истечении этого срока она не будет денонсирована одним из правительств, то она остается в силе и на дальнейшее время. Однако может быть в любое время денонсирована любым правительством за шесть месяцев».

Обращает на себя внимание тот факт, что в декларации отсутствовало стандартное для такого рода документов положение о прекращении действия в случае начала вооруженного конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой, что позволяет трактовать Договор Липского—Нейрата как скрытую форму союза. Более того, спустя несколько месяцев после заключения соглашения во французской печати, а также в официальной советской прессе, появились сведения о суще-

ствовании т. н. секретных протоколов к договору, в которых якобы фиксировалось намерение рейха и Польши проводить скоординированную политику, а в случае начала войны выступить общим фронтом против «агрессора». Хотя польская сторона официально сразу же опровергла существование каких-либо секретных статей, а архивные изыскания не смогли пока обнаружить приложений к Декларации 1934 г., вопрос о существовании секретной части договора остается дискуссионным в исследовательской литературе⁶.

В любом случае заключение Договора Липского–Нейрата произвело дипломатический фурор. С одной стороны, его приветствовали в Лондоне, очевидно рассчитывая, что польско-германское сближение основано на общей для обоих режимов враждебности к Советскому Союзу. Министр иностранных дел Великобритании Джон Саймон даже счел необходимым поздравить польского посла Константина Скирмунта с достигнутым соглашением⁷. В то же время Франция была серьезно обеспокоена договором, поскольку Париж традиционно рассматривал Варшаву в качестве своего естественного союзника против возможного германского реваншизма. Заключение польско-германского соглашения ставило крест на этих надеждах и фактически разрывало франко-польский военный союз, что заставило Францию искать новых партнеров на востоке Европы. Именно установление польско-германского согласия подтолкнуло Францию к началу переговоров с СССР. Они завершились в начале 1935 г. подписанием франко-советского пакта о взаимопомощи, который обязывал страны прийти друг другу на помощь в случае агрессии против одной из них.

Стремительное польско-германское сближение вызывало неподдельное беспокойство и в Праге. В конце января 1934 г. посланник в Варшаве Вацлав Гирса сообщил в свою столицу, что польская сторона считает конфликт с Чехословакией неизбежным и полагает, что будет достаточно сил одной польской дивизии, чтобы захватить Заользье⁸. Чехословацкая дипломатия верно предположила, что на основе враждебного отношения к СССР между Берлином и Варшавой наметилось также сближение по таким проблемам, как аншлюс Австрии и пересмотр чехословацких границ, до которых осталось еще четыре года.

Как справедливо отмечает британский историк Ричард Эванс, говоря о значении договора 1934 г.: «Для Гитлера преимуществом этого пакта было то, что он позволял прикрыть уязвимый восточный фланг Германии в период тайного перевооружения...»⁹. Действительно, спустя всего несколько месяцев после заключения договора Липского–Нейрата фюрер утвердил тайную программу ускоренного перевооружения и увеличения численности германской армии¹⁰, а также проинформи-

ровал военных о своем твердом намерении не позднее весны следующего года ввести в стране всеобщую воинскую повинность и официально отказаться от версальских ограничений¹¹. В это же время польский Генштаб отдал распоряжение о подготовке на территории Тешинской Силезии законспирированных боевых групп для последующей организации античехословацкого восстания, которое можно было бы использовать в качестве предлога для нападения на соседа¹².

Варшава ясно демонстрировала свое желание установить прочные партнерские отношения с нацистской Германией и поучаствовать совместно с ней в переустройстве Европы. Более того, сразу после подписания в начале 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи, который предусматривал оказание советской военной поддержки Праге в случае агрессии против нее (при условии, что аналогичная помощь будет оказана и Францией в соответствии с Франко-чехословацким договором о взаимопомощи 1925 г.), Польша разорвала все военные контракты с чехословацкой «Шкодой» и передала свои заказы в Великобританию и Швецию, словно подчеркивая, что никакая кооперация между двумя державами более невозможна. В это же время в Польше, где с середины 1920-х гг. была восстановлена цензура, власти отчасти ограничили публичную критику политики нацистской Германии: в стране даже изымались из продажи газеты и журналы, печатавшие антигерманские материалы¹³.

Надо признать, впрочем, что кроме «германофильской» линии в польском политическом руководстве и дипломатическом ведомстве существовали силы, понимавшие все риски, связанные с сотрудничеством с нацистами. Например, такой высокопоставленный дипломат, как Кароль Бадер выступал против соглашения с Гитлером, однако вскоре после подписания Пакта Липского–Нейрата он был вынужден уйти в отставку¹⁴.

К началу острой фазы Судетского кризиса 1938 г. Польша подошла как бесспорно дружественная рейху держава, имевшая к тому же территориальные претензии к Чехословакии.

Польша и вопрос о советской военной помощи Чехословакии

С весны 1938 г. нацистская пропаганда начала активную «обработку» населения, готовя его к агрессии против Чехословакии. 30 мая Гитлер утвердил директиву армии, в которой утверждал: «Моим неизменным решением остается ликвидация Чехословакии посредством военной

акции в ближайшем будущем»¹⁵. Великобритания и Франция весной — летом 1938 г. колебались между желанием найти компромисс с нацистами за счет чехословаков и нежеланием полностью сдавать свои позиции в Центрально-Восточной Европе. В условиях изощренной дипломатической игры важнейшим для будущего Европы становился вопрос о готовности чехословаков сопротивляться германской агрессии. И обладавшая двухмиллионной армией Чехословакия, вероятно, была бы готова дать отпор Германии, если бы была уверена, что получит поддержку со стороны своих союзников — Франции и СССР. Париж колебался, но Москва неоднократно и ясно заявляла о своей готовности выступить на защиту суверенитета Чехословакии при условии, что все условия договора 1935 г. будут соблюдены.

В дело, однако, вмешивалась география: у СССР не было общей границы ни с Германией, ни с Чехословакией. Для оказания реальной военной поддержки потребовалась бы организация транспортных коридоров для советских войск через территорию Польши или Румынии. Второй вариант, впрочем, был менее надежен из-за слабости румынских коммуникаций. Польша же выступала категорически против какого-либо сотрудничества с советским правительством. В отличие от Румынии, которая хотя бы не возражала против воздушных коридоров над своей территорией, Польша заявляла о твердой готовности сбивать советские военные самолеты, направляющиеся в сторону Чехословакии¹⁶. Более того, посол Польши во Франции Юзеф Лукасевич еще 21 мая 1938 г. сообщил своему американскому коллеге Уильяму Буллитту, что в случае, если СССР попытается направить свои войска на помощь чехословакам через польскую территорию, Варшава немедленно объявит войну Москве¹⁷.

Одновременно с этим Польша и Германия вели интенсивные консультации по вопросу о будущем чехословацких земель. 23 февраля прошли продолжительные переговоры Германа Геринга с польским главой МИД Юзефом Бекком, на которых было достигнуто принципиальное взаимопонимание по вопросу о расчленении Чехословакии. О достигнутом польско-немецком согласии быстро стало известно и за пределами Центральной Европы. Так, 27 мая 1938 г. министр иностранных дел Франции Жорж Бонне в беседе с польским послом открыто заявил, что «План Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией с передачей Тешинской Силезии Польше» не является секретом для Парижа¹⁸.

Не ограничиваясь декларациями, летом 1938 г. Варшава активизировала деятельность подпольных польских организаций в Тешинской области и начала военные приготовления у чехословацкой границы, од-

новременно стягивая силы и к границе с СССР на случай, если Красная армия все же получит приказ прорываться на помощь Чехословакии¹⁹.

Польские (а равно и венгерские) претензии позволили гитлеровскому правительству представить свои требования отторжения Судетской области не как германскую агрессию, а как международный спор, связанный с «несовершенством» чехословацких границ и защитой проживающих там различных национальных меньшинств, что, кстати, было зафиксировано в дополнительной декларации к Мюнхенскому соглашению, подписанной также 29 сентября. Именно позиция Польши в Судетском кризисе, обусловленная как недоверием к СССР, так и захватническими устремлениями в отношении Заользья, во многом способствовала заключению Мюнхенских соглашений. Ведь отсутствие польского согласия на пропуск войск делало невозможным оказание эффективной советской помощи Чехословакии, что в свою очередь подтолкнуло Францию, связанную с чехословаками оборонительным договором, к поиску компромисса с Гитлером. Чехословацкие лидеры же, лишившись внешней поддержки западных демократий, оказались не готовы самостоятельно сопротивляться германскому нажиму, поддержанному к тому же в итоге Великобританией, Францией и Италией.

Расчленение Чехословакии. Аннексия Заользья

Польских представителей не было на Мюнхенской конференции вопреки желанию самой Польши — Западные державы, продолжая политику «пакта четырех»²⁰ 1933 г., считали, что только сотрудничество Великобритании, Франции, Германии и Италии сможет обеспечить выгодное им развитие Европы и «мягкую» ревизию версальских принципов. Ни итальянский и немецкий диктаторы, ни западные лидеры не видели в польском президенте Игнации Мосцицком представителя великой державы, которого стоило пригласить на обсуждение вопросов будущего Европы.

Это, впрочем, не помешало полякам 21 и 27 сентября выдвинуть свои территориальные претензии Чехословакии. Попытки чехословаков начать предметное обсуждение положения польского меньшинства привели лишь к тому, что Юзеф Бек днем 30 сентября (Мюнхенское соглашение было подписано в ночь с 29 на 30 сентября) направил Праге ноту с требованием в течение 24 часов эвакуировать все чехословацкие войска из Тешинской области, разоружить там оборонительные сооружения и уволить уроженцев данного региона, говорящих на поль-

ском языке, из чехословацких вооруженных сил. Отдельным пунктом в ноте шло требование «не предпринимать каких-либо дискуссий по содержанию ноты, т. к. эти требования являются безоговорочными»²¹. Сломленный президент Эдвард Бенеш, только что согласившийся на отторжение Судет от Чехословакии, в отчаянии обратился к французам и англичанам — гарантам только что заключенной мюнхенской сделки — с просьбой о защите от польских притязаний. Однако те вновь предали Прагу. Кроме того, Польша заручилась германской поддержкой на случай, если СССР все-таки решится двинуть свои вооруженные силы на помощь Чехословакии: Берлин заверил, что Варшава в этом случае может рассчитывать на «самую эффективную помощь»²² Германии.

Части Войска Польского стремительно заняли спорные территории, а деморализованные чехословаки не оказали им сопротивления. Лишь СССР объявил, что в случае начала столкновений Москва денонсирует советско-польский договор о ненападении 1932 г.²³ В результате этого агрессивного акта Польша захватила промышленно развитую территорию площадью более 800 км², на которой проживало более 120 тыс. чехов и около 80 тыс. поляков. По оценкам современных историков, после захвата Тешина и прилегающих районов Польша увеличила мощность своей тяжелой индустрии почти в два раза²⁴. Польские аппетиты к территориальным захватам, однако, росли вместе с достигнутыми «успехами». Вскоре после аннексии Тешинского региона Варшава потребовала новых территориальных уступок в Словакии и добилась заключения 30 ноября 1938 г. соглашения, в соответствии с которым территории на севере Словакии (районы Орава и Спиш) площадью более 200 км² также были переданы Польше²⁵.

Уже 9 октября 1938 г. официальная *Gazeta Polska* («Польская газета») ликовала в связи с захватом Заользья: «...Открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач»²⁶. Перед Польшей действительно стояли неимоверно трудные задачи, которые, однако, относились не к руководству Восточной Европой, а к выживанию. Справиться с ними Варшава так и не смогла.

Пиррова победа 1938 г.

Мюнхен подвел черту под существованием независимой и демократической Первой Чехословацкой Республики — уже в марте 1939 г. Германия цинично нарушила достигнутые договоренности и захватила

остатки чешских земель, объявив их своим протекторатом, а в Словакии немцами был установлен марионеточный пронацистский режим во главе с католическим священником Йозефом Тисо. Примечательно, что из четырех соседей трое (Германия, Венгрия и Польша) приняли участие в расчленении Чехословакии. Лишь Румыния не выступила с претензиями на территории соседа, а вскоре и сама была принуждена под давлением Берлина уступить Венгрии спорную Северную Трансильванию.

Руководители Польши наивно полагали, что после краха Чехословакии они вместе с Венгрией и, возможно, Италией и Югославией образуют самостоятельный полюс силы в Европе²⁷, который будет независим как от Германии, так и от Западных держав, все еще претендующих на статус арбитров континента. Ничего этого, как известно, не произошло: фашистская Италия и хортистская Венгрия закономерно предпочли союз с Третьим рейхом, а не с Польшей. Проявив удивительную мелочность, польская дипломатия отказалась видеть, что только партнерские отношения с такой промышленно развитой и миролюбивой страной, как Первая Чехословацкая Республика, могли стать залогом безопасности самой Польши. Гипотетический союз этих двух стран (тем более при поддержке Франции) представил бы собой серьезное препятствие на пути германской агрессии в Центральной Европе. Польша, однако, оказалась ослеплена национальным эгоизмом и великодержавными амбициями, которые не позволили Варшаве подняться над незначительными в сущности территориальными претензиями и увидеть стратегическую карту Европы целиком. Поддержав германского фюрера в его игре против Чехословакии, Польша в результате осталась в Центральной Европе тет-а-тет с решительно усилившейся Германией.

В связи с этим любопытно, что, согласно некоторым воспоминаниям, маршал Пилсудский, тяжело умиравший в Бельведерском дворце в мае 1935 г., в предсмертной агонии, словно прозревая на пороге смерти, призывал своих соратников отказаться от сотрудничества с нацистской Германией, которое сам же ранее и благословил²⁸. Апокрифический или нет, но этот сюжет со всей остротой показывает, насколько ошибочный выбор был сделан тогда Польшей. Пойдя на партнерство с Гитлером, Пилсудский, всю жизнь боровшийся за восстановление и сохранение независимого Польского государства²⁹, не только предопределил постыдное соучастие своей страны в уничтожении демократической Чехословакии, но и сделал решительный шаг к катастрофе сентября 1939 г., в которой погибла созданная им Вторая Речь Посполитая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский исследователь польско-чехословацких отношений предвоенного периода С. В. Морозов отмечает, что корректнее использовать написание «Тешен», а не «Тешин» (как это распространено в отечественной историографии), и соответствующие производные от него. Данный вопрос, впрочем, остается дискуссионным. См.: *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.

² См.: *Восточная Европа после Версаля*. СПб., 2007.

³ *Kaminski M. K.* Konflikt polsko-czeski, 1918–1921. Warszawa, 2001.

⁴ *Zahradnik S., Ryczkowski M.* Korzenie Zaolzia. Warszawa, 1992. S. 64.

⁵ Цит. по: *Климовский Д. С.* Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968. С. 69–70.

⁶ *Морозов С. В.* К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 года // *Славяноведение*. 2005. № 5. С. 35–53.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Причины возникновения Второй мировой войны. Сб. ст. / Отв. ред. Е. М. Жуков. М., 1982. С. 371.

⁹ *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. М., 2012. С. 670.

¹⁰ *Павлюченко А. В.* Германская политика односторонней ревизии Версальского договора и реакция США (октябрь 1933 — март 1935 г.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9. Ч. 2. С. 112–113.

¹¹ *Мельников Д., Чёрная Л.* Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 272.

¹² *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1997.

¹³ *Морозов С. В.* К вопросу о... С. 47.

¹⁴ См.: *Bader K.* Stosunki polsko-czeskie. Warszawa, 1938.

¹⁵ Причины возникновения Второй мировой войны. С. 184.

¹⁶ *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — пролог второй мировой войны (по архивным данным ФСБ России) // *Новая и новейшая история*. 2009. № 1. С. 37–38.

¹⁷ *Foreign Relations of the United States. Diplomatie Papers*. 1934. Vol. I. Washington, 1951. P. 507.

¹⁸ Цит. по: *Benoist-Mechin J.* Histoire de l'Armee Allemande. Les épreuves de force 1938. Vol. V. Paris, 1964. P. 349.

¹⁹ *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 37.

²⁰ «Пакт четырех» — подписанное по инициативе Бенито Муссолини 15 июля 1933 г. в Риме соглашение о сотрудничестве между Великобританией, Францией, Германией и Италией. Многими исследователями договор рассматривается как попытка создания «директории» европейских держав в целях последующей мирной ревизии версальских

ограничений на основе компромисса Великобритании и Франции с нацистской Германией при посредничестве итальянского диктатора. См., напр.: *Иванов А. Г.* Проблема европейской безопасности в 1933–1935 гг. // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2016. Т. 1–2. № 1–2. С. 92–119.

²¹ Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы в 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 31–32.

²² Цит. по: *Шутов А.* Мюнхенский сговор 1938 года и Польша // *Дипломатическая служба*. 2009. № 4. С. 61.

²³ *Калашиников И. А.* Мюнхенский договор 1938 г. в геополитическом контексте межвоенного периода // *Геополитика: теория, история, практика*. 2012. № 1. С. 207.

²⁴ *Марьина В. В.* Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 года // *Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну*. М., 2009. С. 269–270.

²⁵ Подробнее см.: *Borák M., Žáček. R.* «Ukradené» vesnice: musí Češi platit za 8 slovenských obcí? Český Těšín, 1993.

²⁶ Цит. по: *Гришин Я. Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1939 гг. Казань, 1999. С. 118.

²⁷ *Морозов С. В.* К вопросу о... С. 51.

²⁸ *Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945)*. М., 2009. С. 303.

²⁹ Наиболее полная биография Ю. Пилсудского на русском языке: *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1938 г. НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПРЕССЫ

Александр Киселёв

Периодическая печать зачастую является надежным показателем господствующих в общественном мнении настроений. Польская межвоенная пресса не является исключением из этого правила и позволяет составить представление об отношении польской общественности к территориальным претензиям Польши к Чехословакии, присоединению Тешинской Силезии в дни накануне и после заключения Мюнхенских соглашений. Поскольку достаточно затруднительно обобщить все позиции, высказанные в этот период на страницах польской прессы, то нами был выбран ряд изданий, относившихся к разряду ведущих газет того или иного идейно-политического направления.

Среди газет консервативной ориентации ярким явлением были публикации главного редактора виленского «Слова» Станислава Мацкевича. Взгляды самых влиятельных оппонентов режима санации — сторонников идеолога польских национал-демократов Романа Дмовского — невозможно представить без варшавского еженедельника «Национальной мысли» (*Myśl Narodowa*). К ним отчасти примыкала, но сохраняла свою идейную автономию газета «Голос народа» (*Głos narodu*), пользовавшаяся поддержкой польского епископата католической церкви. Одним из влиятельных выразителей левого спектра польской общественно-политической мысли было главное печатное издание Польской партии социалистов (ППС) газета «Рабочий» (*Robotnik*).

Следует сразу отметить, что практически все отмеченные издания, несмотря на большую или меньшую степень своей оппозиционности и критической настроенности к правящим властям, поддерживали тер-

риториальные претензии к Чехословакии и ввод польских войск в Тешинскую Силезию. В частности, на страницах газеты «Слово» (*Słowo*) 2 октября 1938 г. главный редактор призвал читателей поддержать действия правительства и проявить качества гражданина и патриота. Текущая внешняя политика польского правительства расценивалась как способная «предопределить судьбы Польши на годы, да нет, на целое столетие»¹.

В редакционной статье национал-демократического еженедельника «Национальная мысль» от 9 октября 1938 г. об инкорпорации Заолзья писалось как об восстановлении исторической справедливости, поправленной в июле 1920 г. По мнению автора, именно из-за чехословацкой экспансии в Тешинской Силезии на десятилетия оказались испорчены польско-чехословацкие отношения. Чехословацкой политической элите помешала «мещанско-крестьянская скарედность, зависть к шляхетской Польше», которые не дали «ожидаемых процентов»². В итоге межвоенная Чехословакия была вынуждена искать политическую опору для своей независимости, обращаясь за поддержкой к Франции, Великобритании, странам Малой Антанты и даже к СССР. Эта ошибочная политика привела к тому, что Чехословакия вынуждена теперь расплачиваться территориями за свои «комплексы» и стоит накануне очередного раздела. Журналисты главного печатного органа национал-демократов советовали чехословацким политикам пересмотреть все свои внешнеполитические принципы, поскольку для Чехословакии после Мюнхена выбор заключался между «согласием войти в сферу польской или немецкой системы Срединной Европы. *Tertium non datur*»³.

Не менее показательной оказалась позиция польских социалистов. На страницах центрального органа печати Польской партии социалистов приветствовался факт присоединения спорных территорий к Польше без открытого вооруженного конфликта. Авторы не преминули напомнить, что первенство в деле борьбы за Тешинскую Силезию принадлежит именно Польской партии социалистов еще в 1918–1920 гг. Перед Чехословакией появилась внешнеполитическая альтернатива. Она, по мнению автора статьи «Польша и Чехословакия», заключалась в выборе между установлением «прочного сотрудничества с Польшей на принципах «равный с равным» или «трагической ролью вассала Третьего рейха»»⁴. Однако исход этого выбора зависел не только от Чехословакии, но и в значительной мере от Польши. Редакция клерикального ежедневника «Голоса народа» 2 октября разместила на первой странице обращение от своего имени, в котором назвала возвращение Тешинской Силезии «исправлением исторической обиды нашего народа» и приветствовала «братьев поляков из-за Ользы»⁵.

Однако единство в вопросе о возвращении Тешинской Силезии в состав Польши отступало на второй план при обсуждении международных перспектив Польши накануне и после Мюнхенских соглашений. Одним из самых заметных явлений в польской журналистике, посвященной этой проблеме, стала публицистика главного редактора «Слова» Станислава Мацкевича. Он являлся сторонником нормализации польско-немецких отношений и апологетом идеи польско-венгерского военного и политического союза. Еще до Мюнхенских соглашений журналист выражал уверенность в том, что Судетский кризис разрешится на германских условиях и предвидел целый ряд политических последствий и возможностей. В статье «Верная роль маршала Рыдза-Смиглы» от 10 сентября 1938 г. он предсказывал приобретение Польшей Тешинской Силезии⁶. Однако, по мнению журналиста, это событие несопоставимо с результатами немецкой экспансии. По его словам, грядущее присоединение Судет усилит Германию по сравнению с Польшей в 33 раза. В этих условиях наиболее перспективной целью польской внешней политики Мацкевич считал создание общей польско-венгерской границы. По мысли публициста, Венгрия и Польша являлись естественными союзниками. Заключение внешнеполитического союза обуславливалось неизбежностью втягивания Польши в мировой политический кризис. Мацкевич интуитивно почувствовал, что Мюнхен является предвестником еще более масштабных политических потрясений. Так, он писал, что «если демилитаризация Поренья стала экспериментом перед аншлюсом, аншлюс — экспериментом перед ликвидацией Чехословакии, то чешский кризис является испытанием плана более значительного масштаба»⁷. Интересно, что редактор «Слова» допускал, что после Чехословакии может последовать черед Польши. Однако публицист был уверен в том, что такой вероятности еще можно избежать.

В этих целях следовало нормализовать польско-немецкие отношения в Силезии и Данциге (Гданьске). Однако, отчасти противореча самому себе, журналист заявлял о том, что такая возможность оказалась упущена по вине министра иностранных дел Юзефа Бека, который исповедовал принцип балансирования Польши между СССР и Германией. В результате «мы не сумели ликвидировать польско-немецких затруднений, но также у нас не появилась доктрина общих объектов польской и немецкой политики»⁸. В итоге Германия существенно усилила свои позиции, но уже не нуждалась в польском партнерстве.

В сложившейся ситуации выход для Польши виделся в заключении военного союза с Венгрией. Обоснованию идеи создания польско-венгерской конфедерации ведущий обозреватель «Слова» посвятил целый

ряд передовиц газеты в сентябре — октябре 1938 г.⁹ Более того, он считал, что присоединение спорных территорий Тешинской Силезии является второразрядной задачей по сравнению с установлением тесных отношений с Венгрией. Мацкевич настаивал на том, что польско-венгерская интеграция позволила бы выстоять обоим государствам Центрально-Восточной Европы в борьбе между Англией, Францией и Германией, не превратившись в их политических вассалов и разменную карту в игре великих держав. Мацкевич считал, что пример Чехословакии показал, что слепая ставка на французскую помощь и отказ от курса на реинтеграцию с Австрией с целью реставрации династии Габсбургов закончились политической катастрофой для Чехословакии. Кроме того, в вину Чехословакии ставились попытки установления сотрудничества с СССР, который рассматривался политическим обозревателем как главный противник Польши. В своих проектах Мацкевич легко допускал и даже приветствовал присоединение к Венгрии практически всей Подкарпатской Руси. Если спасение польского суверенитета редактор «Слова» видел в польско-венгерском союзе, который позволил бы на равных говорить с нацистской Германией и участвовать в борьбе с «мировым большевизмом», то на страницах других изданий высказывались иные соображения.

Идея нового территориального раздела Чехословакии во имя общей польско-венгерской границы встретила критику со стороны «Голоса народа». В редакционной статье от 29 сентября 1938 г. утверждалось, что подобная мера даст лишь новый импульс к развитию национальных сепаратистских движений на окраинах Польши¹⁰. Оптимальным вариантом виделось сохранение Чехословакии как общего государства трех национальностей чехо-словацкой-русинской. Эта мысль неоднократно подчеркивалась публицистами издания. В передовой статье заместителя председателя Союза католических писателей Адама Ромера «Перед трудной дилеммой» писалось о том, что в сложившихся вокруг Чехословакии обстоятельствах является важным обеспечение чехословацкого суверенитета против «дальнейшего продвижения немецкого колосса на восток и юг»¹¹. Причем в этом заинтересована не только Польша, но и Венгрия. Основной рецепт для пост-мюнхенской политики Польши, по мнению авторов «Голоса народа», заключался в необходимости создания вокруг Польши «сильного центрально-европейского блока»¹² в составе государств Балтии, Чехословакии, Венгрии и Румынии с прицелом на Балканы. Будущим государствам-членам блока следовало добиваться заключения со своими соседями с запада и востока пактов о ненападении и сотрудничать с Францией. Всякая поддержка германского исторического «натиска на Восток» стала бы для Польши, расположившейся

между Германией и Россией, политикой «подпиливания ветки, на которой мы сидим». Ромер считал, что государствам Центральной Европы, зажатым между «красным и националистическим империалистическим тоталитаризмом» естественно опираться на «западные демократии», которые в свою очередь нуждались ради безопасности в «перестраховке на Востоке»¹³.

В отличие от клерикального «Голоса народа» рупор польской национал-демократии «Национальная мысль» с гораздо большим энтузиазмом встретил проект по созданию польско-венгерской границы. В частности, в статье «Венгрия и Польша» утверждалось, что создание общей границы следует считать «новым основанием нашей политики»¹⁴. Вместе с тем для обоснования этой внешнеполитической идеи пускалась в ход несколько иная аргументация, чем на страницах виленского «Слова». Ситуацию после Мюнхена следовало использовать для выстраивания польской внешнеполитической системы в Центральной Европе. Признавалось, что нацистская Германия приложит все усилия для недопущения польско-венгерского сближения. Так, одним из надежных свидетельств противодействия Германии признавалось сохранение узкого пояса Подкарпатской Руси в составе Чехословакии после Первого Венского арбитража. Публицисты национал-демократы считали, что это обусловлено стремлением Германии сохранить базу для развития украинского сепаратизма, направленного против Советского Союза в целях создания вассального от Германии украинского государства. Однако одновременно поддержка украинского национализма создавала трудности Польше и, отчасти Венгрии. Обозреватель еженедельника надеялся, что украинский вопрос станет «еще одним узлом, соединяющим Венгрию с Польшей»¹⁵.

Молодой публицист Карл Стефан Фрыч, развивая идеи о будущем устройстве Центральной Европы, констатировал, что после Мюнхена Польша оказалась в тяжелейшем положении, будучи «осаждена Германией со всех сторон»¹⁶. Единственным вариантом спасения страны журналист считал борьбу за влияние в Центральной Европе. При этом публицист не разделял распространенного в польском обществе убеждения в том, что «чувство немецкой угрозы уже объединило всю Центральную Европу, что все народы сегодня только и смотрят на Польшу и что вообще мы являемся державой, сильной пятой опирающейся на междуморье Балтика — Адриатика — Черное море»¹⁷. В своей внешней политике республике предстояло вдохновляться идеалами средневековой Польши под правлением династии Ягеллонов. Главной целью польской дипломатии должен был стать союз Польши с Венгрией и Румынией, выстроенный на основе равноправия всех его участников.

Тема ближайшего политического будущего Польши и Европы дискутировалась и на страницах «Рабочего». В газете целые развороты отводились под международную хронику и сообщения корреспондентов о продвижении немецких войск в Судетах, действиях Чехословакии и вводе польских войск в пределы Тешинской Силезии. Однако первые серьезные аналитические материалы появились только спустя неделю после Мюнхена и официального согласия Чехословакии на польский ультиматум. В статье «Свет и тени» один из лидеров ППС Адам Прухник заявил, что газета «не закрывает якобы глаза» на происходящие события. Признавая присоединение Тешинской Силезии «актом безоговорочной исторической справедливости»¹⁸, ведущий публицист газеты сосредоточился на негативных последствиях Мюнхенских соглашений. По его словам, был создан опасный прецедент, когда несколько великих держав определяют между собой судьбу других государств, ставя их перед фактом своих решений.

Однако главной опасностью стало то, что Польша оказалась зажата в геополитических тисках между Германией и советской Россией. Если раньше на западной границе помимо Германии располагались сильная Чехословакия и Австрия, то теперь, после Аншлюса и Судетского кризиса, Польше придется граничить с резко усилившейся Германией. Такое соседство, допуская возможность гипотетической договоренности нацистской Германии с СССР, являлось именно той «угрозой», о которой сейчас «должны думать»¹⁹. Любопытно, что восточная граница рассматривалась публицистом как менее опасная по сравнению с западной, поскольку поляков отделяет «от этнографической России» вал «народов балтийских, белорусы, украинцы, румыны»²⁰. Признавая, что эта преграда имеет пока преимущественно «этнографический» характер, обозреватель газеты предположил, что, если бы ее «удалось заменить на политический вал, на цепь государств, связанных с нами дружбой, ситуация на востоке в будущем перестала бы быть угрожающей»²¹. С учетом крайне опасного усиления нацистской Германии в основную повестку дня польской дипломатии должна была попасть задача по сохранению суверенитета Чехословакии. В противном случае Чехословакия будет разделена, а ее остатки станут вассалами Германии, что, по мнению публициста, уже не раз случалось в чешской истории. В публицистике газеты резко негативно оценивались сами Мюнхенские соглашения, которые в одной из статей получили наименование «фашистского Версаля», который полностью разрушил всю прежнюю политическую систему в Европе и сделал почти невозможным установление «союза Запада с Центральной и Восточной Европой»²². Развернутой внешнеполитической программы публицисты не предлагали, но при очевидно анти-

германской тональности заметок и статей в газете можно заметить приязненное отношение к идее польско-румынско-венгерского союза. По крайней мере, в статье «Политический мистицизм» Павел Хулька-Ласковский считал, что Германия «неприязненно смотрит на возможность блока»²³ этих государств Центральной Европы. Уже спустя месяц после Мюнхена неоднократно высказывалась идея о стремлении нацистской Германии реализовать подконтрольный ей политический проект «Срединной Европы», который бы предусматривал создание в перспективе украинского государства, недопущение польско-венгерского союза в интересах создания единой границы, превращение Румынии и остальных стран Центральной и Юго-Восточной Европы в рынок сбыта и ресурсов для германской экономики²⁴.

Таким образом, польские территориальные претензии к Чехословакии не вызвали протестов у ведущих польских газет, невзирая на взаимные идеологические разногласия и критическое отношение к властям. Присоединение Тешинской Силезии безоговорочно рассматривалось как восстановление исторической справедливости. Не было также разногласий на предмет понимания того, что Мюнхен стал очевидным доказательством распада прежней системы международных отношений. Однако в прессе по-разному трактовались политические последствия Мюнхена.

В случае консервативного «Слова» главной целью польской внешней политики в условиях чехословацкого кризиса считалось не столько территориальное расширение, сколько необходимость создания польско-венгерской границы за счет присоединения к Венгрии Подкарпатской Руси. Общая граница стала бы одним из первых шагов, направленных на быстрое создание польско-венгерской конфедерации, способной играть на равных с великими европейскими державами, особенно с резко усилившейся Германией. Сторонники поиска компромисса с Германией в редакции консервативного «Слова» отдавали себе отчет в том, что сама по себе Польша утратила шанс на равноправные двусторонние отношения. При этом резко критиковавший Чехословакию за ее просоветскую ориентацию издатель «Слова» не желал полного уничтожения чехословацкого государства.

Идея польско-венгерского объединения пользовалась поддержкой и в кругах польских национал-демократов. Однако ими полностью отменялась идея политического компромисса с нацистской Германией. В прессе национально-демократического лагеря с тревогой отмечали стремительный рост политического влияния Третьего рейха в Центрально-Восточной Европе. Для противодействия немецкой гегемонии теории национал-демократии выдвигали проект польско-венгерско-

румынского блока, который стал бы новой редакцией правления династии Ягеллонов в странах Центральной Европы во второй половине XV — первой четверти XVI вв.

Аффилированная с римско-католической церковью печать акцентировала необходимость сохранения Чехословакии в целях совместного противодействия усилению немецкого влияния в регионе. Раздробление Чехословакии по национальному признаку за исключением удовлетворения претензий немецких, польских и венгерских меньшинств не приветствовалась близкой к церковным кругам интеллигенцией.

В первые недели после Мюнхена левая пресса допускала возможность выстраивания между Польшей и Чехословакией прочного политического союза, без которого в ближайшем будущем Чехословакию ожидает поглощение со стороны нацистской Германии. По всей видимости, не критиковалась и идея центральноевропейской интеграции на антигерманской основе.

Наблюдение за политикой Франции и Великобритании относительно Чехословакии в Мюнхене сделало популярной идею о противопоставлении германскому влиянию на востоке путем объединения государств Центрально-Восточной Европы. Последнее не отменяло надежд на союзнические отношения с Францией. Однако почти никто на страницах рассмотренных выше изданий не ставил вопроса об интересах и готовности иных стран Центрально-Восточной Европы к интеграции с Польшей.

Массовое одобрение в Польше инкорпорации Тешинской Силезии, подогреваемое официальной печатью, принесло на некоторое время широкую популярность правительству. Это позволило выиграть досрочные парламентские выборы в ноябре 1938 г. При этом национал-демократический лагерь, польские социалисты бойкотировали выборы в сейм, что ослабляло их возможности по влиянию на общественное мнение и доведению своей точки зрения до лидеров режима санации. На жесткую критику внешней и оборонной политики главным редактором виленского «Слова» правительство ответило его арестом 22 марта 1939 г. Мацкевич был наказан краткосрочным заключением на 17 дней в лагерь «изоляции» в Березе. Однако этим жестом уже нельзя было исправить ни ликвидации Чехословакии, ни появления подконтрольной Берлину Словакии, ни прогерманской ориентации Венгрии. Можно сказать, что дискутируемые на страницах печати идеи не смогли оказать существенного влияния на внешнеполитическую линию государства. Только нежелание превращаться в сателлита нацистской Германии и некоторые иллюзии на предмет значения страны в системе международных отношений объединяли правительственный лагерь и многочисленных оппонентов режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Cat Śląsk zaolzański, czy wspólna granica z Węgrami // Słowo. 1938. № 270 (5189). 2 października. S. 1.
- ² Czesi i Polska // Myśl Narodowa. 1938. № 44. 9 października. S. 670.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Niedziałkowski M. Polska i Czechosłowacja // Robotnik. 1938. № 278. 2 października. S. 1.
- ⁵ Uwaga redakcji Głosu narodu // Głos narodu. 1938. № 270. 2 października. S. 1.
- ⁶ Cat Właściwa rola marsz. Smigłego-Rydza // Słowo. 1938. № 249 (5173). 10 września. S. 1.
- ⁷ Cat Czechosłowacja, jako kłamra francusko-sowieckiego sojuszu // Słowo. 1938. № 265 (5189). S. 1.
- ⁸ Cat Właściwa rola marsz. Smigłego-Rydza // Słowo. 1938. № 249 (5173). 10 września. S. 1.
- ⁹ Cat Notatki polemiczne // Słowo. 1938. № 260 (5184). 22 września. S. 1; Cat Wspólna granica z Węgrami // Słowo. 1938. № 262 (5186). 23 września. S. 1; Cat Śląsk zaolzański, czy wspólna granica z Węgrami // Słowo. 1938. № 270 (5189). 2 października. S. 1.
- ¹⁰ J. P. «Wspólna granica» Polski z Węgrami // Głos narodu. 1938. № 267. 29 września. S. 1.
- ¹¹ Romer A. Wobec trudnego dylematu // Głos narodu. 1938. № 260. 22 września. S. 2
- ¹² J. P. Co się zmieniło w Europie? // Głos narodu. 1938. № 272. 4 października. S. 1.
- ¹³ Romer A. O nowy układ na gruzach traktatów // Głos narodu. — 1938. — № 276. 8 października. — S. 1.
- ¹⁴ Frycz K. S. Węgry a Polska // Myśl Narodowa. 1938. № 48. 6 listopada. S. 734.
- ¹⁵ J. Ba. W obliczu dziejowych zapasów // Myśl Narodowa. 1938. № 49. 13 listopada. S. 753.
- ¹⁶ Frycz K. S. Na widowni // Myśl Narodowa. 1938. № 51. 27 listopada. S. 789.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Próchnik A. Blaski i cieni // Robotnik. 1938. № 287. 11 października. S. 4.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Ibidem.
- ²² J. M. B. Rozejrzmy się w chaosie europejskim! // Robotnik. 1938. № 298. 20 października. S. 4.
- ²³ Hulka-Laskowski P. Polityczny mistycyzm // Robotnik. 1938. № 308. 29 października. S. 4.
- ²⁴ Lessel R. Problem Europy Środkowej // Robotnik. 1938. № 312. 2 listopada. S. 3.

МЮНХЕН-1938 В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЕНГРИИ (1938)

Олег Казак

Согласно Трианонскому мирному договору, заключенному 4 июня 1920 г. между странами-победительницами в Первой мировой войне и побежденной Венгрией, последняя лишалась более 70 % территории и 64 % населения. В состав Чехословакии были переданы территории Словакии и Подкарпатской Руси. Претензии к Праге в повестке дня Будапешта сохранялись весь межвоенный период. Венгрия активно искала союзников для политики реванша. Аргументы для нее сформулировали венгерские интеллектуалы. В кризисный 1938 г. появился ряд работ, авторы которых рассматривали перспективы трансформации Чехословацкого государства. Изучение и творческое переосмысление наследия венгерских интеллектуалов межвоенного периода полезно как для историков, так и для современных исследователей процессов национально-территориальных трансформаций в Центральной Европе.

* * *

После прихода к власти Адольфа Гитлера Германия начала планомерные действия по ревизии Версальской системы. В планах, связанных с расчленением Чехословакии, Гитлер отводил значительную роль Венгрии. По расчетам рейхсканцлера Германии, возможный венгерско-чехословацкий вооруженный конфликт стал бы поводом для немецкого военного вмешательства. Однако, в ходе переговоров в ноябре 1937 г. и августе 1938 г. венгерская сторона отклонила идею Берлина о прямом

военном столкновении с Чехословакией¹. Гитлер вместо полного ее расчленения для начала вынужден был довольствоваться присоединением к Третьему рейху Судетской области — северо-западного региона Чехословакии, где преобладало немецкое население. Данное решение было закреплено в Мюнхенском договоре 29—30 сентября 1938 г. В дополнении к нему шла речь о том, что венгерское и чехословацкое правительства должны были прийти к согласию в спорных вопросах, касавшихся положения венгерского меньшинства.

Будапешт уделял большое внимание не только дипломатической деятельности, но и подготовке общественного мнения к ревизии послевоенного мироустройства. В 1927 г. была образована Венгерская ревизионистская лига (руководитель — писатель Ференц Герцег), целью которой являлась пропаганда необходимости «справедливого» пересмотра трианонских границ Венгрии. В этом же году был основан крупнейший венгерский ревизионистский журнал эпохи Миклоша Хорти — «Венгерское обозрение» (*Magyar Szemle*). Первым редактором ежемесячного журнала стал премьер-министр Венгрии Иштван Бетлен, которого позже сменил известный историк Дьюла Секфю. С декабря 1938 г. редактором являлся литературовед и лингвист Шандор Эххард. В издании регулярно публиковались аналитические работы венгерских интеллектуалов, придерживавшихся консервативных взглядов. Одной из главных тем являлся национально-территориальный вопрос в межвоенной Европе. Работы историков, политологов, философов, публиковавших свои аналитические статьи в «Венгерском обозрении», отличались достаточно высоким методологическим уровнем. Ученые, в частности, отмечали недопустимость использования современных представлений о национальных общностях при анализе более ранних исторических периодов.

В апреле вышла статья Иштвана Боршоди «О внутренней политике в отношении судетских немцев». Почти за полгода до событий Мюнхена венгерский ученый попытался определить исторические и этнические истоки судето-немецкого ирредентизма [под ирредентизмом понимается общественно-политическое движение, целью которого является воссоединение территории, на которой проживает этническое (национальное) меньшинство, с титульным государством соответствующего этноса (нации)]. По мнению Боршоди, до конца XVII в. среди судетских немцев превалировал «земельный патриотизм», в рамках которого культивировалась идея общей судьбы населения региона (прежде всего немцев и чехов). С начала XVIII в. «земельный патриотизм» в качестве основного фактора самоидентификации судетских немцев сменяется лояльностью монархии Габсбургов².

«Первой вспышкой» идеи принадлежности судетских немцев к немецкой национальной общности, «смертью идеи земельного патриотизма» Боршоди назвал революционный 1848 г. Судетские немцы делегировали своих представителей во Франкфуртский парламент, принявший решение о создании Германской монархии. По мнению автора статьи, этот факт «убедительно доказывал, что судетские немцы чувствовали себя неразделенной частью немецкого народа». Мощный удар по идее «земельного патриотизма» нанесло послание Франтишка Палацкого Франкфуртскому национальному собранию от 11 апреля 1848 г. В нем чешский историк и политический деятель «от имени чешского народа отверг план немецкой национальной империи и, ссылаясь на естественное право, считал невозможным, чтобы чехи принесли в жертву собственную народную самобытность и служили другому народу»³.

В Первой Чехословацкой республике статус судетских немцев деградировал до положения национального меньшинства, но именно в этот период произошла окончательная консолидация национальной общности. По замечанию автора статьи, до 1918 г. между немецким населением различных исторических регионов чешских земель имелаась «определенная духовная дистанция». Преодолению этой дистанции на протяжении 1920–1930-х гг., по мнению Боршоди, способствовал ряд факторов: экономические сложности, наличие харизматического лидера — Конрада Генлейна, фактор Третьего рейха и др. Главным же основанием консолидации судето-немецкой общности автор считал недальновидную политику властей Чехословакии в национальном вопросе. Ученый подчеркивал, что Томаш Масарик, Эдвард Бенеш в деле построения «национального государства» отвергли свои же обещания автономии и широких свобод для представителей национальных меньшинств, называли политиков, которые требовали этих свобод, «деструктивными идеалистами», «отвергли демократический реализм меньшинств, борющихся за свое национальное существование» и превратили декларируемый «демократический строй в фикцию»⁴.

Результатом такой политики стал успех на парламентских выборах 1935 г. Судетско-немецкой партии Генлейна, которая в регионах с немецким населением получила больше голосов, чем любая из «чехословацких» партий. Тех представителей немецких партий, которые, в отличие от Генлейна, после выборов вошли в состав правительства, Боршоди уличал в попытках спекуляции на идее «земельного патриотизма», элементы которой сохранялись у незначительной части судетских немцев⁵. Автор аналитического материала считал необоснованными обвинения приверженцев Генлейна в желании «не просто расколоть Чехословакию, а предоставить всю ее территорию Берлину»⁶ (в конечном счете

партия Генлейна стала одним из важнейших инструментов осуществления Третьим рейхом именно такого сценария). В заключении статьи Боршоди отметил, что Прага выступает против «чаяний меньшинств, идеи автономии», которая предусматривает трансформацию Чехословакии в «государство национальностей по закону и справедливости»⁷.

Ряд аналитических материалов, посвященных проблеме трансформации чехословацкой государственности и ревизии трианонских границ, был опубликован в ноябрьском выпуске «Венгерского обозрения». Авторы работ позитивно восприняли Мюнхенское соглашение, которое среди прочего предусматривало необходимость решения Прагой национально-территориальных проблем венгерского меньшинства. Часть статей была подготовлена еще до Первого Венского арбитража 2 ноября 1938 г. (в результате него Венгрия получила южные регионы Словакии и Подкарпатской Руси площадью в почти 12 тыс. км² с более чем миллионным населением). Остальные статьи — после осуществления данного международно-правового решения.

В статье Лайоша Гоголака «Фелвидек: земля и история» (Фелвидек — дословно — «Верхний край», области на севере и северо-востоке Венгерского королевства, по Трианонскому мирному договору переданные Чехословакии) данный исторический регион рассматривался как место особого взаимопроникновения культур венгров, словаков, немцев, русинов, которое на протяжении веков сохраняло свой «венгерский дух». Автор обращал внимание на многочисленных представителей венгерской знати, имевших словацкие корни или словацкие фамилии. По мнению Гоголака, «венгерская знать не была закрытым отдельным классом, в ней не было национального и лингвистического разделения в современном смысле слова»⁸. Венгерская знать, по убеждению автора, поддерживала зарождавшуюся словацкую литературу. Тесно переплетались венгерские и словацкие традиции, уклады жизни также в средних и низших социальных слоях региона. Не случайно в словацкой народной культуре, коллективной памяти сохранились предания о восстании Ференца II Ракоци⁹. Гоголак особое внимание уделил характеристике деятельности Матьяша Бела (1684—1749), сына словака-мясника и венгерской дворянки, воспитанного на «латино-венгерско-немецкой грамотности», посветившего свою жизнь Венгрии и «объединившего венгерское историческое чувство и традиции венгерского дворянства с заботой о словацких духовных традициях»¹⁰. Матьяш Бел являлся автором фундаментального энциклопедического труда «Новое историко-географическое описание Венгрии», первого сборника документов по истории Венгрии и первого учебника венгерского языка. Одним из первых он выдвинул идею создания Венгерской академии наук¹¹. Творческий путь

Бела позиционировался Гоголаком в качестве наглядной иллюстрации «общей судьбы» населения Фелвидека.

Гоголак называл Фелвидек «живым примером идеи хунгаризма»¹². Концепция «нового хунгаризма», главными разработчиками которой являлись влиятельнейшие венгерские политики Иштван Бетлен и Пал Телеки, была активно представлена на страницах «Венгерского обозрения». В основе концепции лежало признание права каждой общности на национальное самосознание и получение национальной автономии¹³. Позже концепция хунгаризма была по-иному интерпретирована лидером фашистской Партии скрещенных стрел Ференцем Салаши. Его идея «Хунгаристского рейха» базировалась на принципе венгерского национализма с признанием некоторых культурных прав лояльных представителей национальных меньшинств. «Хунгаристский рейх» рассматривался в качестве равного партнера в «сообществе националистической Европы». При этом Салаши являлся идейным противником лидера Венгерской национал-социалистической партии Фиделя Палфи, который выступал за построение национального венгерского государства исключительно для «расовых венгров»¹⁴.

Возникновение национальных движений в XIX в., по мнению Гоголака, положило конец эпохе «архаичной доброжелательности», «традициям общего венгерско-словацкого духа». Взамен этого возникли «безжалостные национальные и языковые конфликты», которые после образования Чехословацкой Республики стали подогреваться «чехословацкими националистическими выскочками». Произошло жесткое национальное разделение словаков и венгров, концепция «общего дома», «потребностей родной земли» становилась все более маргинальной. По мнению Гоголака, «стало трудно оставаться венгром по чувству, а не по языку»¹⁵. Славянская концепция «естественного народного права» и венгерская концепция «исторической родины» стали противоречить друг другу. В этих условиях, на взгляд автора статьи, венгры Фелвидека были вынуждены прибегнуть к «спасительной идее венгерской универсальности», к осознанию своего единства с венграми иных исторических регионов¹⁶. «Чудесный старый мир», «общий мир для венгров, словаков, немцев» в последний раз был запечатлен на страницах произведений Миксата Кальмана (1847–1910), уроженца местечка Склабоня¹⁷ (сегодня — район Вельки-Кртиш, Банскобистрицкий край, Словакия). Гоголак выражал надежду, что после возвращения Фелвидека Венгрии в регионе будет восстановлена межнациональная и межкультурная гармония¹⁸.

«Общей судьбе» венгров, словаков и русинов Фелвидека была посвящена статья Эндре Моравека, также вышедшая в ноябрьском выпуске

«Венгерского обозрения». На взгляд автора, три народа были «на протяжении веков связаны биологическими, духовными и историческими узами». Искусственный разрыв этих связей, вызванный образованием чехословацкого государства, привел к значительному ухудшению экономического положения венгров, словаков и русинов¹⁹. Моравек, как и Гоголак, апеллировал к идее «хунгаризма»: «Венгры более тысячи лет поддерживали идею свободного развития народов, живущих в Дунайском бассейне, веками защищали их процветание»²⁰. По мнению публициста, чехословацкая пропаганда на протяжении 20 лет пыталась разрушить органичную идею «венгерско-словацко-русинского братства». Для этого пражскими идеологами была «изобретена чехословацкая нация», частью которой объявили словаков. Сущность решения Прагой русинского вопроса Моравек видел в следующем: чехословацкие власти наряду с декларацией лозунгов «славянского братства» склоняли восточно-славянское население к принятию чуждой им русской или украинской идентичности²¹.

Моравек назвал два основных аргумента чехословацкой пропаганды. Во-первых, идеологи чехословацкого государства в межвоенный период подчеркивали, что «в еще феодальной Венгрии вся власть принадлежала олигархам, которые относились бы к русинам и венграм как к крепостным и жестоко эксплуатировали бы их» в случае присоединения Фелвидека к Венгрии. Другой «пропагандистский миф» (в трактовке Моравека) гласил, что Венгрия никогда не признавала права на самоопределение народов, живущих на ее территории. В результате подобного рода пропаганды в общественном мнении большинства европейских стран закрепился образ Венгрии как «забытого реакционного острова»²². Автор статьи признавал, что в начале XX в. имели место проявления венгерского национализма (популярное выражение некоторых чиновников «говорите по-венгерски, если едите венгерский хлеб»), однако их масштаб был во много раз преувеличен чехословацкими учеными и публицистами²³. Моравек подчеркивал необходимость «выбить почву из-под ног» антивенгерских пропагандистов. Для этого следовало провести справедливую аграрную реформу, решить иные острые социальные проблемы в Венгрии. Требовал решения и национальный вопрос. На взгляд публициста, венгерские власти должны были гарантировать всем народам право на свободное культурное и хозяйственное развитие. Работа государственного аппарата (прежде всего системы образования, прессы) должна была быть нацелена на взаимное сближение венгров, словаков и русинов²⁴.

Проблеме исторических судеб венгров Фелвидека была посвящена статья Яноша Олведи. Политика Праги трактовалась автором как «псев-

додемократическая»: при формальном наличии всех демократических институтов правительственные мероприятия в социальной, хозяйственной, культурной, политической сферах были направлены на «реализацию единственной цели — поглощение венгерской национальности, ее медленное устранение»²⁵. Основным методом данной политики, по мнению Олведи, заключался в «пролетаризации венгров Фелвидека, лишении их среднего класса и интеллектуальных лидеров»: «Пражская политика, направленная на венгерскую крестьянскую и рабочую общность, лишенную слоя интеллектуалов, могла легче достичь своей цели — ассимиляции венгров»²⁶. Олведи сообщал о 103 тыс. венгров (преимущественно представителей интеллигенции и духовенства), которые покинули Фелвидек в первое десятилетие чехословацкой власти в результате ассимиляторской политики Праги²⁷.

Автор статьи считал, что на протяжении 1920–1930-х гг. «из фрагментированного, почти атомизированного венгерского общества складывалась новая социальная единица»: «Из нижних слоев крестьянства, рабочих и потомков старого среднего класса начала формироваться новая интеллектуальная элита, которая постепенно восстанавливала нарушенный социальный баланс»²⁸. В результате в Фелвидеке возникло «венгерское национальное сообщество, лишенное классового деления»²⁹. Социальная структура Фелвидека существенно отличалась от социальной структуры трианонской Венгрии, в которой классовые интересы отдельных групп населения играли первостепенную роль. По мнению Олведи, возвращение Фелвидека требовало от венгерских властных элит кропотливой работы по переустройству государства на принципах «национального единства» (устранение классовых противоречий для сплочения венгерской нации)³⁰.

Аналитическая статья Габора Дараша была посвящена истории русинского вопроса. Автор подчеркивал, что под властью Венгрии «русины сохранили свой древний родной язык намного лучше, чем в двадцатилетний период вавилонского смешения языков под чешской оккупацией»³¹. По мнению Дараша, до Первой мировой войны массовой мадьяризации русинского населения не проводилось: большая часть населения не посещала школы и «была озабочена исключительно поиском средств к существованию»; русины, выучившие венгерский язык и получившие хорошее образование во внутренних районах Венгерского королевства, «сохраняли свои древние традиции» и в будущем могли стать лидерами «русинского возрождения»³².

Мероприятия венгерских властей в начале XX в. (более активное использование венгерского языка в образовательной сфере, попытки замены кириллицы латинским алфавитом, судебные процессы против

русинов, перешедших в православие и др.) Дараш рассматривал в качестве оправданных защитных мер от угрозы «российской агрессии». Он придерживался популярной в венгерской историографии того времени точки зрения, согласно которой русофильское движение в Подкарпатской Руси существовало исключительно за счет средств Санкт-Петербурга³³. В исторических сочинениях того времени всячески преуменьшалось значение традиционных панславистских настроений русинской интеллигенции.

Значительная часть работы Дараша была посвящена анализу положения русинского населения в рамках чехословацкого государства. Автор представил стандартный набор претензий к официальной Праге. В частности, власти Чехословакии обвинялись в искусственной поддержке русофильских и украинофильских общественных движений, чехизации системы образования, нежелании предоставить Подкарпатской Руси обещанную автономию и изменить административные границы таким образом, чтобы все русины проживали в одной провинции (значительная часть русинского населения проживало в восточной части Словакии)³⁴. Данные аргументы в межвоенный период активно использовали венгерские ревизионистские издания, а также венгерские дипломаты и общественные деятели из числа мадяронской русинской диаспоры в Америке для доказательства нежелания Праги удовлетворить национально-культурные запросы русинского населения³⁵.

Таким образом, провластные интеллектуалы хортистской Венгрии позитивно оценивали факт подписания Мюнхенского соглашения, рассматривали этот международный документ в качестве правовой основы ревизии трианонских границ и «возвращения» к Венгрии Фелвидека и Подкарпатской Руси. Следует отметить, что официальная Прага своей политикой в отношении национальных меньшинств в межвоенный период сама готовила почву для ревизионистской пропаганды в Венгрии. Аналитические работы в издании «Венгерское обозрение» отличались определенной тенденциозностью. Их авторы при рассмотрении эволюции национальных общностей исторической Венгрии не уделяли должного внимания процессам мадяризации, с разной интенсивностью проводившейся вплоть до окончания Первой мировой войны.

Прогнозы венгерских интеллектуалов о «взвешенной и гармоничной» национальной политике Венгрии после ревизии трианонских границ не оправдались. Национальная политика венгерских властей на «возвращенных» территориях в 1938 — 1944 гг. отличалась жесткостью, вопреки массированной пропаганде идеи «общей судьбы» народов Карпато-Дунайского бассейна была направлена на ассимиляцию представителей невенгерских национальностей³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Редкол. М. Вегеш, Ч. Фединець. Ужгород, 2010. С. 183–184.
- ² *Borsody I.* Aszudétanemetekbelső politikája // Magyar Szemle. Április 1938. O. 310–311.
- ³ Ibidem. O. 312.
- ⁴ Ibidem. O. 313–319.
- ⁵ Ibidem. O. 316–318.
- ⁶ Ibidem. O. 315.
- ⁷ Ibidem. O. 319.
- ⁸ *Gogolak L.* A Felvidék: a táj és a történelem // Magyar Szemle. November 1938. O. 211–216.
- ⁹ Ibidem. O. 216.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 148.
- ¹² *Gogolak L.* Op. cit. O. 216.
- ¹³ *Tilkovszky L.* Nationalitäten-politische Richtungen in Ungarn in den Gegenrevolutionären Epoche (1919–1945). Budapest, 1975. S. 12.
- ¹⁴ Ibidem. S. 18–19.
- ¹⁵ *Gogolak L.* Op. cit. O. 217.
- ¹⁶ Ibidem. O. 218.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibidem. O. 218–219.
- ¹⁹ *Moravek E.* Magyar-Szlovák-Ruszin sorsközösség // Magyar Szemle. November 1938. O. 222.
- ²⁰ Ibidem. O. 221.
- ²¹ Ibidem. O. 222–223.
- ²² Ibidem. O. 223.
- ²³ Ibidem. O. 224–225.
- ²⁴ Ibidem. O. 227–229.
- ²⁵ *Ölvedi J.* Mit hoz a felvidéki Magyarság? // Magyar Szemle. November 1938. O. 232–233.
- ²⁶ Ibidem. O. 234.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibidem. O. 235.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibidem. O. 235–236.
- ³¹ *Darás G.* A félszázados ruszin nacionalizmus // Magyar Szemle. November 1938. O. 254.
- ³² Ibidem. O. 254–255.
- ³³ Ibidem. O. 255–256.

³⁴ Ibidem. O. 258–261.

³⁵ *Казак О. Г.* Русинский вопрос в венгерской ревизионистской политики межвоенного периода // Актуальные проблемы российской провинции: вызовы современности. Брянск, 2017. С. 32–39.

³⁶ *Tilkovszky L.* Nemzetiség és magyarság. Nemzetiségpolitika Magyarországon Trianontól napjainkig. Budapest, 1994. 164 o.; *Tilkovszky L.* Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941). Budapest, 1967. 349 o.; *Waters L. M.* Resurrecting the Nation: Felvidek and the Hungarian Territorial Revisionist Project, 1938–1945: A dissertation... Doctor of Philosophy in History. Los Angeles, 2012. 235 p.; *Simon A.* Magyar idők a Felvidéken (1938–1945). Az első becsi döntés és következményei. Budapest, 2014. 247 o.; *Brenzovics L.* Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939–1944. Ungvár, 2010. 204 o.; *Fedinec C.* «A magyar szent koronához visszatért Kárpátalja» 1938–1944. Budapest, 2015. 240 o.

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР 1938 г. КАК КАТАЛИЗАТОР НАСИЛЬСТВЕННОЙ УКРАИНИЗАЦИИ РУСИНОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Кирилл Шевченко

Одним из существенных, но малоизвестных отечественному читателю аспектов Мюнхенского сговора являлось его разрушительное воздействие на самую западную историческую часть Русского мира — Подкарпатскую Русь, входившую в 1919—1939 гг. в состав Чехословакии. Доминировавшая в Подкарпатской Руси в течение всего межвоенного периода карпато-русская интеллигенция придерживалась триединой концепции русского народа, считая коренное восточно-славянское население края — карпатских русинов — составной частью единого русского народа. Однако после Мюнхенского сговора, превратившего Чехословакию в бессильный придаток нацистского рейха, влияние Германии в Подкарпатской Руси резко возросло, выразившись, прежде всего, в активной поддержке украинского движения в подкарпатском регионе со стороны Берлина. Развязанная украинскими националистами под покровительством нацистской Германии кампания насильственной украинизации карпатских русинов, сопровождавшаяся массовыми репрессиями в отношении местной карпато-русской общественности и русофилов, стала одной из наиболее мрачных и трагических страниц в истории карпатских русинов. Мюнхенский сговор, таким образом, стал сокрушительным ударом не только по молодой чехословацкой государственности, но и по западным рубежам исторически сложившегося Русского мира, представленного Подкарпатской Русью, которая после Мюнхена исчезла с политической карты Европы.

Поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне и ее распад осенью 1918 г. привели к вхождению исторических земель Угорской Руси, ранее являвшихся частью Венгрии, в состав новорожденной Чехословакии под названием Подкарпатской Руси, что было закреплено в Сен-Жерменском мирном договоре 1919 г. Исторически сложившейся этнокультурной особенностью карпатских русинов, ставших в 1919 г. частью Чехословакии, было доминирование среди местной русинской интеллигенции общерусской идентичности, отличительной чертой которой являлась трактовка карпатских русинов как составной части единого русского народа «от Карпат до Камчатки» в составе великороссов, малороссов и белорусов. Убежденными сторонниками и пропагандистами концепции триединого русского народа были крупнейшие карпато-русские «будители» XIX в. Александр Духнович и Адольф Добрянский, которые, являясь принципиальными противниками украинского движения в Галиции, предопределили вектор последующего этнокультурного развития карпатских русинов. Примечательно, что первые проявления политической активности карпатских русинов в ходе Первой мировой войны были ориентированы на вхождение русинских земель Угорской Руси и Галиции в состав России. Карпато-русская пресса Северной Америки в ходе Первой мировой войны активно выступала за воссоединение земель «Подъяремной Руси» с Россией, трактуя это как восстановление исторической справедливости¹. Однако революционные потрясения и Гражданская война в России, а также геополитические интересы Антанты предопределили чехословацкий сценарий решения вопроса о политической судьбе Карпатской Руси.

Русинское население Подкарпатской Руси сочло целесообразным послать президенту Чехословакии Томашу Гарригу Масарику 10 февраля 1920 г. пространный меморандум, четко обозначив цивилизационные и культурные приоритеты карпатских русинов. «Наш русский народ, окруженный чужими, большей частью враждебно относящимися к нему народами, жил у подножия Карпат... русской культурой и христианской верой, поддерживаемый непоколебимой верой в лучшее будущее, ожидаемое им с Востока, от его брата, Русского великана, — говорилось в меморандуме депутации крестьянского сословия Подкарпатской Руси. — Наш народ не переставал надеяться, что рано или поздно он непременно должен слиться хотя бы культурно со своим могучим братом, родным ему по языку и вере. Эта чистосердечная мысль культурного единства с великим русским народом спасала нас до начала войны от полного народного ослабления»².

Однако национальная политика Праги вскоре вызвала разочарование карпато-русской интеллигенции и населения. Во-первых, официальные власти Чехословакии под различными предлогами затягивали выполнение своего обещания о предоставлении русинам широкой автономии, нарушая тем самым положения не только Сен-Жерменского мирного договора, но и Конституции Чехословакии 1920 г. Во-вторых, на протяжении 1920-х гг. чехословацкие власти энергично способствовали политике «мягкой украинизации» карпатских русинов, поддерживая в силу различных политических соображений украинизаторскую деятельность в Подкарпатском регионе эмигрантов из Галиции в сфере культуры и образования.

Популярный в Подкарпатской Руси журнал «Карпатский свет», орган русофильского Общества имени Духновича, указывая на решающую роль чехословацких правительственных структур в развитии украинского движения в регионе, отмечал в 1931 г., что украинское движение было создано на Подкарпатской Руси искусственно, благодаря широкой моральной и материальной его поддержке со стороны некоторых высших инстанций. Симптоматично в этой связи, что один из главных проводников проукраинской политики Праги в Подкарпатском регионе в начале 1920-х гг. Петр Эренфельд после своей отставки с поста вице-губернатора Подкарпатской Руси в ноябре 1923 г., отвечая на упреки своих оппонентов в исключительной поддержке только украинского направления в крае, ссылаясь на получение от чехословацкого правительства «прямого приказа» в этом вопросе, который он последовательно претворял в жизнь.

Русофильская пресса Подкарпатской Руси часто упрекала чехословацкие власти в щедрой финансовой поддержке украинских культурно-просветительских и образовательных проектов и в проукраинской кадровой политике в сфере образования на территории Подкарпатя, высказывая мысль о том, что без подобного содействия украинское движение в этом регионе не имело бы шансов на успешное развитие. «На Подкарпатской Руси голод, а правительство вместо того, чтобы побольше заботиться о голодающих, миллионы выбрасывает на украинизацию Подкарпатской Руси. “Просвита” уже третий миллион получает, а голодающий русский народ с отчаянием просит помощи»³, — писал в августе 1932 г. ужгородский «Карпаторусский голос», критикуя щедрую финансовую поддержку украинского культурно-просветительского общества «Просвита» со стороны правительства.

Любопытно, что «Просвита» стала объектом особой опеки и поддержки чехословацкого руководства буквально с момента своего создания. В роли всемогущего лоббиста «Просвиты» иногда выступал

сам президент Масарик. Так, в своих заметках о положении в Подкарпатской Руси в мае 1921 г. Масарик в числе требуемых мер в данном регионе специально упоминал о необходимости более весомой финансовой поддержки «Просвиты», констатируя, что правительство выделило ему 25 000 [чехословацких крон], но «им необходимо 200 000»⁴.

Проукраинские позиции занимали такие влиятельные в межвоенной Чехословакии политические силы, как социал-демократы и католическая народная партия; при этом более консервативная часть политического спектра Чехословакии симпатизировала русофилам⁵.

Некоторые чехословацкие политики обращали внимание официальной Праги на потенциальную опасность украинского движения для Чехословакии. В письме президенту Масарику 29 января 1931 г. лидер национальных социалистов и заместитель председателя сената ЧСР Вацлав Клофач указывал на традиционное германофильство украинского движения и его растущий ирредентизм. В качестве иллюстрации своих опасений он прилагал к своему письму популярную среди украинской диаспоры в Чехословакии открытку с картой будущей Украины. Изображенная на открытке карта будущей Украины отражала изрядные территориальные аппетиты украинских идеологов, охватывая всю Подкарпатскую Русь, восточную Словакию и простираясь от городов Кошице и Перемышль на Западе до Волги и отрогов Северного Кавказа на востоке и юго-востоке⁶.

В 1930-х гг. после прихода к власти в Германии нацистов, когда украинское движение стало заметно радикальнее, обнаружив тесные связи с Берлином, чехословацкие власти пересмотрели свою политику в Подкарпатской Руси, сделав ряд уступок представителям русофильского движения и русинофильской ориентации, трактовавшей местных русинов как отдельный восточнославянский народ. Однако украинское движение к этому времени уже пустило довольно глубокие корни в Подкарпатской Руси, что проявилось в ходе трагических событий 1938–1939 гг.

* * *

Общее резкое обострение ситуации в Чехословакии в сентябре 1938 г. в связи с судето-немецким кризисом коснулось и самой восточной чехословацкой провинции. Соперничество между традиционным карпато-русским направлением среди местных русинов и украинским движением в Подкарпатской Руси стало приобретать все более конфликтные формы. Представители чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси стремились по возможности разрядить обстановку в регионе.

Выступая на съезде студентов в Мукачево 10 сентября вице-губернатор Подкарпатской Руси Ярослав Мезник заявил, что противоречия между русским и украинским направлениями «не являются проблемой только подкарпатских русинов, это старая проблема огромного стомиллионного русского национального организма... Данная проблема представляется не племенной или расовой, но чисто идеологической. Подкарпатские русины относятся к малорусской этнической группе. Можно дискутировать об идеологической основе как русской, так украинской и так называемой местной национально-культурной ориентации...»⁷.

Характеризуя современное ему положение в Подкарпатской Руси, Мезник подчеркивал, что противоречия между русским и украинским движением в подкарпатском регионе «приобрели острые и нежелательные формы. Возникла борьба, в которой обе стороны обвиняют друг друга в некорректности, нелояльности и насилиях»⁸.

По мнению высокопоставленного чехословацкого чиновника, подкарпатским русинам поможет «лояльность и терпимость», которые будут способствовать нахождению «модус вивенди при решении национальной, языковой и политической проблемы, означающей раскол вашего народа, столь слабого как в численном отношении, так и в отношении хозяйственном и культурном»⁹.

Однако представители местного карпато-русского движения не согласились с аргументами Мезника, вступив с ним в полемику. По словам одного из лидеров подкарпатских русофилов Стефана Фенцика, к моменту вхождения Подкарпатя в состав Чехословакии там «не было никакого украинского вопроса. Этот вопрос возник позже в результате недобросовестной политики определенных деятелей, которые были в этом заинтересованы, дабы разделить подкарпаторусский народ и задержать введение автономии. Нам и сейчас неизвестен украинский вопрос, ибо особого украинского народа де факто не существует»¹⁰.

Мюнхенское соглашение до основания потрясло политические основы существования чехословацкой республики, резко активизировав борьбу словаков и русинов за автономию. В результате него, а также последовавшего вслед за ним Венского арбитража Германия, Венгрия и Польша оккупировали почти треть территории Чехословакии, лишив ее наиболее важных в военно-стратегическом и экономическом отношении регионов. В откровенной беседе с полпредом СССР в Праге Александровским министр иностранных дел Чехословакии Камиль Крофта сказал 3 октября 1938 г., что в результате Мюнхенского сговора «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения... Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии»¹¹.

По образному выражению одного чешского публициста, карта послевоенной Чехословакии напоминала «труп, обглоданный гиенами», а население страны превратилось в «ходячих мертвецов, стремящихся исключить реальность из своей повседневной жизни»¹².

Общая деморализация населения Чехословакии, готового к борьбе против германской агрессии, но оставленного своей политической элитой, распространилась и на русинов Подкарпатской Руси. В основной своей массе они также были охвачены патриотическим подъемом и выражали готовность защищать республику от нацистской агрессии с оружием в руках. «Республика и весь народ готовы к обороне. Каждый гражданин сегодня солдат. Всем нам грозит общий враг — немецкий империализм, — писала газета «Русский народный голос» в канун Мюнхенского сговора 28 сентября 1938 г. — ...Подкарпаторусские граждане... идут защищать свой дом, свою семью и свою землю... Карпаторусы не хотят никакого “самоопределения” по рецептам Будапешта, Варшавы или Берлина...»¹³.

Примечательно, что накануне конференции в Мюнхене отношение официальной Праги к вопросу подкарпаторусской автономии и к русофилам Подкарпатя резко изменилось в лучшую сторону. Так, 29 сентября, в день начала работы международной конференции в Мюнхене влиятельный и хорошо информированный орган карпато-русской диаспоры в США «Американский русский вестник» констатировал, что «никогда еще в Чехословакии так хорошо не относились к русским, как теперь. ...В представлении рядового чеха, каждый русский — их союзник. ...Раньше местные власти способствовали украинизации населения, теперь украинофилы лишены всякой поддержки, и их движение сходит на нет»¹⁴.

Характерно, что вернувшиеся из своей поездки в Прагу лидеры Украинской центральной народной рады — руководящего органа украинского движения в Подкарпатье — на своем заседании в Ужгороде 13 сентября 1938 г. под председательством Августина Волошина жаловались на крайне прохладное отношение к ним со стороны руководителей Чехословакии. В частности, они были весьма разочарованы тем, что во время их нахождения в чехословацкой столице они так и не были приняты ни президентом республики Бенешем, ни главой правительства Годжей¹⁵.

Большую роль в организационном оформлении движения за автономию Подкарпатской Руси в 1938 г. сыграл основанный в США известным русинским политиком Алексеем Геровским Карпато-русский союз. Представителям Карпато-русского союза удалось объединить русинских депутатов чехословацкого парламента русофильской ориен-

тации, которые на встрече в Ужгороде 6 июня 1938 г. создали Русский блок, приняв программу действий за достижение автономии. В условиях нараставшего политического кризиса 21 сентября 1938 г. члены Русского блока в чехословацком парламенте направили правительству Чехословакии декларацию, в которой, напомнив о том, что Подкарпатье было присоединено к ЧСР с условием широкого самоуправления, требовали предоставления Подкарпатской Руси давно обещанной автономии.

Первое автономное правительство Подкарпатской Руси, состоявшее в основном из русофилов, было сформировано и приступило к работе 8 октября 1938 г. Данное правительство возглавил лидер влиятельного в регионе Автономного Земледельческого Союза Андрей Бродий, один из ведущих русофильских политиков Подкарпатья. «Карпато-русский народ уже имеет автономию. В правительство нашего автономного края вошло больше русских, чем украинцев, — с удовлетворением отмечал 20 октября 1938 г. орган карпато-русской диаспоры в США «Американский русский вестник». — Мы шлем этому правительству наши искренние пожелания. Просим их, чтобы они справедливо представляли свой народ и чтобы не запродали его каким-нибудь украинцам».¹⁶

Правительство Бродия стремилось к присоединению к Подкарпатской Руси этнически русинских областей Восточной Словакии, что было неприемлемо как для Братиславы, не желавшей терять часть своей территории, так и для Праги, пытавшейся сохранить Словакию в составе единого государства. Кроме того, правительство Бродия противодействовало действиям украинских националистов на территории Подкарпатской Руси.

Однако уже 26 октября 1938 г. при содействии спецслужб нацистской Германии Бродий был смещен и арестован чехословацкими властями по обвинению в сотрудничестве с Венгрией. В ходе обыска в квартире Бродия были обнаружены крупная сумма венгерской валюты и письмо с обещанием официального Будапешта предоставить ему титул барона после возвращения Подкарпатья в состав Венгрии¹⁷.

Важной причиной ареста Бродия было и недовольство Праги его жесткой позицией в вопросе о присоединении к Подкарпатской Руси этнически русинских областей Восточной Словакии, что вызывало раздражение словацких политических деятелей. После смещения Бродия главой правительства Подкарпатской Руси стал греко-католический священник и один из лидеров местных украинофилов Августин Волошин, пользовавшийся открытым покровительством нацистской Германии. Так, в начале ноября 1938 г. в ходе Венского арбитража министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп обещал Волоши-

ну широкую политическую и экономическую поддержку Германского рейха. Сразу после этого Берлин предоставил правительству Волошина финансовую помощь в размере 100 000 рейхсмарок¹⁸.

Отличительной чертой режима Волошина были его оживленные контакты с нацистской Германией, которая всячески популяризировалась и восхвалялась в подконтрольной Волошину прессе; «члены кабинета Волошина периодически консультировались с правительством нацистской Германии либо прямо в Берлине, либо посредством созданного в Хусте германского консульства... Подкарпатская Русь стала частью планов нацистской Германии по политической трансформации Центральной и Восточной Европы»¹⁹.

По сути, формально входившая в состав Чехословакии Подкарпатская Русь при режиме Волошина явочным порядком выходила из-под контроля Праги, одновременно превращаясь в «руку Берлина» в карпатском регионе. Пропагандистский рупор Волошина газета «Новая свобода» постоянно помещала на своих страницах почтительно-подобострастные пропагандистские материалы о Гитлере и Германии, с явным удовольствием отмечая мощь немецкой армии и рост влияния Германии в Европе²⁰.

По свидетельству современников, передачи местного радио начинались с неизменных приветствий Гитлеру и «бабке Волошину»²¹.

Под предлогом противодействия венгерским и польским диверсантам в Подкарпатской Руси резко возросло присутствие в Подкарпатском регионе военизированных структур украинских националистов из соседней Галиции, опираясь на которые Волошин проводил агрессивную кампанию украинизации местного русинского населения. Еще до созыва сейма решением правительства Волошина от 30 декабря 1938 г. наряду с названием Подкарпатская Русь было введено второе официальное название Карпатская Украина. Оно стало постоянно использоваться в официальных документах и в прессе, хотя это противоречило чехословацкому законодательству, поскольку право дать окончательное название региону имел только сейм. В середине ноября члены военизированной организации Карпатская сич, созданной при содействии германских спецслужб, получили официальное разрешение носить униформу. Из галицких военных консультантов был сформирован военный штаб сичевиков в г. Хуст, куда переехало правительство Волошина после оккупации Ужгорода и Мукачево Венгрией. В сущности, на территории Подкарпатской Руси стремительно создавалась система двоевластия, поскольку наряду с действующей чехословацкой администрацией и вооруженными силами (на территории Подкарпатя была расквартирована 12-я чехословацкая стрелковая дивизия), явочным порядком при со-

действии Волошина и его окружения возникали параллельные силовые структуры украинских националистов.

Проводимая режимом Волошина политика насильственной украинизации в регионе, дискриминация русофилов и открытая ориентация на Берлин вызывали категорическое неприятие карпато-русской общественности Чехословакии и Северной Америки. «Украинизация Подкарпатской Руси, произведенная под давлением Германии, далеко не встречает сочувствия в населении Подкарпатья. Оно искони тяготеет к России. Карпатороссы... вовсе не почитают себя украинцами»²², — писал 24 ноября 1938 г. «Американский русский вестник», комментируя положение в Подкарпатской Руси.

Сразу после прихода к власти Волошина, опиравшегося на военизированные формирования украинских националистов, начал раскручиваться маховик репрессий против его политических оппонентов из числа местных русофилов. 20 ноября по приказу Волошина был создан «лагерь Думен у г. Рахов, который управлялся представителями Карпатской Сечи и в котором находились... местные активисты-русофилы, отказавшиеся принять украинскую ориентацию режима Волошина»²³.

Режим наибольшего благоприятствования, предоставленный режимом Волошина украинским националистам, вызывал резкое недовольство большинства местного населения и политических партий, настроенных в основном русофильски. Многие партии обращались в Прагу с требованиями сместить Волошина с поста премьера Подкарпатской Руси. Образованная 14 ноября 1938 г. в Хусте Центральная русская народная рада во главе с активистом карпато-русского движения Василием Караманом протестовала против насильственной украинизации школ, увольнений русофилов из учебных заведений и жаловалась на «украинский террор» и многочисленные эксцессы со стороны украинских националистов. Не добившись своих целей и столкнувшись с растущими репрессиями по отношению к карпато-русским деятелям, глава Центральной русской народной рады Караман был вынужден покинуть Подкарпатскую Русь²⁴.

Русинская пресса США, относившаяся резко негативно к Волошину и к его политике украинизации, отмечала атмосферу всеобщего страха в Подкарпатской Руси. «Русские при встрече молча снимают шляпы и на вопросы отвечают шепотом, оглядываясь. Улицы полны украинскими провокаторами. Во главе всех гимназий ныне украинцы и... в значительной части из Галиции. Местные украинцы считаются недостаточно радикальными, — писал о положении в Подкарпатской Руси при режиме Волошина хорошо информированный «Американский русский вестник». — Первым актом правительства Волошина и Ревая было не-

гласное учреждение концентрационных лагерей. Они... населены русскими людьми всех рангов и классов»²⁵.

В обстановке «охоты на ведьм» и репрессий со стороны властей многие представители карпато-русской интеллигенции, опасаясь за свою безопасность и желая сохранить работу, были вынуждены публично каяться и отречься от своих взглядов. Волошинский официоз «Новая свобода» охотно публиковала подобные материалы. «Заявляю, что я разрываю все отношения с «общерусской» идеологией, за которой я шел под влиянием лидеров этого направления, — писал 2 марта 1939 г. в «Новой свободе» Василий Гусар, учитель из села Солотвино. — Заявляю, что с сегодняшнего дня я буду работать исключительно в украинских обществах с широкими работниками-украинцами, которые сердцем болеют за лучшее будущее украинского народа...»²⁶.

Примечательно, однако, что сами украинизаторы были вынуждены периодически признавать слабую укорененность и невысокую популярность украинской культуры и украинского литературного языка в крае. «Ряд фактов... свидетельствует о незнании украинского языка мадяронским и русофильским учительством... Много недобитков осталось у нас, которые и дальше работают среди украинской молодежи... Плохое усвоение украинской мовы в школах обусловлено живучестью старого режима. Что же мы, к большому сожалению, вынуждены констатировать? Ужасающую неграмотность в области украинского языка»²⁷, — признавал на страницах «Новой свободы» один из профессиональных украинизаторов Подкарпатя, тем самым невольно ставя под сомнение «украинскость» местного населения.

Тревожная ситуация в Подкарпатской Руси привлекла пристальное внимание Всеамериканского русинского конгресса, состоявшегося в феврале 1939 г. в Нью-Йорке. Участники конгресса осудили террор против карпато-русских крестьян и интеллигенции в Подкарпатской Руси.

Описывая положение в Подкарпатской Руси в это же время, один из лидеров местной коммунистической партии Олекса Борканюк отмечал в октябре 1939 г., что члены Карпатской сичи начали «страшный террор против антифашистов, прежде всего против коммунистов. В течение нескольких недель оба концентрационных лагеря были переполнены... Мелкобуржуазные “карпато-русские” партии были разгромлены в результате террора, они не смогли перейти на нелегальные методы работы и дать отпор агентуре Гитлера. Лишь одна компартия сумела быстро перейти на нелегальное положение...»²⁸.

Для укрепления своих позиций и для окончательного подавления политических оппонентов в преддверии выборов в парламент Подкар-

патской Руси 20 января 1939 г. правительство Волошина распустило все политические партии, существовавшие в регионе. Официоз Волошина газета «Новая свобода» объясняла данное решение «необходимостью сохранения общественного спокойствия и порядка»²⁹.

Сразу после этого по инициативе Волошина была образована новая партия Украинское национальное объединение (УНО). Оно с самого начала имело тесные связи с германскими спецслужбами и позаимствовало многие элементы идеологии и атрибуты немецких нацистов. Выборы в парламент (сейм) Подкарпатской Руси прошли 12 февраля. Избирательная кампания носила крайне агрессивный и истеричный характер и велась в атмосфере запугивания политических оппонентов и открытых репрессий. Результаты выборов были predeterminedены присутствием вооруженных формирований Карпатской сичи, оказывавших постоянное давление на избирателей. «Один Бог на небе, один народ, один избирательный список в Карпатской Украине — список Украинского Национального Объединения. Поэтому каждый украинец в воскресенье 12 февраля голосует за Украинское Национальное Объединение»³⁰, — категорично провозглашал один из предвыборных лозунгов. Победителем выборов предсказуемо стало созданное Волошиным и ориентированное на нацистскую Германию УНО, все кандидаты которого оказались избранными в сейм Подкарпатской Руси. «Новая свобода» пафосно оценила итоги выборов как «триумф украинской национальной мысли»³¹.

Если чешская пресса восприняла итоги выборов крайне сдержанно, то средства массовой информации нацистской Германии освещали выборы весьма широко и сочувственно. Глава отделения ОУН в Подкарпатской Руси Юрий Химинец с явным удовольствием цитировал нацистскую «Фёлькишер Беобахтер», писавшую, что «активное участие в выборах было результатом национального пробуждения украинства»³².

Впрочем, реалии были куда прозаичнее. Столь высокий процент голосов, поданных за партию Волошина, объяснялся в первую очередь запугиваниями и фальсификациями, а отнюдь не «национальным пробуждением украинства». Свидетель выборов в сейм Подкарпатя Олекса Борканюк отмечал, что они проходили в условиях открытого террора со стороны галицко-украинских сичевиков, однако даже «несмотря на террор, значительная часть населения явно голосовала против правительства Волошина. Были десятки сел, где украинские фашисты не получили и 20 % голосов»³³.

По словам Борканюка, правительство Волошина «просто сфальсифицировало общие результаты выборов и только таким образом показало 94 % голосов»³⁴.

Итоги выборов в сейм Подкарпатской Руси окончательно подорвали и без того шаткие позиции Праги в регионе. Еще до выборов в сейм Подкарпатя Прага предприняла попытку восстановить контроль над ситуацией, введя в январе 1939 г. своего представителя генерала Льва Прхалу, командовавшего чехословацкими войсками в Подкарпатской Руси, в состав правительства Волошина, однако переломить ход событий было уже невозможно. Примечательно, что подконтрольная Волошину местная печать сразу развязала разнузданную кампанию против назначения Прхалы министром, указывая, в частности, на то, что женой Прхалы была русская.

В ночь на 14 марта 1939 г. под прямым нажимом Берлина словацкий парламент заявил о выходе Словакии из состава федеративной Чехо-Словакии. В это же время вооруженные формирования Карпатской сичи в Подкарпатской Руси начали заранее согласованный с Берлином вооруженный путч, сделав попытку захватить склады с оружием, объекты инфраструктуры, административные учреждения и разоружить полицию и жандармерию. Сичевикам удалось захватить вокзал, почту и разоружить несколько чехословацких патрулей. Поднятый по тревоге генералом Прхалой Хустский стрелковый полк и части 12-й чехословацкой стрелковой дивизии получили приказ восстановить порядок. На улицы Хуста были выведены легкие танки и артиллерия чехословацкой армии. В столице Подкарпатской Руси в ночь на 14 марта шли настоящие уличные бои украинских сичевиков с частями чехословацкой армии, в рядах которой служило много карпатских русинов. При поддержке бронетехники чехословацким подразделениям удалось быстро сломить сопротивление сичевиков в хустском отеле «Коруна», где было взято в плен около 50 повстанцев. Помимо Хуста, вооруженные столкновения чехословацкой армии с формированиями Карпатской сичи имели место в Малом Березном, Торуни и других населенных пунктах Подкарпатя. Путч сичевиков был подавлен; число жертв исчислялось сотнями раненых и убитых; основные потери понесли путчисты³⁵.

Однако ликвидация путча не означала стабилизации положения и восстановления чехословацкого контроля над регионом. В ночь на 14 марта 1939 г., почти одновременно с попыткой вооруженного путча сичевиков, венгерские войска по договоренности с Гитлером перешли новую венгерско-чехословацкую границу на подкарпаторусском участке и начали оккупацию Подкарпатя. Столкнувшись с активным вооруженным сопротивлением подразделений 12-й чехословацкой стрелковой дивизии, венгры на некоторое время были вынуждены приостановить наступление. В боях с венгерской армией на территории Подкар-

пятья в марте погибло как минимум 40 чехословацких военнослужащих и около 100—120 было ранено³⁶.

С окончательной ликвидацией Второй Чехословацкой республики и с оккупацией чешских земель вермахтом 12-я чехословацкая дивизия прекратила сопротивление. В ходе военных действий 23—24 марта венгерские войска захватили также населенную русинами часть Восточной Словакии с городами Собранце и Снина. Под давлением Берлина правительство Словакии было вынуждено согласиться с вхождением данных территорий в состав Венгрии.

Накануне венгерской оккупации, когда части 12-й чехословацкой дивизии еще оказывали сопротивление венгерским войскам, 15 марта 1939 г. в Хусте состоялось заседание подкарпатурского сейма, на котором был принят конституционный закон об образовании независимого государства под названием Карпатская Украина во главе с президентом. Большинство голосов президентом новообразованного государства был избран Августин Волошин. Государственным языком Карпатской Украины был объявлен украинский язык; цветами государственного знамени — синий и желтый; государственным гимном — «Ще не вмерла Украина».

Современные украинские исследователи исключительно высоко оценивают провозглашение Карпатской Украины 15 марта 1939 г., пафосно трактуя это скорее опереточное событие, являвшееся лишь промежуточным звеном Восточноевропейского проекта Гитлера, как «победу украинской правды за Карпатами, ознаменовавшую консолидацию украинских сил и превращение этнической массы в народ»³⁷.

Между тем, символичным выглядит то обстоятельство, что заседание сейма, объявившее о независимости нового государства, оказалось последним, а помпезно провозглашенное на нем государство Карпатская Украина — по сути, мертворожденным.

Уже на следующий день после заседания сейма венгерская армия вступила в Хуст, вскоре установив контроль над всей территорией Подкарпатья. Волошин со своим кабинетом бежал в Югославию через территорию Румынии. Просьбы Волошина к Германии вмешаться и не позволить Венгрии оккупировать Карпатскую Украину были проигнорированы Берлином.

Таким образом, Берлин, используя ОУНовцев и режим Волошина для расшатывания и дестабилизации послемюнхенской Чехословакии, без сожаления пожертвовал ими в пользу более важного союзника в лице Венгрии. В награду за труды на благо нацистского рейха Берлин предоставил Волошину возможность жить в протекторате Богемия и Моравия и преподавать в Украинском свободном университете в Праге. Но все

попытки Волошина возобновить в какой-либо форме свою политическую деятельность германские власти неизменно игнорировали. Примечательно, что еще в домайданной Украине при президенте Леониде Кучме Волошин был удостоен звания Героя Украины...

Агония послемюнхенской Чехословакии стала одновременно и агонией провозглашенной Волошиным Карпатской Украины, которая изначально оказалась мертворожденным государственным образованием. С марта 1939 г. территория Подкарпатской Руси была полностью оккупирована Венгрией, что завершило двадцатилетний период пребывания Подкарпатья в составе чехословацкого государства.

Известный украинский историк и рафинированный львовский интеллект Ярослав Грицак признает, что победа «украинского проекта», являясь результатом взаимодействия ряда факторов, не была изначально предопределена, поскольку существовало большое число альтернативных этнокультурных проектов на украинских землях, вероятность реализации которых была достаточно высока³⁸.

Конкретизируя данную мысль Грицака в отношении Подкарпатской Руси, не будет преувеличением констатировать, что окончательное торжество «украинского проекта» в данном регионе в огромной степени являлось результатом действия внешних факторов, заинтересованных в навязывании украинской идентичности местному карпато-русскому населению. Этот процесс достиг своего пика после конференции в Мюнхене, предопределившей приход к власти в Подкарпатской Руси Волошина, который, пользуясь прямой поддержкой нацистской Германии и опираясь на вооруженные структуры украинских националистов, проводил репрессивную политику насильственной украинизации местного карпато-русского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народна Обрана. Homestead, PA. August 7, 1917. № 5.

² Archiv ÚSTAVU T. G. Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1920, krabice 400.

³ AÚTGM, fond T. G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.

⁴ AÚTGM, fond T. G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.

⁵ *Svoboda D.* Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // *Slovanský přehled*. 2008. Číslo 4. S. 549.

⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1931, krabice 403.

⁷ Moravský zemský archiv v Brně (MZA), fond Mezník Jaroslav, JUDr. Značka G 400, karton 7, inv. číslo 180, s. 67.

- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibidem. S. 69.
- ¹⁰ Ibidem. S. 72.
- ¹¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Москва, 1991. С. 45.
- ¹² *Kuras B.* Češi na vlásku. Praha, 1999. S. 162.
- ¹³ MZA, fond Mezník Jaroslav, JUDr. Značka G 400, karton 7, inv. číslo 180, s. 140.
- ¹⁴ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. September 29, 1938. № 39.
- ¹⁵ MZA, fond Mezník Jaroslav, JUDr. Značka G 400, karton 7, inv. číslo 180, s. 24.
- ¹⁶ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. October 20, 1938. № 42.
- ¹⁷ *Švorc P.* Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007. S. 245.
- ¹⁸ Ibidem. S. 248.
- ¹⁹ *Magocsi P. R.* With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest–New York: CEU Press, 2015. P. 274.
- ²⁰ Нова свобода. 3 січня 1939. Число 2.
- ²¹ *Krivskij I.* Vliv ukrajinských emigrantů na podkarpatorusinskou komunitu // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní conference v Praze. Praha, 1999. S. 26.
- ²² Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 24, 1938. № 47.
- ²³ *Magocsi P. R.* With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest–New York: CEU Press, 2015. P. 276.
- ²⁴ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. Edited by P. R. Magocsi and I. Pop. Toronto: University of Toronto Press, 2005. P. 228.
- ²⁵ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 8, 1939. № 23.
- ²⁶ Нова свобода. 2 березня 1939. Число 46.
- ²⁷ Нова свобода. 2 січня 1939. Число 4.
- ²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 495. Описание 71. Дело 742. Л. 19.
- ²⁹ Нова свобода. 22 січня 1939. Число 13.
- ³⁰ Нова свобода. 2 лютого 1939. Число 22.
- ³¹ Нова свобода. 14 лютого 1939. Число 32.
- ³² *Химинец Ю.* Закарпаття — земля української держави. Ужгород, 1991. С. 58.
- ³³ РГАСПИ. Фонд 495. Описание 71. Дело 742. Л. 21–22.
- ³⁴ Там же. Л. 22.
- ³⁵ *Borák M.* Obrana republiky na Podkarpatské Rusi v letech 1938–1939 // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 92.
- ³⁶ Ibidem. S. 40.
- ³⁷ *Мишанич О.* Політичне русинство и що за ним. Ужгород, 1993. С. 15.
- ³⁸ *Грицак Я.* Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. Київ: Критика, 2004. С. 21.

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1938 г. И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БОЛГАРИИ (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

Борис Боев

Мюнхенское соглашение об отторжении Судетской области от Чехословакии и ее передаче Третьему рейху определило трагическую судьбу как Чехословацкой Республики, так и всего мира.

Сговор четырех европейских стран — Великобритании, Франции, Германии и Италии — с закулисной поддержкой Соединенных Штатов Америки вызвал сильный международный отклик и по сути явился решающим шагом на пути разжигания Второй мировой войны. Эта статья имеет целью показать основные тенденции в развитии социально-политической ситуации в Болгарии до, во время и непосредственно после Мюнхенского соглашения. Особое внимание уделено анализу деятельности различных молодежных (главным образом студенческих) групп и организаций в период с осени 1938 до весны 1939 г. Такой акцент не является случайным. Ведь в период после 19 мая 1934 г. в Болгарии была установлена диктатура, запрещающая всю легальную партийно-политическую деятельность.

«Болгарский след» в Мюнхенском соглашении

В мюнхенской капитуляции Западных держав перед гитлеровской Германией присутствовал и «болгарский след», оставленный активной дипломатической деятельностью царя Бориса III накануне конференции. Болгарский правитель опасался, что спор о судьбе Чехословакии

между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией, с другой, может привести к новому общеевропейскому и даже мировому военному конфликту. Борис III пытается разрешить Судетский кризис дипломатическим путем. Его цель — создать «общий блок западного мира»¹.

Борис III считал, что Англию и Германию может объединить общая угроза от «красного Петра Первого» (т. е. со стороны СССР и Иосифа Сталина)². В середине сентября 1938 г. болгарский царь посетил Лондон и Париж, где встретился с английским и французским премьер-министрами с Невиллом Чемберленом и Эдуардом Даладье. Чемберлен просил Бориса III убедить Адольфа Гитлера не предпринимать односторонних действий по Судетскому вопросу, а обсудить его совместно с Англией и Францией. В противном случае Франция может быть вовлечена к активному противостоянию Германии в союзе с СССР³. В свою очередь болгарский монарх заявил, что сохранение мира зависит от немецко-британских договоренностей: «В мире есть место и для Великобритании, и для Германии, если, конечно, обе державы признают взаимно свои интересы». Но если Лондон не договорится с Берлином, утверждал он, то это подтолкнет Германию к России, «а этот союз будет смертельным для всех»⁴.

25 сентября Борис III встретился с Гитлером. Болгарский царь заявил, что «искренний и старый друг Германии» хочет, чтобы Германия «избежала катастрофы, начав мировой конфликт»⁵. По мнению некоторых историков, остается спорным, насколько Борис III мог повлиять на Гитлера, склоняя его вести переговоры с Англией и Францией. Однако есть три неопровержимых факта. Первый факт: болгарский царь после разговора с немецким фюрером направил письмо премьер-министру Великобритании Чемберлену, содержащее следующее заключение: «Судетская область должна быть принесена в жертву для того, чтобы спасти Чехословацкое государство и мир в Европе»⁶.

Второй факт состоит в том, что сама конференция в Мюнхене состоялась 29—30 сентября — всего через четыре дня после встречи Бориса III с Гитлером. Третий факт: после окончания конференции Чемберлен поручил британскому послу в Софии Джорджу Ренделлу поблагодарить царя Бориса за то, что он сделал, сказав ему, что царь действовал как «большой европеец». По словам Ренделла, болгарский монарх остался довольным, получив такое сообщение. Ведь Борис III рассматривает себя и Чемберлена как «единственных истинных пацифистов»⁷.

Таким образом, «большой европеец» и глава Болгарского государства внес свой вклад в одну из самых позорных страниц в истории дипломатии.

Оценки болгарской историографии Мюнхенского соглашения

Болгарская историография до 1989 г. оценивала Мюнхенское соглашение как капитуляцию и нарушение международного права, в результате чего международные позиции Гитлера значительно укрепились⁸. Соглашение между главными капиталистическими странами не только вело к изоляции Советского Союза от европейской политики, но и направляло фашистскую агрессию на Восток — против первой в мире страны социализма⁹. Также отмечалась то, что в 1930-х гг. в своей антисоветской слепоте подавляющее большинство привилегированной британской элиты оказалось неспособной правильно ориентироваться в сущности нацизма¹⁰.

Отрицательными остаются оценки Мюнхенского соглашения и после крушения социалистической системы в Болгарии. Николай Генчев указывает на то, что заключенное в Мюнхене соглашение показало слабость западных стран, поощрило агрессию и сделало неотвратимой новую мировую войну. По его словам, это был «открытый заговор против судьбы и безопасности небольших европейских стран»¹¹.

В свою очередь Христина Мирчева считает, что Мюнхенское соглашение было предательством, совершенным Западом в отношении суверенного государства. По ее мнению, в Мюнхене Англия и Франция капитулировали перед нацистской Германией¹².

Другой известный болгарский исследователь Драгомир Драганов подчеркивает, что решения Мюнхенской конференции стали катастрофой для Чехословакии, а также продемонстрировали то, что англо-французские гарантии ей существовали «только на бумаге». В конце 1930-х гг. такие государства, как Чехословакия, оказались полностью зависимыми от воли и намерений больших европейских стран. Когда малые страны начинали мешать их имперским планам, крупные европейские государства без колебаний прекращали их существование¹³.

Димитрина Петрова также категорична в своей оценке Мюнхенского соглашения, «развязавшего руки» фашистским Германии и Италии в их агрессивных устремлениях на восток, на СССР. Со стороны Западных держав это было «предательством», которое поставило мир перед угрозой фашистской агрессии. По мнению Петровой, в Мюнхене был «нанесен серьезный удар усилиям по созданию системы коллективной безопасности против фашистской агрессии»¹⁴.

Для полноты картины отметим и то, что Милен Семков в своем учебнике по истории для 10-го класса также оценил Мюнхенскую конференцию как капитуляцию и как «одну из самых позорных страниц в истории дипломатии»¹⁵.

Общественно-политические последствия для Болгарии от Мюнхенского соглашения

Решения Мюнхенской конференции вызвали волну ревизионизма во всей Юго-Восточной Европе, в том числе и в Болгарии. Ведущие болгарские газеты не только комментировали их, но и начали открыто пропагандировать пересмотр Нейиского мирного договора¹⁶. Особенно заметной была активизация политических сил крайне правого, прогерманского лагеря. Его социальной опорой являлась «прежде всего та часть болгарской буржуазии, которая связала свою хозяйственную деятельность с германскими рынками, т. е. тысячи болгарских крупных и средних торговцев, миссионеров, посредников, агентов немецко-болгарских ассоциаций, акционеров совместных болгаро-германских предприятий»¹⁷.

Прогермански настроенными также были сотни старших и средних офицеров, чиновников министерств и сотрудников банков, часть националистически настроенной интеллигенции, различные национальные и фашистские организации молодежи. Многие из прогерманских образований напрямую субсидировались немецкой разведкой. Видным деятелем экстремистского крыла болгарских крайне правых был генерал Христо Луков. После Мюнхенского соглашения он организовал серию лекций для офицеров действительной службы и запаса, на которых звучали призывы к реваншу и к поддержке гитлеровской Германии¹⁸.

Рост правых настроений ощущался и среди болгарской националистической молодежи. В первую очередь, среди студентов, которые являлись членами Болгарского национального студенческого союза (БНСС). Показательно, что почетным председателем БНСС был царь Борис III. По словам болгарского историка Анны Рабаджийской, этот период истории БНСС (1938—1939) отмечен «поворотом вправо»¹⁹. Данная Рабаджийской оценка представляется автору статьи довольно мягкой. В действительности в Болгарии произошел не правый, а крайне правый поворот. Такой вывод подтверждается многими фактами. Проиллюстрируем его, проанализировав материалы печатного органа БНСС — газеты *Студентска борба* («Студенческая борьба»). По сути, это пропагандистское оружие занималось популяризацией идей итальянского фашизма и германского национал-социализма.

Первый номер газеты после подписания Мюнхенского соглашения вышел 1 ноября 1938 г. В нем была опубликована статья «Новая Европа», где говорилось о Германии как о «едва ли не величайшей стране в мире», в которой «достигнуто полное согласие и доверие между правящими и управляемыми». Далее утверждалось: Гитлер стал для немцев

едва ли не Богом. Якобы он уже ликвидировал безработицу и создал для всех «достойные условия для жизни»²⁰.

В следующем номере «Студенческая борьба» опубликовала впечатляющую апологию «новых национал-социалистических движений», которые якобы для установления «нового порядка» не используют насилия. Напротив, уверял автор статьи, их особой чертой является «уважение воли народа». Он процитировал Гитлера, который в 1933 г. утверждал, что он выступает за «диктатуру народа»²¹. В третьем номере газеты была опубликована специальная статья об этих «новых движениях». Она усеяна «мудрыми мыслями» Гитлера и Бенито Муссолини. Например, приведено такое заявление Гитлера: «Мир будет принадлежать сильным, он никогда не будет принадлежать евреям». Цитировался и Муссолини, который уверял: «Мы против комфортной жизни»²².

В 1939 г. профашистские настроения в Болгарии заметно усилились. Это отразилось и на страницах «Студенческой борьбы». Опубликована большая статья о фашистских группах в итальянских университетах. Их деятельность была подана как пример того, «какие результаты могут быть достигнуты, когда государство действительно заботится о студенчестве и когда работают с упорством и последовательностью»²³. Публиковались в газете и другие материалы, прославлявшие фашистскую Италию. В них обязательно цитировались высказывания Муссолини о свободе, о государстве и по другим вопросам²⁴.

Одновременно укреплялись связи между БНСС с нацистской Германией. В ходе совместных встреч с немецкими коллегами болгары заявляли о том, что хотят работать «более прочно с Великой Германией»²⁵. Примечательно, что на прошедшем 10–14 апреля 1939 г. в Берлине II съезде обучавшихся за рубежом болгарских студентов, была зачитана поздравительная телеграмма участникам съезда от Гитлера²⁶. Свидетельством близких отношений между БНСС с нацистским режимом в Германии является присутствие двух представителей Союза на торжествах по случаю 50-летия Гитлера и возможность наблюдать грандиозный парад в его честь с трибуны для почетных гостей²⁷.

Сохранились документы о деятельности двух примыкающих к БНСС студенческих организаций — Болгарского академического общества «Шипка — Мюнхен» и Болгарского национального студенческого общества «Родина — Берлин». В них также можно найти сведения об их прогерманской ориентации. В 1938–1939 гг. болгарские студенты-националисты в Мюнхене украшали свои торжественные мероприятия портретами царя Бориса III и «вождя немецкого народа» Адольфа Гитлера. Они не только громко приветствовали упоминание его имени, но и исполняли партийный гимн НСДАП — «Песню Хорста Весселя»²⁸.

Правый поворот в БНСС произошел не только на словах, но и на деле. Показательным примером и важным событием стала организованная БНСС демонстрация против Нейиского договора, состоявшаяся в Софии 25 ноября 1938 г. Она переросла в столкновение студентов с полицией, получив широкий международный отклик. Информация о ней содержалась и в докладах британского полномочного представителя в Софии Джорджа Ренделла в Форин офис²⁹.

Историк Владимир Златарский отмечает: «Сильное проявление молодежных националистических движений выразилось в организации массовых демонстраций в ноябре 1938 г., накануне годовщины подписания диктата [Имеется в виду Нейиский мирный договор. — Б. Б.], когда масштаб протестов и столкновений с полицией превысил все, что было прежде. Вспышка страстей стала реакцией на успех немцев на конференции в Мюнхене». На улицах и площадях распространялись листовки и звучали лозунги с требованием возвращения земель, на которых жили болгары. Дойдя до посольства Германии, демонстранты стали громко и дружно кричать: «Хайль Гитлер!». Тем самым они недвусмысленно показали, откуда ждут помощи и с кем связывают свои надежды на перемены³⁰.

Однако далеко не вся молодежь разделяла такие взгляды и надежды. Значительная часть болгарской молодежи имела иные ценности и ориентиры.

Протестные акции болгарской молодежи

События осени 1938 г. и Мюнхенские соглашения нанесли серьезный удар по антифашистским демократическим движениям ряда стран. Распалось и широкое демократическое движение в Болгарии.

Правда, если на партийном уровне демократическая оппозиция существующему режиму была серьезно ослаблена после Мюнхена, то среди болгарской антифашистской молодежи и особенно среди левых студенческих организаций коммунистов (БОНСС), крестьян (студенческая корпорация «Цанко Бакалов») и социалистов (студенческая корпорация «Жан Жорес») наметилось стремление к единству. К объединению подталкивали антивоенные настроения, отрицание прогерманского монархического режима и чувство славянской солидарности. Вершиной студенческого сопротивления в этот период, несомненно, является мартовская акция 1939 г.

Оккупация Чехии нацистской Германией 15 марта 1939 г. вызвала сильное возмущение студентов, придерживавшихся левых взглядов. Особенно студентов-коммунистов Болгарского общего народного сту-

денческого союза (БОНСС). По словам известного болгарского писателя Ивана Аржентинского, Софийский университет напоминает «улей сердитых пчел»³¹.

В течение следующих трех дней (16–18 марта), по инициативе БОНСС и, в первую очередь, писателя Василя Воденичарского были отменены все занятия. Студенты собрались во дворе университета. Оттуда и началось протестное шествие в знак солидарности с народом оккупированной Чехословакии. Оно завершилось перед посольством ЧСР в Софии.

Полиция не бездействовала. Сразу начались репрессии и массовые аресты протестующей молодежи. Согласно списку, хранящемуся в архивах Министерства внутренних дел, 18 марта было задержано 73 студента из трехсот участников акции³².

Это была одна из самых значительных акций БОНСС. Надо отметить ее инициатора — Василя Воденичарского. По воспоминаниям его коллег, даже после ареста он не пал духом. Стефан Каракостов, другой репрессированный полицией участник акции, вспоминал, что, когда встретил Воденичарского в тюрьме, тот громко произнес: «Привет, брат, славянство непобедимо...»³³.

Другим вожаком в этих протестах являлся студент Милан Дренчев — из группы «Пладне». Его биограф Недю Недев описывает его как «выдающегося оратора студенческих митингов против аннексии и оккупации Чехословакии»³⁴. За участие в мартовской студенческой антифашистской акции Дренчев был арестован и задержан на сутки в полицейском управлении.

В студенческих протестах против оккупации Чехословакии участвовали и молодые социалисты. Атанас Москов в своих мемуарах вспоминал, что «полиция действует очень жестоко против вышедших на демонстрацию студентов... Были избитые и арестованные студенты, многие из которых являлись социал-демократами»³⁵. Доктор Москов, который в то время являлся депутатом парламента, вступался за протестующих студентов и отправлял запросы о совершенных против них репрессиях с парламентской трибуны министру внутренних дел и министру образования³⁶.

Важным событием стала Декларация против оккупации Чехословакии нацистской Германией, распространенная от имени «демократического студенчества» 19 марта 1939 г.³⁷ В ней говорилось: «То, что случилось с Чехословакией, является предупреждением для нас. Болгарское культурное и прогрессивное общество и многие из вас, господа профессора, ясно чувствуют и понимают это. К гордости болгарского университета, к гордости болгарского народа, честное и истинно па-

триотическое болгарское студенчество открыто выразило свое возмущение и свою ненависть к угнетателям малых народов, к тем, для которых “славянство является удобрением”, для существования “чистой расы”, “расы” палачей науки, культуры и прогресса, “расы” современных поджигателей войны»³⁸.

Придерживавшиеся левых взглядов студенты проводили организованные акции и по другим поводам. Об организованных в 1938 г. действиях против Нейиского договора рассказывают в своих мемуарах бонсисы [Члены БОНСС. — Б. Б.] Алекси Пейков и Иван Аржентинский. Например, Алекси Пейков написал о своем участии в студенческих демонстрациях перед посольствами Англии, США и Франции.

Весной 1939 г. бонсисы использовали особо значимое для Софийского университета событие — празднование его 50-летнего юбилея, которое состоялось 20–24 мая. Заранее были предприняты шаги по организации совместной болгарско-югославской акции за мир и «за славянское единство против растущей фашистской агрессии». Для этого создали специальный комитет, который занялся подготовкой акции. Полиция пыталась предотвратить в зародыше очередную антифашистскую акцию. Она арестовала большую часть членов комитета и конфисковала 26 000 левов. Это были деньги, пожертвованные студентами и преподавателями для издания специального юбилейного сборника³⁹. Несмотря на принятые полицией меры, триста студентов Белградского университета специально прибыли на праздник. Участвовавший в нем Иван Аржентинский с гордостью вспоминал, как бонсисы предотвратили попытки студентов-националистов спровоцировать гостей из Белграда. Болгары и югославы совместно исполнили «Будет жить, будет славиться наш дух славянский».

23 мая 1939 г. от имени студентов Софийского и Белградского университетов, а также от имени Варненской и Свищовской академий была принята Резолюция болгарских и югославских студентов против гитлеровской опасности, нависшей над Балканами⁴⁰. В ней говорилось: «Сегодня, когда наука и культура, свобода и национальная независимость балканских, славянских и остальных малых народов серьезно и непосредственно находятся в опасности, сближение молодежи, братское сотрудничество и союз всех балканских народов является единственным путем для обороны от недругов национальной независимости и свободы, культуры и прогресса, это единственный путь, который устранил все несправедливости прошлого, указав путь к лучшему будущему всех балканских народов и их молодежи»⁴¹.

Впечатляющая антифашистская активность студентов была воспринята как угроза не только болгарскими, но и немецкими властями.

В своих исследованиях связей царства Болгарии с нацистским режимом Владимир Златарский отмечает, что перед встречей с премьер-министром Болгарии Георгием Кесеиановым в июле 1939 г. Вильгельм-штрассе признало то, что болгарское студенчество «является преимущественно марксистским и антигермански настроенным, а правительство не принимает никаких мер»⁴².

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в 1938–1939 гг., сразу после того, как при попустительстве и помощи Англии и Франции гитлеровская Германия захватила сначала Судетскую область Чехословакии, а потом и подчинила себе всю эту европейскую страну, такие организации, как БОНСС, вели активную работу среди молодой интеллигенции на Балканах. Своим влиянием и действиями они противодействовали экспансии германского нацизма в стратегически важном для Третьего рейха Балканском регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Недев Н.* Цар Борис III. Биография. София, 1997. С. 420.

² *Спасов Л.* Проблеми на Новата българска история, част трета, България 1919–1944 г. Пловдив, 2003. С. 146.

³ *Генчев Н.* Външната политика на България (1938–1941). София, 1998. С. 23.

⁴ *Златарски Вл.* Райхът и Царството. Германското присъствие в България (1933–1940). София, 2014. С. 217.

⁵ *Димитров И.* България на Балканите и в Европа. София, 1983. С. 106.

⁶ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 23.

⁷ *Груев Ст.* Корона от тръни. Царуването на Борис III (1918–1943). София, 1991. С. 308.

⁸ *Стефанов Г.* Международни отношения и външна политика на България (1870–1957 г.). София, 1965. С. 145.

⁹ *Димитров И.* България на Балканите и в Европа. София, 1983. С. 102.

¹⁰ *Гунев Г., Илчев И.* Уинстън Чърчил и Балканите. София, 1989. С. 89.

¹¹ *Генчев Н.* Външната политика на България (1938–1941). София, 1998. С. 22.

¹² *Мирчева Хр.* Съвременна история. Светът в историята на XX век. София, 1999. С. 301–302.

¹³ *Драганов Др.* Записки по политическа история на Европа и САЩ през съвременната епоха. Велико Търново, 2006. С. 108–109.

¹⁴ *Петрова Д.* Българският земеделски народен съюз (1899–1944). София, 1999. С. 201.

¹⁵ *Семков М.* История 10. клас. София, 1999. С. 131–132.

¹⁶ Мирный договор, заключенный между Болгарией, проигравшей Первую мировую войну в качестве участницы блока Центральных держав, и противостоящими блоку

государствами Антанты. Договор был подписан 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен.

¹⁷ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ *Рабаджийска А.* Българският национален студентски съюз и академичната младеж (1926–1944 г.). София, 1993. С. 123.

²⁰ Студентска борба. Бр. 1 от 1 ноември 1938. С. 5.

²¹ Там же. Бр. 2 от 8 декември 1938. С. 2.

²² Там же. Бр. 3 от 28 декември 1938. С. 2.

²³ Там же. Бр. 5 от 26 февруари 1939. С. 4.

²⁴ Там же. Бр. 6 от 18 март 1939. С. 2.

²⁵ Там же. Бр. 4 от 5 февруари 1939. С. 4.

²⁶ Там же. Бр. 7 от 6 май 1939. С. 3.

²⁷ Там же.

²⁸ Централен държавен архив. Ф. 1505К. Оп. 1. А. е. 3. Л. 7.

²⁹ Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция (1919–1941). Т. 2. София, 2007. С. 164–165.

³⁰ *Златарски Вл.* Указ. соч. 298–299.

³¹ БОНСС. Спомени на дейци на Българския общ народен студентски съюз. София, 1958. С. 149.

³² Централен държавен архив. Ф. 2123К. Оп. 1. А. е. 4327. Л. 14-гръб.

³³ *Воденичарски В.* Избрани творби. Спомени на съвременници. София, 1978. С. 329.

³⁴ *Недев Н.* Милан Дренчев. Идеология и борби. София, 1996. С. 13.

³⁵ *Москов А.* Спомени: Възходи и падени. Т. 2. София, 1998. С. 146.

³⁶ Там же.

³⁷ БОНСС. Документи и материали. София, 1971. С. 212–215.

³⁸ Там же. С. 214.

³⁹ Където народът там и ние. Спомени на бонсови дейци. София, 1970. С. 169.

⁴⁰ БОНСС. Документи и материали... С. 221–223.

⁴¹ Там же. С. 222.

⁴² *Златарски Вл.* Указ. соч. С. 298.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЮНХЕНА-1938 ДЛЯ ЧЕХОВ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОГО РЕЙХА В ПРОТЕКТОРАТЕ БОГЕМИИ И МОРАВИИ В 1939–1945 гг.

Кирилл Шевченко

Неожиданное для многих появление на политической карте Европы в октябре 1918 г. независимой Чехословакии, возникшей на руинах Австро-Венгрии и раскинувшейся от городка Аш на границе с Баварией до гуцульского местечка Ясыня в отрогах Восточных Карпат, воспринималось чехами и словаками как естественный и закономерный итог их борьбы за возрождение своей государственности. Однако фундамент новорожденного Чехословацкого государства оказался весьма уязвимым и непрочным, поскольку в процессе его возведения был допущен целый ряд существенных изъянов, ставших впоследствии своего рода «миной замедленного действия». Одной из этих «мин» стало большое количество национальных меньшинств, численность которых превысила треть от общей численности населения межвоенной Чехословакии.

Положение национальных меньшинств в Чехословакии, оставшейся к 1930-м гг. «единственной демократией к востоку от Рейна»¹, было существенно лучше, чем в остальных государствах Центральной и Восточной Европы, где в 1930-х гг. установились репрессивные авторитарные режимы. Однако с ухудшением международной обстановки в конце 1930-х гг. проблема меньшинств, став орудием геополитической игры, приобретала все более острый характер. Именно положение национальных меньшинств, прежде всего немцев, стало ахиллесовой

пятой межвоенной Чехословакии. Из 13,5 млн населения межвоенной Чехословакии 8,8 млн составляли чехи и словаки, 3,2 млн — немцы, более 700 тыс. — венгры и около 460 тыс. — русины. Канадский историк-славист Пол Магочи обращает внимание на то, что многонациональный характер Чехословакии в демографическом отношении делал ее «габсбургской империей в миниатюре»; при этом для живших в ней немцев и венгров Чехословакия оставалась практически чужим и даже враждебным государством, в длительное существование которого они не верили.²

Государственное устройство и идеологический облик Чехословакии, определяемый доктриной «чехословакизма», были едва ли совместимы с менталитетом немецкого и венгерского меньшинств, тем более, что до 1918 г. в условиях Австро-Венгрии эти народы являлись господствующими. С приходом к власти в Германии нацистов и с началом разыгрывания судето-немецкой карты Берлином Чехословакия предсказуемо стала одной из первых жертв начатого Гитлером демонтажа Версальской системы, вскоре превратившегося в откровенное и безжалостное «избиение версальских младенцев».

Примечательно, что тревожное предчувствие Мюнхена было характерно для многих трезвомыслящих чешских политиков независимо от их политической ориентации. Один из руководителей чешской социал-демократии Франтишек Модрачек, имея в виду трехмиллионное немецкое меньшинство, включенное в состав Чехословакии после Первой мировой войны помимо своей воли, признал еще в 1919 г., что «ни один международный союз... не сможет воспрепятствовать воссоединению мощного народа, если он стремится к этому воссоединению. Однажды мы можем потерять немцев... У нас нет столько сил, чтобы удерживать их длительное время; если они захотят отделиться, то вся Европа будет не в состоянии удержать их у нас...»³.

Некоторые проницательные чешские политики задолго до Мюнхена довольно трезво оценивали своих западных союзников, хотя прозападная эйфория и восприятие себя как любимцев западных демократий были широко распространены в чешском общественном мнении в межвоенный период. Ветеран чешской политики Карел Крамарж еще в 1927 г. написал, что «англичане проявляют к нам чисто утилитарный интерес, отнюдь не сентиментальный; мы скорее найдем у них сентиментальное отношение к немцам...»⁴. Тонко подмеченное чешским политиком «сентиментальное отношение» англичан к немцам несколько не изменилось и после прихода к власти в Германии национал-социалистов. Более того, симпатии официального Лондона к Берлину даже усилились определенной заинтересованностью в возможности

извлечения геополитических дивидендов из военных авантюр Гитлера в Центральной Европе. Так, один из ведущих представителей британского политического истеблишмента лорд Эдуард Галифакс в личной беседе с Гитлером в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. от имени британской общественности сделал нацистскому рейхсканцлеру тонкий и весьма примечательный комплимент, заявив, что в Англии «целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии»⁵. В мае 1938 г. после аншлюса Австрии британский премьер Невилл Чемберлен в интервью канадским и американским журналистам откровенно заявил о том, что «в своем нынешнем виде Чехословакия нежизнеспособна» и что «чехи должны согласиться с немецкими требованиями»⁶. Неудивительно поэтому, что отправленный в Чехословакию в августе 1938 г. в качестве посредника между Прагой и судето-немецким меньшинством другой видный представитель британской элиты — лорд Уолтер Ренсимен — действовал как влиятельный лоббист судето-немецких политиков и Берлина, открыто выступив за передачу нацистской Германии населенных немцами областей Чехословакии. По сути, это стало непосредственной дипломатической подготовкой Мюнхена⁷.

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. на конференции в Мюнхене главы правительств Великобритании и Франции Чемберлен и Даладье в ходе переговоров с Гитлером и Муссолини согласились с отторжением и присоединением к Германии тех областей Чехословакии, где большинство составляли немцы. Одновременно с Мюнхенским диктатом ультиматум Праге предъявила Варшава, потребовав от чехословацкого правительства уступки Тешинской Силезии с проживавшим там польским меньшинством. Вскоре эта область была оккупирована польскими войсками, установившими жесткий оккупационный режим. По Венскому арбитражу в начале ноября 1938 г. южные области Словакии и Подкарпатской Руси с проживавшим там венгерским меньшинством оккупировала Венгрия, завершив тем самым масштабную международную операцию по безжалостной геополитической кастрации Чехословакии под руководством Берлина. В итоге Чехословакия, потеряв около трети своей территории с наиболее стратегически важными и промышленно развитыми регионами, превратилась в нежизнеспособное образование, дни которого были сочтены.

В известной степени мюнхенская катастрофа Чехословакии была предопределена аншлюсом Австрии в марте 1938 г., в результате которого геополитическое положение Чехословакии, оказавшейся в окружении нацистского рейха с северо-запада, запада и юго-запада, резко ухудшилось. В это время Чехословакия оказалась в ситуации, сравни-

мой с положением гуситской Чехии в 1-й четверти XV в., когда гуситы были вынуждены отражать удары врагов сразу «с четырех сторон — как со стороны атакующих армий рейха, так и со стороны Венгрии»⁸. Несмотря на это, представители чехословацкого военного руководства в лице начальника Генерального штаба генерала Людвик Крейчи, а также командующих округами генералов Сергея Войцеховского, Войтеха Лужы и Льва Прхалы после успешно проведенной всеобщей мобилизации первоначально настаивали на вооруженном сопротивлении агрессору, поскольку «народ един, армия занимает твердую позицию и готова к бою»⁹. По дипломатическим каналам была подтверждена готовность СССР оказать масштабную вооруженную поддержку Чехословакии в соответствии с советско-чехословацким договором 1935 г. Однако политическое руководство Чехословакии во главе с президентом Эдвардом Бенешем под нажимом Великобритании и Франции предпочло принять самоубийственные для страны условия Мюнхена.

* * *

Решения конференции в баварской столице, таким образом, стали первым шагом к окончательному порабощению чехов нацистским рейхом. Вторым и последним шагом в этом направлении стала прямая оккупация чешских земель германским вермахтом в марте 1939 г. и превращение Чехии в германский протекторат Богемия и Моравия (Protektorat Böhmen und Mähren), образованный по указу Гитлера 16 марта 1939 г. Именно протекторат Богемия и Моравия стал своеобразным полигоном, где испытывались и внедрялись различные технологии германизации чешского населения, которое было приговорено идеологами нацистской Германии к полному исчезновению не только с политической, но даже с этноязыковой карты Европы. Ст. 1 гитлеровского Указа от 15 марта 1939 г. об образовании протектората провозглашала «принадлежность к Великогерманскому рейху частей бывшей Чехо-Словацкой республики, занятой в марте 1939 г. немецкими подразделениями». Ст. 3 устанавливала автономию и самоуправление протектората, объем и реализация которых определялись исключительно «политическими потребностями рейха»¹⁰.

Мюнхен стал шоком для чешского общества и одновременно мощным стимулом для переоценки ценностей. Один из чешских публицистов того времени призывал соотечественников не предаваться иллюзиям о возможности нормальных отношений с Германией после Мюнхенского сговора, поскольку «немцы действуют продуманно и последовательно, стремясь овладеть славянскими землями и герма-

низировать их вначале с помощью колонизации, а затем открытым насилием. Мы в смертельной опасности, — пророчески замечал автор заметки, — в положении, которое угрожает стать похожим на положение лужицких сербов, о которых еще сто лет назад говорили как об этнографической резервации... Не должно быть никаких иллюзий о дружеском сосуществовании с немцами... Собственными силами мы никогда не восстановим старые границы. Запад нас бросил. Только Славянство нам может помочь... Славянский вопрос будет решать Россия...»¹¹.

В общих чертах планы Германии в отношении чехов, исходившие из нацистской расовой теории, трактовавшей все славянские народы как расово неполноценные, были изложены Гитлером в Мюнхене еще летом 1932 г. «Территорию Богемии и Моравии мы заселим немецкими крестьянами. Чехов мы выселим в Сибирь или на Волынь, выделив им резервации.... Чехи должны покинуть Среднюю Европу, — утверждал Гитлер. — Если они тут останутся, они продолжат формирование гуситско-большевистского блока»¹². Более детально политика нацистской Германии в отношении чехов была разработана позднее руководителями протектората Богемия и Моравия Карлом-Германом Франком и бароном Константином фон Нейратом. Большую роль в разработке политики нацистского рейха в чешском вопросе сыграли бывшие лидеры судето-немецкого движения в Чехословакии и судето-немецкие этнографы и историки.

В документе под красноречивым названием «План ликвидации чешского народа», направленном Гитлеру 28 августа 1940 г., К.-Г. Франк четко и откровенно указал, что «целью имперской политики в Богемии и Моравии должна быть полная германизация пространства и населения»¹³. При этом Франк указывал две возможности достижения этой цели — полное выселение чехов за пределы империи с последующим заселением Чехии и Моравии немцами или «изменение национальности расово пригодных» чехов с выселением «расово непригодной» части чешского населения, враждебно настроенной чешской интеллигенции и всех «деструктивных элементов». В своем плане Франк высказывался за более мягкий второй вариант, аргументируя это технической невозможностью тотального выселения 7,2 млн чехов в условиях войны, отсутствием необходимого числа немецких колонистов, способных быстро освоить освободившееся пространство и целесообразностью использования квалифицированной рабочей силы чехов в интересах рейха. Франк предлагал «отделение той части чешского народа, у которой возможно изменение национальности, от расово неполноценной части» и планировал «путем систематически проводимой

политической нейтрализации и деполитизации добиться вначале политической и духовной, а затем и национальной ассимиляции чешского народа»¹⁴.

23 сентября 1940 г. этот план был поддержан в ходе встречи К.-Г. Франка и фон Нейрата с Гитлером в Берлине. В октябре 1940 г. Гитлер окончательно сформулировал цель нацистской политики в отношении чешского населения, которая заключалась в «онемечивании Богемии и Моравии путем германизации чехов... Политика ассимиляции не будет распространяться на тех чехов, расовые качества которых вызывают сомнения, а также на тех, кто демонстрирует враждебное отношение к рейху. Эти категории необходимо уничтожить»¹⁵. Суть политики национал-социалистов в чешском вопросе исчерпывающе и по-военному четко изложил обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих в своей речи в Праге 2 октября 1941 г. вскоре после своего вступления в должность исполняющего обязанности имперского протектора Богемии и Моравии: «...Данное пространство должно стать немецким, и чеху тут нет места... Окончательное решение должно означать следующее: данное пространство должно быть полностью заселено немцами. Эта территория является сердцем империи и мы не можем терпеть, чтобы с данной территории снова и снова наносились удары кинжалом по империи... Попытаемся в соответствии со старыми методами германизировать чешское население. Ту часть населения, которая настроена негативно, но имеет хорошие расовые признаки, предстоит переселить в империю, в чисто немецкую среду, германизировать и изменить ее мышление. Если это окажется невозможным, поставить ее к стенке...»¹⁶.

Нацисты исходили из возможности германизации от 60 до 70 % чешского населения, так как расовые исследования убедили их в том, что большинство чехов имели необходимые «расовые предпосылки» для успешной германизации. Общая концепция германизации чехов предполагала вначале их «политическую ассимиляцию» на основе «имперской идеи», призванной вытравить идеи чешской государственности из национального самосознания чехов и навязать им восприятие исторических чешских земель как исконной части Германского рейха. Впоследствии планировалась постепенная германизация чехов путем сокращения образования на родном языке, насаждения немецкого языка, частичного переселения чехов в Германию, а немцев в протекторат Богемия и Моравия, а также путем физической ликвидации национально ориентированной чешской интеллигенции¹⁷. По образному и весьма откровенному выражению одного из лидеров судето-немецкого движения, «цель нацистской политики в Богемии состоит в том, чтобы выбить

из чехов мозги и ликвидировать интеллектуальную прослойку этой нации, препятствующую установлению требуемых отношений между германским хозяином и чешским работником»¹⁸.

Нацистские власти уделяли колоссальное внимание научному обоснованию необходимости тотальной германизации чехов. Так, уроженец Северной Чехии, видный судето-немецкий социолог Карл Валентин Мюллер, занимавший с 1941 г. должность профессора немецкого Пражского университета, в своих многочисленных трудах доказывал, что «с биологической точки зрения» чехи являются народом преимущественно германского происхождения. Этногенез чехов, по мнению Мюллера, представлял собой симбиоз «германского и славянского биологического и культурного компонентов при решающей роли германского элемента»¹⁹. Некоторые этнографические группы чехов, в частности, жившие на чешско-баварском пограничье ходы, трактовались немецкими этнографами как славянизированные потомки исконно германского дославянского населения Богемии, которые должны вернуться к своему изначальному состоянию путем германизации. Подобные теории, активно насаждаемые на официальном уровне, были призваны обосновать и легитимизировать политику германизации чешского населения протектората. Примечательно, что Мюллер, являвшийся активным членом партии национал-социалистов и сделавший успешную научную карьеру в нацистской Германии, не менее успешно продолжил ее и после Второй мировой войны в университетах ФРГ.

Программа германизации чехов начала постепенно реализовываться в практической политике немецких властей в протекторате Богемия и Моравия. Это проявилось в немецкой колонизации этнически чисто чешских регионов протектората; в закрытии чешских высших учебных заведений после событий 17 ноября 1939 г. и в системной дискриминации чешских профессорско-преподавательских кадров; в ограничении образования и средств массовой информации на чешском языке; в одновременном расширении сферы применения немецкого языка, а также в активной пропаганде имперской идеологии, трактовавшей чешские земли как исконную составную часть германского рейха. Политика германизации резко активизировалась с назначением обергруппенфюрера СС Рейнгарда Гейдриха исполняющим обязанности имперского протектора в сентябре 1941 г. С приходом Гейдриха в правительстве и в административных органах протектората возросло число немцев, а заседания правительства протектората стали вестись только на немецком языке.²⁰

В своем донесении чехословацкому эмиграционному правительству в Лондоне осенью 1940 г. представители чешского движения Сопро-

тивления с тревогой сообщали о резком усилении германизации Праги и чешских земель: «Приток немцев в Прагу нарастает. Германизация территории также продолжается... Поступают сообщения о колонизации земель немецкими переселенцами в области Миловице, Вышкова и даже в области Брды... Германизация проходит очень быстрыми темпами. Во главе учреждений, а также советов управляющих и банков стоят немцы... Школы продолжают закрываться; в средних учебных заведениях целенаправленно и по приказу снижается количество учеников; при этом число немецких школ растет... Чешских детей заставляют их посещать путем давления на родителей...»²¹. По сведениям авторов меморандума Чехословацкого национального комитета в Лондоне о немецких репрессиях в Чехословакии, уже к ноябрю 1939 г. количество учеников-первоклассников в чешских средних школах уменьшилось на 50 % по сравнению с 1938 г.²²

Немецкие власти умело поддерживали и всячески поощряли культурно-языковую неоднородность различных областей протектората Богемия и Моравия. Так, моравский регионализм и антипражские настроения в некоторых областях южной Моравии использовались нацистами в качестве инструмента для подрыва чешского национального самосознания и этнокультурного единства чехов. Щедрую помощь протекторатных властей, включая финансовую, получало пронацистское общество «Этнографическая Моравия», руководство которого в июле 1941 г. «от имени моравско-словацких националистов» обратилось с просьбой к Гитлеру о разрешении включиться в вооруженную борьбу против «еврейско-большевистской России» в качестве добровольцев²³.

Однако в условиях войны с СССР немецкие власти не могли приступить к реализации своей программы германизации Чехии в полном объеме. Относительная мягкость оккупационной политики в Чехии по сравнению с оккупированными областями СССР диктовалась заинтересованностью нацистов в стабильности социально-экономического положения в протекторате и в бесперебойной работе чешских военных заводов в условиях войны с Советским Союзом. Именно поэтому, по словам российского историка Сергея Кретинина, «положение негерманского населения Судет, Богемии и Моравии было тяжелым, но... массовых дискриминационных акций против него нацисты не проводили... Нацистские газеты писали о прекрасных условиях жизни чехов... Как для немцев, так и для чехов увеличивалась заработная плата, улучшалось снабжение...; хорошо была налажена система здравоохранения. ...Многие чехи добровольно отправлялись на работу в Германию. Чехи не подлежали призыву в германскую армию. Все это предопределило внешнее спокойствие в протекторате...»²⁴.

Быстро адаптировавшись к условиям нацистского господства, часть населения протектората оказалась не только в роли жертв, но и в роли соучастников нацистских преступлений. Так, чешские силовые структуры протектората приняли участие в осуществлении преступной нацистской политики геноцида «неарийских» народов. По данным исследователей, на территории протектората Богемия и Моравия было истреблено практически все цыганское население, насчитывавшее около 30–35 тыс. человек. Уничтожение цыган осуществлялось преимущественно чешскими силовыми структурами, начавшись еще до окончательной оккупации чешских земель Германией. Чешские цыгане были собраны в двух концлагерях на территории протектората — в Лети в Южной Чехии и в г. Годонин в Моравии. При этом «концлагерь в Лети был создан по распоряжению чехословацкого руководства 2 марта 1939 г., за две недели до ликвидации “второй Чехословакии”!»²⁵.

Период существования протектората Богемия и Моравия выявил и довольно высокую степень активности местных коллаборантов, ставших частью пропагандистской машины гитлеровского рейха. Так, для нейтрализации прославянских и просоветских настроений среди чешской общественности, вспыхнувших после нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г., радио протектората начало с 15 июля 1941 г. цикл пропагандистских передач под названием «Чех не может быть большевиком». В одной из радиопрограмм в рамках данного цикла чешский протекторатный журналист Алоиз Кршиж убеждал чешских слушателей в том, что «славянство и патриотизм являются лишь одним из жидо-большевистских обманов»²⁶.

Вплоть до освобождения от нацистского господства чешская протекторатная пресса демонстрировала оголтелый пронацистский тон даже в последние недели и дни войны, когда скорый конец гитлеровского рейха был уже очевиден. Так, 25 марта 1945 г. газеты протектората с верноподданническим восторгом писали о «новых успехах немецких подводных лодок», об «успешном отражении» немецкими дивизиями наступления советских войск между озером Балатон и Дунаем и о «мужестве гарнизона в Глогове», который отразил атаки Советской Армии, уничтожив при этом 55 единиц советской бронетехники²⁷. В начале апреля 1945 г. чешская протекторатная пресса радостно сообщала читателям об «огромных советских потерях» в ходе боев в северо-западной Венгрии, об «отважном гарнизоне Кюстрина», который «героически сопротивляется» наступающей Красной армии и об «ожесточенном сопротивлении и решительном боевом духе» 4-й немецкой армии генерала Фридриха Вильгельма Мюллера в Восточной Пруссии. В результате

«фронт этой армии не был прорван и неприятель завоевывал каждый метр восточно-прусской земли ценой крайне тяжелых потерь... Большевики потеряли с 12 января по 28 марта 2557 танков и броневиков, 2734 артиллерийских орудия, 82 самолета и несколько тысяч человек пленными...»²⁸.

Весьма примечательным был номер протекторатной газеты «Национальная политика» (*Národní politika*) за 20 апреля 1945 г., в котором на первой странице под большим портретом Гитлера была опубликована пространная статья под заголовком «Человек несгибаемой воли», посвященная дню рождения нацистского фюрера. В начале статьи автор писал, что день рождения Гитлера «дает нам возможность вспомнить все его заслуги, благодаря которым он навсегда вписал свое имя в историю... и сказать, за что Европа благодарна Гитлеру, биография которого представляется нам героической эпопеей»²⁹. По мнению чешского протекторатного журналиста, заслуги Гитлера состоят в том, что он стряхнул со своего народа «унижение несправедливого версальского диктата, разбудил немецкий народ, ослабленный разрушительными действиями демократической и еврейско-капиталистической коалиции. В нужный момент понял суть обманчивой игры, в которую после мировой войны вовлекли трудящийся народ жидо-марксисты. Вождь не испугался борьбы со стоголавой гидрой еврейских интриг... Для того, чтобы постичь революционное значение учения Гитлера, — говорилось в статье, — можно сказать, что национал-социализм означает... примерно такую же идейную революцию, которой была во время своего возникновения теория солнечной системы Коперника... Если взглянуть на то, что именно несут “союзники” народам, ограбленным при так называемом “освобождении”, то мы увидим, что это лишь возвращение еврейских эксплуататоров, политический хаос и голод. Победа Рейха, напротив, означает для всех европейцев спокойное экономическое и политическое развитие. Европу, — завершал свой панегирик Гитлеру и нацизму чешский протекторатный журналист, — может спасти перед большевистской опасностью только такая сильная личность, как Адольф Гитлер, который в наше время открыл новую эру героизма и патриотической жертвенности...»³⁰.

Даже в начале мая 1945 г. протекторат Богемия и Моравия продолжал оставаться бастионом нацистской пропаганды. Так, 4 мая 1945 г., за считанные дни до краха гитлеровской Германии, «Национальная политика» на первой странице поместила материалы о «мужестве защитников имперской столицы» и о том, что «во главе героических защитников столицы империи пал Вождь, пожертвовавший жизнью в стремлении спасти свой народ и Европу от большевистской заразы»³¹. Здесь же было

опубликовано сообщение Чешского телеграфного агентства (ЧТК) о телеграмме президента протектората Эмиля Хаха преемнику Гитлера гросс-адмиралу Карлу Дёницу. В телеграмме Хаха подобострастно выражал «глубокое соболезнование в связи с тяжелой утратой, постигшей немецкий народ — героической смертью Вождя Адольфа Гитлера»³² и даже высказывал надежду на «счастливый вывод Империи из нынешнего глубокого кризиса»³³.

С освобождением Праги Красной армией и с изменением политической обстановки чешская пресса моментально повернулась на 180 градусов, радикально поменяв тон и виртуозно демонстрируя чудеса приспособленчества. Та же «Национальная политика», еще 4 мая воспевавшая подвиги нацистов и оплакивавшая «героическую смерть Вождя Адольфа Гитлера», уже 11 мая на первой странице опубликовала речь Сталина к советскому народу под крупно набранным заголовком «Настал великий день победы над Германией». В опубликованной здесь же статье «Мы свободны!» говорилось о том, что «в человеческой истории нет, вероятно, примера, способного передать все то зло и дьявольскую злонамеренность, которые являются сутью гитлеровского режима.... Наше будущее развитие никогда больше не должно столкнуться с разрушительным германским империализмом... Немец уже никогда не посмеет пощечинами и прочими издевательствами унизить ни единого чеха... Мы открыли свою землю новым экономическим и социальным течениям, мы хотим заложить новую основу нашего хозяйства и социального устройства, руководствуясь историческим примером Советского Союза...»³⁴. Забавно при этом, что ответственным редактором газеты «Национальная политика» все это время оставался один и тот же человек — доктор Вацлав Йиржина...

* * *

По справедливому замечанию известного чешского историка Йозефа Полишенского, период нацистской оккупации и существования протектората стал для чехов «самым роковым испытанием» и принес им самые тяжкие страдания за всю их историю³⁵. Только война на восточном фронте против СССР не позволила властям нацистской Германии в полной мере приступить к окончательному решению «чешского вопроса» по намеченному ими сценарию, который предусматривал тотальную германизацию Чехии и ликвидацию чехов как самобытного славянского народа. Лишь полный разгром нацистской Германии Красной армией и освобождение Чехословакии Советским Союзом избавили чешские земли от перспективы полной германизации, а чехов — от неминуемой угрозы национального уничтожения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Polišenský J. V.* History of Czechoslovakia in Outline. Praha: Bohemia International, 1991. S. 111.

² *Magocsi P. R.* With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest—New York: CEU Press, 2015. P. 191.

³ *Peroutka F.* Budování státu. 1918—1923. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1998. S. 369

⁴ *Крамарж К.* В защиту славянской политики. Прага—Париж, 1927. С. 118.

⁵ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937 — 1938 гг. М., 1948. С. 15.

⁶ *Seton-Watson R. W.* From Munich to Danzig. London: Methuen & Co. Ltd., 1939. P. 39.

⁷ См.: *Polišenský J. V.* History of Czechoslovakia in Outline. Praha: Bohemia International, 1991. S. 118.

⁸ *Seton-Watson R. W.* From Munich to Danzig... P. 23.

⁹ *Svoboda L.* Cestami života. Praha: Orego, 1996. S. 136—137.

¹⁰ *Beneš E.* Odsun Němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. Praha, 1995. S. 69.

¹¹ Literární Archiv Památníků Národního písemnictví (LA PNP), fond Vladimír Zmeškal, sign.2-H/112, karton 10.

¹² *Sládek M.* Němci v Čechách. Německá menšina v Českých zemích a Československu 1848—1946. Praha, 2002. S. 69.

¹³ Plán na likvidaci českého národa vypracovaný K. H. Frankem pro Adolfa Hitlera 28. srpna 1940. Цит. по: Beneš E. Odsun němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. Praha, 1995. S. 76.

¹⁴ Ibidem. S. 77.

¹⁵ Cesta k dekretům a odsun Němců. Praha, 2002. S. 60.

¹⁶ Цит. по: Beneš E. Odsun němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. S. 83.

¹⁷ *Doležal J.* Česká kultura za protektorátu. Školství, písemnictví, kinematografie. Praha, 1996. S. 12.

¹⁸ German Cultural Oppression in Czechoslovakia. Memorandum of the Czechoslovak National Committee. London, 1940. P. 9.

¹⁹ Etnicita a nacionalismus v diskurzu 20 století. Příspěvek intelektuálů z českých zemí ke studiu kolektivních identit. Brno, 2012. S. 30—32.

²⁰ См.: *MacDonald C.* The killing of SS Obergruppenfuhrer Reinhard Heydrich, 27 May 1942. London, 1989.

²¹ Цит. по: Beneš E. Odsun němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami. S. 78—79.

²² German Cultural Oppression in Czechoslovakia. Memorandum of the Czechoslovak National Committee. P. 14.

²³ *Mezihorák F.* Hry o Moravu. Separatisté, iredentisté a kolaboranti 1938—1945. Praha, 1997. S. 99.

²⁴ *Кретинин С. В.* Судетские немцы: народ без родины. 1918—1945. Воронеж, 2000. С. 176.

²⁵ Там же. С. 186.

²⁶ *Pinard P. R.* Aloiz Kříž a cyklus rozhlasových relací “Co víte o Židech a zednářích?” // Terezínské studie a dokumenty 2005. Editorka Jaroslava Milotová. Praha: Institut Terezínské iniciativy, 2005. S. 196.

²⁷ Národní politika. 25.března 1945. Ročník LXIII. Číslo 72.

²⁸ Národní politika. 1.dubna 1945. Ročník LXIII. Číslo 78.

²⁹ Národní politika. 20.dubna 1945. Ročník LXIII. Číslo 94.

³⁰ Ibidem.

³¹ Národní politika. 4.května 1945. Ročník LXIII. Číslo 106.

³² Ibidem.

³³ Ibidem.

³⁴ Národní politika. 11.května 1945. Ročník LXIII. Číslo 113.

³⁵ *Polišenský J. V.* History of Czechoslovakia in Outline. Praha: Bohemia International, 1991. S. 122.

БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ. 1939–1945 гг.

Валентина Марьина

Подавший после Мюнхена в отставку и эмигрировавший из Чехословакии президент Эдвард Бенеш в начале 1939 г. оказался в США, где выступил с лекциями в Чикагском и других американских университетах¹. В Америке его и застала весть о новом агрессивном акте гитлеровской Германии — расчленении Чехословацкой республики (ЧСР) в марте 1939 г. Западная ее часть под названием протекторат Богемия и Моравия (*Protektorat Böhmen und Mähren*) была включена в состав Третьего рейха, средняя превратилась в фиктивно самостоятельное Словацкое государство, восточная (Подкарпатская Русь) отошла к Венгрии. Англия и Франция вяло протестовали против уничтожения Чехословакии, осудив скорее не саму агрессию нацистской Германии, а невыполнение ею мюнхенских договоренностей. После событий 14–15 марта в обеих указанных странах усилилось недовольство проводимой ими политикой сговора с фашистской Германией. 20 марта советский посол в Лондоне Иван Майский сообщал в НКВД СССР: «Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее... Политика “умиротворения” в сознании широких масс мертва... усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам»².

По сути, о том же сообщал и советский полпред во Франции Яков Суриц: «Акт 15 марта... по щепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене»³. Психология «умиротворения», свойственная тогда руководителям западных держав, была действительно поколеблена, но во все не преодолена. Нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов

полагал, что чехословацкие события, хотя и «встряхнули общественное мнение» в этих странах, но Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье «отнюдь еще не сдались» и «начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии», поскольку упомянутые события «полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток»⁴.

«Мюнхен-1938» стал незаживающей раной Бенеша. Он был травмирован им на всю жизнь и при каждой возможности старался объяснить и оправдать принятое им решение, размышляя в то же время о судьбах демократии в Европе и причинах мюнхенской трагедии⁵. Лекции, прочитанные им в американских университетах, а затем доработанные, вышли в 1942 г. в Лондоне в виде книги под названием «Демократия сегодня и завтра»⁶. Бенеш тогда много размышлял о слабостях западной демократии и искал пути ее совершенствования. Именно в ту пору он проявил себя как последовательный сторонник теории конвергенции, сосуществования двух общественных систем, капиталистической и социалистической, их взаимовлияния и взаимопроникновения. Он же ввел в научный оборот понятия «демократизирующийся социализм» и «социализирующаяся демократия». Согласно мнению Бенеша, нарушение Гитлером мюнхенских договоренностей фактически означало их упряднение, и Западные державы должны считать соглашение утратившим силу.

Мысль о том, что его любимое детище — Чехословацкая республика — должна быть, в конце концов, восстановлена, причем в домюнхенских границах, не покидала Бенеша. Возглавив борьбу за достижение этой цели, Бенеш, юрист по образованию, поднял вопрос о признании Мюнхенского соглашения недействительным с момента его подписания, что являлось первым прецедентом в теории и практике международных отношений. Эти два вопроса — восстановление ЧСР после войны и признание недействительности Мюнхенского соглашения — тесно переплетались и решались в ходе войны параллельно.

Ни Англия, ни Франция, осудив формально расчленение Чехословакии, не собирались отказываться от своих подписей, поставленных под соглашением. Бенеш, сначала осторожно, осмотрительно оценивал позицию Западных держав в отношении Мюнхена, не без основания полагая, что от них во многом зависит успех решения вопроса о будущем ЧСР. Он пока предпочитал выжидать и наблюдать за развитием событий. 21 марта 1939 г. экс-президент писал своему единомышленнику журналисту и политику Губерту Рипке в Париж: «Не нападать ни на Англию, ни на Францию за “Мюнхен”. Я сам не произнес и не произнесу публично ни одного слова. Сдерживаться и далее!»⁷. Такие же инструкции Бенеш дал, по существу, и чехословацкому посланнику в Москве Зденеку Фирлингеру 24 апреля⁸.

Вашингтон не признал акт насилия, совершенный Германией в отношении Чехословакии и приведший к ее исчезновению с карты Европы⁹. 28 мая 1939 г. Бенеш был приглашен на обед президентом США Франклином Рузвельтом. Беседа продолжалась три с половиной часа. Еще до встречи Бенеш направил Рузвельту обширный меморандум, содержащий оценку положения дел в Европе и видение им чехословацкой проблематики. В меморандуме шла речь о признании континуитета существования Чехословацкой республики, о создании ее правительства в эмиграции, о недействительности для Чехословакии Мюнхенского соглашения¹⁰. В секретном циркуляре, направленном Бенешем после встречи с президентом США чехословацким посольствам в Вашингтоне, Париже, Лондоне, Москве и Варшаве, продолжавшем функционировать после расчленения ЧСР, утверждалось, что Рузвельт «резко осудил политику Франции и Англии, особенно Чемберлена, а весь период умиротворения (*appeasement*) считает фундаментальной ошибкой». «Он поддерживает нас, — говорилось в циркуляре, — аннексию Чехословакии не признает и... верит в быстрое восстановление нашей независимости. Он полагает, что в сентябре [1938 г. — *В. М.*] мы не могли и не должны были вести войну в одиночестве. Он считает аннексию Чехословакии величайшей ошибкой Германии», за которую «она дорого заплатит»¹¹.

Позиция Рузвельта дала Бенешу дополнительный аргумент при разработке им концепции континуитета домюнхенской Чехословакии, признания международным правом непрерывности ее существования в домюнхенских границах и постановки вопроса о недействительности Мюнхенского соглашения. Встречался экс-президент в Вашингтоне и с советским послом Константином Уманским¹². 1 июня 1939 г. Уманский передал советскому правительству Меморандум Бенеша по чехословацкому вопросу¹³, который содержал, по сути, то же, что и меморандум на имя Рузвельта.

В июле Бенеш вернулся в Европу. Поселившись в Лондоне, он по мере необходимости наезжал в Париж, в котором проживало много чешских и словацких эмигрантов. В Англии и особенно во Франции, где по-прежнему у власти находились правительства «мюнхенцев» Чемберлена и Даладье, возвращение Бенеша не встретило энтузиазма¹⁴. Но среди видных английских политиков были и такие, кто осуждал официальный правительственный курс, в том числе Уинстон Черчилль, Энтони Иден и ряд их единомышленников. 27 июля Черчилль дал в честь Бенеша обед, на котором присутствовало около 40 политиков и общественных деятелей. В своей приветственной речи, как следует из записи начальника канцелярии Бенеша Яромира Смутного, будущий англий-

ский премьер высоко оценил двадцатилетние заслуги Бенеша в поддержании мира, проведении «достойной уважения политики» и особенно оценил «его джентльменское и самоотверженное ведение переговоров во время прошлогоднего кризиса». Черчилль заявил, что, пока Чехословакия будет находиться под фашистским ярмом, в Европе не будет мира, и обещал, что, пока жив, будет стремиться «исправить ужасную ошибку», совершенную в отношении Чехословакии¹⁵.

Главной задачей Бенеша на тот момент было добиться согласия Запада на создание Временного чехословацкого правительства в эмиграции и международного признания концепции континуитета Чехословакии, т. е. фактического отказа Англии и Франции от соглашения четырех. Вынужденный принять мюнхенский ультиматум, он сразу и особенно после марта 1939 г. начал развивать мысль о противоречии соглашения международному праву. Четко позиция по этому вопросу была сформулирована Бенешем в письменной инструкции чехословацкому посланнику в Варшаве Юраю Славику 30 июля 1939 г.: «Юридически мюнхенское решение для нас не существует. Принятое без нашего участия, оно было навязано нам, никогда не было ратифицировано, никем из подписавших его не соблюдалось и не выполнялось, и, наконец, агрессией 15 марта было окончательно уничтожено»¹⁶. Но английские и французские «мюнхенцы» пока не признавали Чехословакию существующим с точки зрения международного права государством и не хотели отказываться от Мюнхенского соглашения¹⁷. Даже с отставкой 23 марта 1940 г. кабинета Даладье официальная позиция Франции по чехословацкому вопросу не изменились: незадолго до ее поражения, перемирия с Германией (22 июня 1940 г.) и эвакуации Парижа во французском МИДе были сожжены все документы, касавшиеся сентябрьского кризиса 1938 г. и Мюнхенского соглашения¹⁸.

10 мая 1940 г., в день немецкого нападения на Голландию, Бельгию и Люксембург, возглавляемое Чемберленом правительство «мюнхенцев» ушло в отставку. Пост премьера получил Черчилль, а министром иностранных дел через полгода стал Иден. Бенеш был несказанно рад этим переменам¹⁹, считая, что правительство Черчилля имеет «совершенно определенный антимюнхенский характер»²⁰. Хотя чехословацкая проблематика по-прежнему оставалась на периферии внимания английской политики, Бенеш упорно добивался своего. Английский МИД (до осени его возглавлял лорд Эдуард Галифакс) считал, что негативная реакция английского правительства на ликвидацию ЧСР не означает занятия им окончательной позиции в вопросе правового континуитета Чехословацкой республики. Несмотря на то что 21 июля Великобритания дала согласие на ее восстановление после войны,

о прямом признании недействительности Мюнхенского соглашения речь не шла²¹. Черчилль в радиообращении к чехословацкому народу по случаю второй годовщины Мюнхена 30 сентября 1940 г. заявил, что Мюнхенское соглашение мертво, что оно было уничтожено немцами²². Смысл этого заявления толковался по-разному, Бенеш же усматривал в нем признание английским правительством Мюнхенского соглашения несуществующим²³. Но если англичане и признавали его несуществующим, то не потому, что считали изначально соглашение ошибочным и достойным осуждения, а потому, что оно было уничтожено Гитлером в марте 1939 г. Это было сродни английскому заявлению по поводу расчленения Чехословакии: в нем содержался протест не против самого акта агрессии Германии, а против нарушения ею мюнхенских договоренностей.

Все эти нюансы и тонкости английской политики не мог не понимать Бенеш, но предпочитал в той конкретной ситуации не акцентировать на них внимание. В первой половине 1941 г. Бенеш еще не раз возвращался к проблемам Мюнхена, правового континуитета ЧСР и ее границ. В частности, речь об этом заходила при обсуждении с англичанами вопроса о возврате Чехословакии Судетской области и в связи с этим о выселении с этой территории судетских немцев²⁴.

Международная ситуация между тем резко изменилась: 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Возник вопрос о восстановлении советско-чехословацких дипломатических отношений, прерванных в конце 1939 г. в связи с изменением внешнеполитического курса СССР после подписания т. н. Пакта Молотова — Риббентропа²⁵. Позиция Советского Союза относительно судьбы малых европейских государств, захваченных гитлеровской Германией, была сформулирована 3 июля 1941 г. в телеграмме НКВД СССР советскому послу в Лондоне Ивану Майскому накануне его встречи с Бенешем. В ней говорилось, что СССР выступает «за создание независимого Польского государства в границах национальной Польши», а также «за восстановление Чехословацкого и Югославского государств»²⁶.

12 июля было подписано советско-английское соглашение о сотрудничестве в войне против гитлеровской Германии. 16 июля Военный кабинет Великобритании принял решение о признании Чехословакии де-юре, но с вручением соответствующей ноты англичане опоздали. На несколько часов их опередил СССР: утром 18 июля было подписано Соглашение «между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Чехословацкой Республики». Оно предусматривало немедленный обмен посланниками; взаимопомощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии; согласие

советского правительства с образованием на территории СССР чехословацких воинских частей²⁷.

19 июля чехословацким посланником в СССР был снова назначен Фирлингер, покинувший Москву в декабре 1939 г. Советский Союз, признав правительство Чехословацкой республики, тем самым де-факто заявил (во всяком случае чехословацкая сторона трактовала это именно так) о своем положительном отношении к правовой и политической преемственности республики, ее восстановлении в домюнхенских границах. Заключение соглашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии. 26 июля руководимое Бенешем чехословацкое правительство признал Китай²⁸. 30 июля о своем признании *временного* чехословацкого правительства заявили США, и лишь 26 октября 1942 г. решением президента США Рузвельта временное признание было заменено полным и окончательным²⁹.

Осень 1941 г. была временем тяжелейших испытаний для Советского Союза. 7 декабря после нападения японцев на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в войну вступили США, что значительно изменило расстановку противоборствующих сил. В середине декабря в Москву прибыл с визитом английский министр иностранных дел Иден. Целью предстоявших переговоров являлось укрепление советско-английского сотрудничества в войне против нацистской Германии и прояснение вопроса о послевоенном устройстве Европы. Уже в первой беседе с Иденом 16 декабря Иосиф Сталин выразил желание наметить общую схему реорганизации европейских границ после войны и изложил свое видение проблемы. Он заявил, что Советский Союз должен быть восстановлен в границах, существовавших в 1941 г. до нападения Германии на СССР. Советский лидер высказался и за восстановление Чехословакии в «старых границах, включая Судеты». Этот район, полагал Сталин, «ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны»³⁰. Заявление Сталина, по сути, включало все основные на тот период пожелания чехословацкого эмигрантского правительства, касающиеся границ восстановленной Чехословакии. Позиция Идена в этих вопросах сводилась к следующему: британское правительство «не считает возможным признавать новые границы немедленно, до конца войны», их следует отложить до мирной конференции. Взаимопонимания на переговорах достичь не удалось.

Москва уже не в первый раз неофициально заявляла о желании видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах. Лон-

дон, признав Мюнхенское соглашение утратившим силу, пока не торопился осудить его. Бенеш же продолжал упорно и настойчиво добиваться ясности в вопросе признания союзниками правового и политического континуитета Чехословакии и признания Мюнхенского соглашения недействительным с самого начала. Он принял решение о поездке в Москву, чтобы прояснить ее отношение к волновавшим его вопросам о континуитете ЧСР, ее границах и т. д.

28 апреля 1942 г. на стол Вячеслава Молотова легла секретная справка о поездке Бенеша в Москву, составленная IV Европейским отделом НКВД СССР. Бенеш утверждал, говорилось в Справке, что англичане «отстаивают мюнхенский раздел Чехословакии, и английское правительство не хочет дать ему точный ответ о восстановлении Чехословакии... Бенеш, не получив от англичан признания домюнхенских границ Чехословакии, явно рассчитывает получить это признание от нас и, тем самым, заставить англичан аннулировать мюнхенское соглашение». Президент намеревался также обсудить вопрос об общей границе между СССР и Чехословакией, что, по его мнению, являлось «предпосылкой будущей безопасности Чехословакии». Бенеш, говорилось в Справке, «признает наши границы 1941 г. ...и вполне вероятно, что он будет готов заявить об этом публично в итоге переговоров в Москве, получив взамен от нас признание необходимости восстановления домюнхенских границ Чехословакии»³¹.

В первой половине 1942 г. чехословацкое правительство не прекращало своих усилий, направленных на получение от британских властей заявления о признании Мюнхенского соглашения недействительным с самого начала. Естественно, что на англичан не мог не влиять взгляд Москвы на конфигурацию послевоенной ЧСР. А он был неофициально обозначен: Чехословакия должна быть восстановлена в домюнхенских границах. В ходе визита Молотова в Лондон для подписания советско-английского союзного договора состоялась и его встреча (9 июня 1942) с Бенешем. Молотов подтвердил, что «советское правительство выступает за восстановление независимой, сильной Чехословакии... в тех границах, которые существовали до Мюнхена»³². Пока это было лишь устное заявление, но Бенеш надеялся, что оно будет подтверждено и письменно. Еще накануне этой встречи, 7 июня, Иден сообщил Бенешу следующее: английское правительство, учитывая, что Германия умышленно нарушила соглашение 1938 г., касающееся Чехословакии, «не чувствует себя связанным никакими обязательствами в этом отношении»³³.

Таким образом, снова подтвердив свои прежние заявления, англичане тем не менее упорно не проявляли желания осудить сам факт под-

писания Мюнхенского соглашения. 5 августа правительство Великобритании сообщило чехословацкому правительству *письменно*, что оно «не считает себя далее связанным Мюнхенским соглашением» и что «при окончательном определении чехословацких границ в конце войны на его точку зрения не будут влиять никакие изменения, происшедшие в этом вопросе как в 1938 г., так и позднее»³⁴. Фирлингер довел этот факт до сведения НКВД СССР³⁵, рассчитывая получить письменное заявление на этот счет. 2 сентября 1942 г., после поездки в СССР (12—16 августа), Черчилль в письме на имя Бенеша подтвердил решение британского правительства³⁶. Англичане готовы были дистанцироваться от Мюнхена, но лишь при сохранении их правовой оценки его изначальной действительности, т. е. фактически они по-прежнему не отзывали свои подписи под Мюнхенским соглашением и не осудили его.

Бенеша в то время устраивал компромиссный характер английской ноты от 5 августа. 29 сентября Фирлингер передал ее в НКВД СССР и выразил пожелание, чтобы «советское правительство, подтверждая получение данной ноты, выразило бы еще раз отношение Советского Союза к мюнхенским решениям в отношении Чехословакии»³⁷. Соответствующее письмо Молотов направил Фирлингеру, предварительно согласовав его текст со Сталиным. «Прошу утвердить этот ответ чехам о Мюнхене. Молотов. 22.X», — написано жирным синим карандашом по тексту послания. Здесь же — красным карандашом помета: «Ст[алин]». В письме говорилось, что «советское правительство с удовлетворением приняло к сведению факт заключения чехословацким и британским правительствами соглашения по вопросу прекращения действия Мюнхенского соглашения 4-х держав от 29 сентября 1938 г. и всех его юридических, политических, дипломатических и территориальных последствий, происшедших в 1938—1939 гг.». Письмо, датированное 24 октября, было вручено Фирлингеру 28 октября³⁸, в день празднования создания ЧСР. Тогда же чехословацкое полпредство в Москве обрело статус посольства, Фирлингер получил ранг посла³⁹.

Но Бенеша и далее продолжал волновать вопрос о позиции СССР в вопросе о Мюнхене. Поставил он его и в декабре 1943 г., когда приехал в Москву для подписания советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. На замечание Молотова, что «точка зрения советского правительства по этому вопросу известна, Бенеш выразил свое удовлетворение и подчеркнул, что остановился на этом вопросе для того, чтобы получить окончательную ясность в этом вопросе»⁴⁰. Проблема границ снова была затронута Бенешем в беседе с Молотовым 21 марта 1945 г. во время переговоров президента в Москве, где он останавливался по пути из Лондона на ро-

дину. Бенеш опять напомнил, что чехословацкое правительство всегда выражало свои взгляды по этому вопросу «формулой — домюнхенские границы». Далее президент сообщил, что за три дня до его отъезда из Лондона англичане заявили письменно о согласии «считать границы Чехословакии, как они [существовали] на 31 декабря 1937 г.», и свою формулировку хотят предложить для обсуждения в ЕКК [Европейская консультативная комиссия. — В. М.] в Лондоне»⁴¹.

На международных форумах советское правительство действительно поддерживало территориальные и прочие претензии Чехословакии, но не все удалось отстоять. Вербального осуждения англичанами подписания Мюнхенского соглашения и признания его недействительности с момента принятия добиться так и не удалось. Вопрос о континуитете существования Чехословакии натолкнулся на утверждение о континуитете английской внешней политики, по сути, означавшее, что подписание Мюнхенского соглашения в конкретных условиях 1938 г. являлось правильным и не подлежит осуждению.

Вслед за Англией и Франция, точнее Французский национальный комитет (ФНК), возглавляемый Шарлем де Голлем, решила высказать свое отношение к Мюнхенскому соглашению⁴². Первоначальный проект французского заявления (9 сентября 1942) по этому вопросу, представленный для ознакомления с ним чехословацкому эмигрантскому руководству, был отвергнут им как неприемлемый⁴³, поскольку исходил из британского утверждения об уничтожении Мюнхенского соглашения лишь вследствие агрессии Германией 15 марта 1939 г. Бенеш настаивал на более ясных и четких формулировках.

29 сентября 1942 г. де Голль направил чехословацкому правительству письмо с заявлением ФНК о недействительности Мюнхенского соглашения и о поддержке борьбы за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах⁴⁴. Заявление вызвало негативную реакцию польской эмиграции, поскольку оно затрагивало, по сути, и вопрос о чехословацко-польских границах. 9 октября ФНК получил резкую польскую ноту протеста: французская поддержка чехословацкого требования восстановления домюнхенских границ квалифицировалась как наносящая вред интересам Польши и противоречащая ее политике защиты польской территориальной целостности. Де Голль заявил, что поляки могут требовать «чего угодно, но Национальный комитет ничего не изменит ни формально, ни по существу в своем заявлении от 29 сентября с. г. о ликвидации Мюнхена»⁴⁵. Однако в ответной ноте ФНК польскому правительству формулировки были смягчены, и говорилось уже о необходимости «дружественного соглашения» по вопросу о границах между Чехословакией и Польшей. После высадки союзников в Нормандии 10 июля 1944 г. че-

хословацкое правительство вопреки британскому желанию высказалось за признание французского временного правительства. Это способствовало подписанию 17 августа чехословацко-французской декларации. В ней говорилось, что обе стороны «считают мюнхенские соглашения со всеми их последствиями недействительными с самого начала»⁴⁶.

Советский Союз к концу войны занял осторожную позицию в отношении Тешинской Силезии, оккупированной Польшей в 1938 г. Москва считала, что этот вопрос должен быть решен «полюбовно» путем переговоров между чехословацким и Временным польским правительством (ВПП), поддерживаемым ею⁴⁷. В памятной записке НКВД СССР о переговорах с Бенешем (27 марта 1945) значилось: «спорные вопросы между Чехословакией и Польшей в отношении Тешина будут подвергнуты благоприятному рассмотрению обеими сторонами в непосредственных переговорах между ними»⁴⁸. «Благоприятное рассмотрение» между правительствами обеих стран продолжалось многие годы и завершилось под давлением Москвы только в 1958 г. установлением домюнхенской границы.

Для Бенеша важна была и позиция США. Он поднимал его, например, в беседе с государственным секретарем США Корделом Хэллом в мае 1943 г., когда тот, по словам президента, заявил, что «мюнхенские решения проводились в духе несправедливости и нечестности, и для Соединенных штатов, поскольку это касается Чехословакии, они являются “null and void” [ничтожными, т. е. не существующими, и недействительными. — В. М.]»⁴⁹.

Так обстояло дело с отношением к Мюнхенскому соглашению в лагере союзников по антигитлеровской коалиции. Наметились подвижки и в стане ее противника. В первую очередь это касалось Италии, вышедшей из войны после падения режима Бенито Муссолини летом 1943 г. Перемирие с Италией, подписанное 3 сентября 1943 г., предполагало решение в будущем всех политических, экономических и финансовых вопросов. Чехословацкое эмигрантское правительство поставило и вопрос об отказе Италией от Мюнхенского соглашения и решений Венского арбитража Германии и Италии от 2 ноября 1938 г. о передаче Венгрии территорий на юге и востоке Словакии и юго-западе Подкарпатской Руси. 26 сентября 1944 г. итальянский министр иностранных дел Карло Сфорца передал чехословацкому представителю при итальянском правительстве единогласное его решение считать «Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г. недействительным с самого начала». Признавались недействительными также решение Венского арбитража и все последовавшие акты, нанесшие вред «независимости и целостности Чехословацкой республики»⁵⁰.

Решение итальянского правительства, широко распропагандированное прессой, несомненно, стало известно и в Венгрии. С октября 1944 г. в Москве велись переговоры о заключении перемирия между СССР и Венгрией. В декабре на освобожденной венгерской территории в Дебрецене было создано временное правительство, которое приняло решение о выходе Венгрии из войны на стороне Германии и объявило ей войну. Активизировались переговоры о перемирии. Чехословакия, которая по праву считала себя жертвой венгерской агрессии, рассчитывала, что при его подготовке будут учтены все ее претензии к Венгрии⁵¹. 20 января 1945 г. направленная в Москву венгерская правительственная делегация подписала соглашение о перемирии с СССР, Англией и США. В нем объявлялись «несуществующими» решения Венского арбитража от 2 ноября 1938 г.⁵²

Что касается Германии, то вопрос о ее отношении к Мюнхенскому соглашению решался уже много лет спустя после окончания войны. В Договоре о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ от 11 декабря 1973 г. констатировалось, что обе стороны рассматривают Мюнхенское соглашение как «несуществующее», «ничтожное» (в чешском тексте — *nulitní*, в немецком — *nichtig*). В договоре о добрососедстве и сотрудничестве между Чехословацкой Федеративной Республикой и ФРГ от 27 февраля 1992 г. стороны подтвердили, что они не имеют друг к другу территориальных претензий и «не будут предъявлять таких претензий и в будущем»⁵³. Чешско-немецкая декларация, подписанная 21 января 1997 г. премьер-министром Чешской республики Вацлавом Клаусом и канцлером ФРГ Гельмутом Колем, признавала ответственность Германии за историческое развитие, приведшее к Мюнхенскому соглашению, и констатировала, что несправедливости, совершенные обеими сторонами, «останутся в прошлом» и что они «не будут отягощать свои отношения политическими и правовыми вопросами, проистекающими из прошлого»⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Марына В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884—1948 гг. М., 2013. С. 258—279.

² Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 — 31 мая 1939 г. М., 1990. С. 306.

³ Там же. С. 329—330.

⁴ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 14. (далее: ДМИСЧО).

- ⁵ Beneš E. Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968.
- ⁶ Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Sv. 1, 2. Londýn (1942). О книге и идеях Бенеша см.: Бенеш Э. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1. № 3 (Перевод с чешского ряда глав книги, предисловие и комментарии В. Марьиной).
- ⁷ Od rozpadu Česko-Slovenská do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2002. S. 62.
- ⁸ Od rozpadu Česko-Slovenská... S. 90.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 19. (далее: АВП РФ).
- ¹⁰ См.: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 167–168.
- ¹¹ Od rozpadu Česko-Slovenská... S. 116
- ¹² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 77
- ¹³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 57–60 (на английском языке). (далее: ČSVDJ).
- ¹⁴ Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Sv. 1. S. 64.
- ¹⁵ Od rozpadu Česko-Slovenská... S. 164–165.
- ¹⁶ Ibid. S. 169.
- ¹⁷ См. подробнее: Марьина В. В. Дипломатия Бенеша после Мюнхенского соглашения. 1939–1945 годы // Новая и новейшая история. № 4 2013. С. 59–84.
- ¹⁸ Od rozpadu Česko-Slovenská... S. 533.
- ¹⁹ Ibid. S. 489–491.
- ²⁰ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Smernice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války. Praha, 1996. S. 58–59.
- ²¹ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946. S. 438–443.
- ²² Ibid. S. 444.
- ²³ Ibid. S. 280.
- ²⁴ Dokumenty z historie československé politiky. 1939–1943. Díl 1. Praha, 1966. S. 182–183 (далее: ДНЧР-1).
- ²⁵ См. подробнее: Марьина В. В. СССР — Словакия. 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты. М., 2017. С. 67–134.
- ²⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. М., 1973. С. 198.
- ²⁷ ДМИСЧО 4-1. С. 129.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 49.
- ²⁹ Beneš E. Šest let exilu... S. 463–464.
- ³⁰ Ржевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 38–39.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 06, Оп. 4. П. 25. Д. 274. Л. 2–6.
- ³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 5–6.
- ³³ ČSVDJ. 1. S. 345, сноска 4 к док. № 168.

³⁴ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 55 (сноска к док. № 28).

³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 84.

³⁶ ДНЧР-1. S. 286.

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 100.

³⁸ Там же. Д. 273. Л. 19–20; Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. С. 55

³⁹ ČSVDJ. 1. S. 396.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 3.

⁴¹ Там же. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1.

⁴² Цит. по: *Kuklik ml. J., Němeček J. Cesta k odznamenání Mnichova za druhé světové války // Mnichovská dohoda cesta k destrukci demokracie v Evropě. Praha, 2004. S. 138–139.*

⁴³ ДНЧР-1. S. 280.

⁴⁴ Československo-franzouzské vztahy v diplomatických jednáních 1940–1945. Praha, 2005. S. 166–172, 174–179, 190–191.

⁴⁵ Ibid. S. 200–201.

⁴⁶ Ibid. S. 395–401.

⁴⁷ См. подробнее: *Марьина В. В. Советский Союз и Чехословакия. 1945 год // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 42–43; Němeček J. Od spojení k roztržce. Vztahy československé a polské exilové reprezentace 1939–1945. Praha, 2003. S. 260–294.*

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 37. Д. 497. Л. 485.

⁴⁹ ČSVDJ. 1. S. 482.

⁵⁰ *Kuklik ml. J., Němeček J. Cesta k odznamenání Mnichova... S. 143–144.*

⁵¹ ČSVDJ. 2. S. 426–427.

⁵² Ibid. S. 457.

⁵³ *Mrazek J. Mnichov a jeho důsledky z pohledu mezinárodního práva // Mnichovská dohoda... S. 358; Анисимов Л. Н., Мазуров В. К. Недействительность (ничтожность) Мюнхенского соглашения // Правоведение. 1975. № 5. С. 80–86.*

⁵⁴ О декларации см. подробнее: *Марьина В. В. Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 гг. // Славяноведение. 2003. № 3. Приложение. С. 40–43.*

КАК ПОЛЬША УЧАСТВОВАЛА В РАСЧЛЕНЕНИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1938 г.

Геннадий Матвеев

1 сентября 2009 г., по случаю торжеств в Гданьске, связанных с 70-летием начала Второй мировой войны, президент Польши Лех Качиньский опубликовал на своем официальном сайте статью по поводу этого события, а также произнес две речи на полуострове Вестерплатте, с обстрела которого учебным броненосцем «Шлезвиг-Гольштейн» формально началась Вторая мировая война. В совокупности эти выступления можно рассматривать и как вариант польского взгляда на вопрос о виновниках окончательного краха версальской системы безопасности.

Хронологически первой в ряду президентских выступлений можно считать размещенную в Интернете статью «Примирение возможно только через правду». В ней ответственность за то, что война не была своевременно предотвращена, Качиньский возложил на «тоталитаризмы», а также на «западные демократии», которые, столкнувшись с дилеммой «бороться или договариваться», выбрали политику «умиротворения и приручения хищника», завершившуюся Мюнхеном. У «остальных государств, особенно тех, из Центральной Европы, расположенных между двумя могучими тоталитаризмами», выбор ограничивался двумя возможностями: «или вассализация, или защита собственной субъектности и идентичности». Польша, по словам Качиньского, первоначально склонялась ко второму варианту, обдумывала превентивную войну с Третьим рейхом, но, не поддержанная западными союзниками, выбрала собственный, третий путь, «решилась на политику равного удаления от обоих тоталитаризмов» в дополнение традиционных союзов с Британией и Францией.

После этих, достаточно традиционных для польской историографии констатаций, Л. Качиньский написал: «Но сохранять эту конструкцию было все труднее, когда тоталитаризм вступил в Австрию, в Судеты, в чешскую Прагу. Это тогда мы совершили ошибку Заользья»¹. У читателя, не очень хорошо зна-

кого с хронологией событий последних полутора предвоенных лет, вполне могло сложиться впечатление, что некая «ошибка Заользья»², суть которой президент не раскрыл, была совершена Польшей после того, как в результате агрессивных действий Германии Чехословакия перестала существовать, т. е. в марте 1939 г.

Не прояснило вопроса о времени «ошибки Заользья» и утреннее выступление Л. Качиньского перед представителями польского истеблишмента и общественности. В нем он, как бы полемизируя с неназванными оппонентами, заявил, что у Польши нет ни малейших поводов для покаяния в соучастии в развязывании мировой войны: «Это не Польша должна каяться. Для этого у нас нет никаких поводов. Повод есть у других. Повод есть у тех, кто к этой войне привел, кто этой войне поспособствовал»³.

Во второй половине дня, выступая перед 20 приехавшими на торжества главами правительств, среди которых были В. В. Путин и А. Меркель, Л. Качиньский вновь коснулся «ошибки Заользья», на этот раз более подробно. Как и в статье, он вновь обвинил Францию и Великобританию в политике «попустительства тоталитаризму», напомнил о польском плане превентивной войны, оправдал декларацию о ненападении между Польшей и Германией, заключенную в январе 1934 г. (по его словам, «в той ситуации это был необходимый пакт, его ни в коем случае нельзя сравнивать с пактом Риббентропа — Молотова, заключенным спустя шесть лет», который «не был только пактом о ненападении, это также был пакт о разделе влияния в значительной части Европы»), охарактеризовал Мюнхенское соглашение: «Политика уступок привела вначале к аншлюсу, затем к Мюнхену... Как верно сказал Уинстон Черчилль, между честью и позором был избран позор, но и так не удалось избежать войны».

И только после этого Л. Качиньский задался вопросом о роли Польши *в то время*. Сам он ответил на него так: «Мы не были в Мюнхене, но его следствием стало нарушение территориальной целостности Чехословакии. Нарушение территориальной целостности, которое всегда зло, было тогда, есть и сейчас... Участие Польши в расчленении, во всяком случае, в территориальном ограничении современной Чехословакии, было не только ошибкой, было грехом. И мы способны в Польше в этом грехе признаться и не искать оправдания. Не искать оправданий, даже если бы их можно было найти»⁴. Но при этом Л. Качиньский не стал просить у чехов прощения за этот, как он выразился, грех, за причиненное им зло. Как, впрочем, не попросил у них извинений и за оказанную Польшей помощь Венгрии в отторжении юго-восточных районов Словакии в октябре — ноябре 1938 г.⁵

Если исходить из сказанного польским президентом 1 сентября 2009 г. об «ошибке Заользья», то вполне может создаться впечатление, что речь идет о спонтанных, спровоцированных Мюнхеном, действиях польского руководства осенью 1938 г., следствием которых стало принуждение Польшей Чехословакии к передаче ей спорной части Тешинской Силезии. Что касается следствий, то о них хорошо известно с начала октября 1938 г., когда польские вой-

ска начали оккупацию Заользья. А вот с утверждением о спонтанности польских действий во время Мюнхенского кризиса согласиться невозможно.

Для этого достаточно ознакомиться лишь с некоторыми документами II отдела Главного штаба Войска Польского, занимавшегося вопросами разведки и контрразведки, а также диверсионной деятельностью за рубежом. Из них неопровержимо следует, что подготовка Польшей тайной операции по расчленению Чехословакии началась задолго до сентября 1938 г., еще в 1935 г. А необходимые условия для ее практической подготовки, по признанию сотрудников польских спецслужб, были созданы польско-германской Декларацией о ненападении, подписанной 26 января 1934 г.

Вовсе не спонтанно, реагируя на Мюнхен, действовала Варшава в сентябре 1938 г. Польские диверсионные группы по приказу Варшавы начали террористическую операцию в чешской части Тешинской Силезии тогда, когда Чемберлен и Даладье еще не паковали чемоданы для поездки в Мюнхен. Целью операции была дестабилизация суверенного государства, члена Лиги Наций как и Польша, как и Польша, близкого союзника Франции, государства, с которым вопрос о принадлежности Заользья был урегулирован еще в 1925 г. Показательно и то, что одновременно Варшава вступила в переговоры с Берлином относительно разграничения их будущих территориальных приобретений в ЧСР, в частности в Богумине.

Ниже публикуются два документа из т. н. трофейного фонда Российского государственного военного архива (РГВА). Они попали в поле моего зрения в начале 1990-х гг., когда Особый архив СССР, переименованный в Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), открыл исследователям доступ к своим фондам. В их числе были и материалы II отдела Генерального/Главного штаба Войска Польского за 1920–1930-е гг. Естественно, мое внимание привлекла обширнейшая документация двух спецопераций, проведенных отделением № 2 (специализировалось на диверсиях) II отдела Главного штаба в чешской части Тешинской Силезии и на Подкарпатской Руси в сентябре — октябре 1938 г. В 1939 г. это дело попало в руки немцев, о чем они оставили соответствующее свидетельство⁶, а в конце войны стало советским военным трофеем.

Поскольку заинтересовать кого-либо в России публикацией этих документов мне не удалось (для этого их следовало перевести на русский язык, а это серьезно удорожало издание), я со своими коллегами из Лодзинского университета, профессорами Павлом Самусем и Казимежом Бадзяком напечатал их на языке оригинала в Польше. В 1997 г. в Варшаве вышел сборник документов «Восстание в Заользье»⁷, а спустя год — «Операция “Лом”»⁸, о спецоперации в Закарпатье. В Польше сборники прошли почти незамеченными, рецензии на них написали лишь молодые ученики моих коллег, а не маститые знатоки проблематики, хотя экземпляры сборников я им вручил лично. Из российских исследователей изданием до сегодняшнего дня воспользовался только С. В. Морозов⁹. Сюжет «Заользья» также затрагивался мной, в том числе в опубликованной в 2012 г. коллективной монографии, посвященной польской истории XX — начала XXI в.¹⁰

*Инструкция начальника Главного штаба
Войска Польского генерала В. Стахевица
польскому военному атташе в Берлине*

Исх. № 26887/ I секретно
28. IX. 1938 г.

Инструкция военному атташе при посольстве Польши в Берлине

В связи с возможностью, что наши интересы в Богумине могут столкнуться с немецкими интересами, наши задачи следующие:

Железнодорожный узел Богумин является основной и единственной сортировочной станцией для всей центральной и восточной части Карвинско-Остравского бассейна и с этим бассейном теснее всего связан и не может быть от него отделен.

Для немцев он имеет совершенно второстепенное значение, только как конечный узел линии, идущей из Рацибужа.

При таком положении вещей совершенно несравнимо значение узла Богумин для нас и для Германии. Поэтому мы должны отстаивать позицию, что с момента овладения нами Карвинским бассейном этот узел обязательно должен принадлежать Польше.

Местности с немецким большинством, к северу от этого узла, расположенные в пределах Фриштатского повета, могли бы быть уступлены немцам. В этом случае линия разграничения выглядела бы как голубая линия на карте.

Немецкие интересы на Богуминском узле, связанные с железнодорожной линией, ведущей из немецкой Силезии, были бы полностью гарантированы. Сортировочной станцией для западной части Карвинско-Остравского бассейна является Моравская Острава.

В случае невозможности принятия нами Богуминского узла, нужно требовать передачи в собственность, а в конечном счете в пользование ПКП [Польских железных дорог] нескольких групп путей с соответствующим оборудованием для сортировки, а также помещений для паровозов вместе с тракционным оборудованием и помещений для персонала. Работа на этих группах путей должна была бы вестись ПКП самостоятельно.

В этом случае Польша заняла бы пути до красной линии, намеченной на карте, а вопрос о Богуминском узле был бы решен специальной комиссией.

Р. S. Вопрос будет обсуждать с немцами посол, который получает соответствующие инструкции из МИД.

Стахевиц

*РГВА. Ф. 308. Оп. 12. Д. 281.
Л. 5—5об. Автограф.*

*Из отчета отделения № 2
II отдела Главного штаба Войска Польского
о подготовке и проведении секретной операции
по отторжению от Чехословакии
так называемого Заользья*

Не раньше ноября 1938 г.¹¹

После польско-германского пакта о ненападении в 1934 году¹² исчезла одна из опор политики Бенеша, что, после того как Лига наций продемонстрировала свою немощь, стимулировало необходимость заняться проблемой чехословацкого государства. Ход событий не заставил себя ждать. Осуществленный Гитлером аншлюс Австрии предопределил судьбу Чехословакии. В 1935 году настроения на этнографически польской территории показали, что эта этнографическая часть Польши по-прежнему ожидает освобождения из-под чешской оккупации, однако она может быть только пассивным наблюдателем событий. Ни о каком вооруженном порыве в тот момент нечего было и думать, поскольку весь патриотизм населения заключался в ожидании помощи извне, т. е. прихода польской армии.

Такая ситуация облегчала задачи польской внешней политики, но только в случае формального объявления войны и вооруженного занятия Силезии за Ользой, однако не давала польской внешней политике ни малейшей возможности использовать настроения этого населения в вопросе о присоединении этой области к Речи Посполитой. Одним словом, нужно было сформировать активную позицию этого общества в приближающихся событиях.

Официальная внешняя политика этим делом заняться не могла, действуя, с одной стороны, с помощью политических выступлений и заявлений польского населения, а с другой стороны, путем активизации усилий в культурно-просветительной области, предпринимаемых консульским департаментом МИД, а также через посредство Всемирного союза поляков за границей. Этими же средствами министерство иностранных дел действовало на внутреннем фронте через посредство Общества помощи зарубежной Полонии, формируя у польского общества интерес к полякам за границей, особенно к судьбе польской национальной группы в Чехословакии. Кроме того, согласованно с МИД действовал Комитет культурной опеки над поляками в Чехословакии, расположенный в Катовицах.

При этом вне поля зрения оставалась такая наиважнейшая сфера, как подготовка населения к эвентуальному вооруженному выступлению в качестве необходимого козыря в решении судьбы этой территории.

По инициативе директора консульского департамента МИД Виктора Томира Дриммера и шефа отделения 2 II отдела Главного штаба майора Хараш-

кевича Эдмунда была создана тайная организация с центром в Варшаве под названием «Комитет семи», сокращенно «К. 7», заданием которой была подготовка кадров боевиков на территории Силезии за Ользой и соединение этой акции с аналогичной организацией в Силезском воеводстве.

17.IX.1935 года состоялось первое собрание, в котором приняли участие: Виктор Томир Дриммер, Харашкевич Эдмунд, д-р Залеский Владислав Юзеф, Анкерштайн Феликс, Ковальский Тадеуш, Кавалец Тадеуш и Липиньский Войцех.

На этом заседании после принятия номенклатуры во взаимных отношениях «гражданин», было организовано руководство следующим образом:

Шеф организации гр. Виктор Томир Дриммер

Заместитель по политическим вопросам гр. д-р Залеский Владислав

Заместитель по техническим вопросам гр. Харашкевич Эдмунд

Руководитель политической секции гр. Ковальский Тадеуш

Руководитель технической секции гр. Анкерштайн Феликс

Зам. руководителя полит. секции гр. Кавалец Тадеуш

Зам. руководителя технич. секции гр. Липиньский Войцех

Было решено подыскать для территории Силезии за Ользой соответствующего человека с целью поручения ему организационной работы на месте по конспиративной системе (пятерки).

Связным между центром в Варшаве и комендатурой в Заользье решено сделать человека, пребывающего на территории Речи Посполитой в Силезском воеводстве.

Прием в члены организации должен был проходить после детального ознакомления с человеком. После принятия присяги кандидат становился членом организации и с этого момента подчинялся присущим такого типа организациям требованиям. На этом же заседании обсуждался также вопрос об изготовлении тайной радиостанции для Заользья.

Следующее заседание состоялось 24.IX.1935 года.

Краевым комендантом территории Заользья уже до этого был выбран и приведен к присяге гражданин Шипровский Максимилиан.

На следующем заседании 5.X.1935 года был утвержден церемониал присяги (прил. № 1), а также решено в работе организации пользоваться псевдонимами.

20 января 1936 года в состав организационного центра был кооптирован и приведен к присяге гражданин Зых Людвик.

После выработки организационных директив началось изучение местности и людей, стараясь отыскать среди них человека, который мог бы стать местным комендантом. После длительного наблюдения остановились на гражданине Кобели Рудольфе как на кандидате на местного коменданта. В ведении этого коменданта была общественно-политическая и боевая работа. На пост руководителя боевой работы был подготовлен Коминек Юзеф.

В последующие месяцы велась организационная работа в Заользье. Принимали и приводили к присяге кандидатов очень медленно, учитывая, что в За-

ользье люди не были привычны к организациям подобного типа, и поэтому существовала угроза провала в случае недостаточно осторожного подхода к делу.

Осенью 1935 года на территории Заользья начала действовать тайная организация, состоявшая из 5 патрулей, и эта организация выполняла все порученные ей демонстративные акции, не деконспирируясь до конца, хотя все члены периодически сидели в чешских тюрьмах (с другими самовольными выступлениями, имевшими место в неподходящий момент, организация не имела ничего общего).

После полуторагодового перерыва в работе организации, в связи с обострением политической ситуации организация быстрыми темпами занялась наращиванием в Заользье боевых сил с целью их использования в нужный момент.

Обладая информацией о возможных перипетиях борьбы за Силезию за Ользой, организация просчитывала различные возможности и в соответствии с ними готовилась к действиям в Силезском воеводстве и в Заользье. Эти возможности были следующими:

1. Население Силезии начнет восстание и после нескольких дней борьбы получит вооруженную помощь Речи Посполитой.

2. Население Заользья будет протестовать против существующего порядка вещей, совершая демонстрационные и террористические акты.

3. Заользье, занимаемое вооруженными силами Речи Посполитой, окажет активную помощь польской армии.

К пункту 1. На этот случай следовало подготовить соответствующие кадры в Силезском воеводстве, которые, не привлекая правительство и армию, могли прийти на помощь борющемуся за свободу польскому населению.

К пункту 2. Приготовить соответствующее количество оружия и амуниции для пополнения складов боевых групп.

К пункту 3. Довести до сознания членов организации ту роль, которую они должны играть в тот момент, когда польская армия вступит на территорию Заользья (диверсии в тылу чешской армии).

Для всех трех возможностей были определены формы связи с Польшей.

26 июля 1938 года состоялось собрание руководства организации, на котором гражданин Анкерштайн представил следующее фактическое состояние: в области боевой подготовки организовано 10 отделений на местах, состоящих из 3 патрулей каждое, по 5 человек в каждом патруле. 2 отделения в начальной стадии организации. Организовано и приведено к присяге 150 человек, в том числе 67 прошли подготовку.

В области общественно-политической работы организовано 11 человек, в том числе 2 прошедших подготовку.

Вспомогательные действия на собственной территории (связь, организационные подбюро, подбор кадров для Тешинского легиона и т. п.) поручены специальной организационной ячейке, так называемому Ордену пястовских рыцарей.

Скелетная организация Тешинского легиона состоит из 3 командиров рот, 3 отделенных командиров в каждой роте, а также 3—5 командиров патрулей

в каждом отделении. Рядовые (бойцы) Тешинского легиона были предварительно намечены и изучены так, чтобы при необходимости можно было быстро провести мобилизацию.

В приграничных пунктах было депонировано: 150 револьверов, 400 ручных гранат, 200 кг взрывчатки, в Варшаве 800 карабинов и определенное количество автоматического оружия и ручных гранат. Кроме того, для собственной территории для ведения пропаганды была приготовлена прямо-передающая радиостанция.

После принятия данного отчета к сведению было приказано ускорить подготовку этого направления деятельности, но соблюдать секретность.

В момент начала событий состояние организации на местах выглядело следующим образом:

Общественно-политическая группа — 11 приведенных к присяге человек.

Боевая группа — 140 человек, приведенных к присяге и обученных.

На собственной территории Тешинский легион (боевые подразделения) в составе 120 человек, в том числе командные кадры, обученные боевой деятельности.

В процессе организации находится легион Заользье в составе 4 групп: рыбникской, пшчинской, бельской и тешинской.

Когда ход событий показывал, что приближается решающий момент и решение судьбы Заользья произойдет в ближайшие недели, была приведена в действие политико-социальная часть в Силезском воеводстве. В связи с этим организация приняла концепцию создания в качестве инструмента своей деятельности в политико-пропагандистской и организационной областях, а также для курирования всех общественных инициатив — Комитета борьбы за права поляков в Чехословакии, который в связи с развитием событий затем преобразовался в Комитет борьбы за Силезию за Ользой с отделениями в Рыбнике, Пшчине, Бельске и Тешине. В состав президиума комитета вошли: маршал силезского сейма Гжесик в качестве председателя, а также в качестве вице-председателей: вице-маршал силезского сейма Домбровский и адвокат д-р Михейда, а в ходе акции в политических целях в качестве второго председателя комитета был кооптирован д-р Вольф, председатель Союза поляков в Заользье. В этом месте следует подчеркнуть большое понимание, активное сотрудничество и финансовую помощь деятельности организации силезского воеводы д-ра Михала Гражиньского.

Руководство всей совокупностью вопросов, связанных с борьбой за Силезию за Ользой, с самого начала и до конца находилось в руках гражданина В. Т. Дриммера, заместителем которого все это время был гражданин Харашкевич Эдмунд.

15 сентября 1938 года в Катовицы был командирован гражданин д-р Залеский Владислав Юзеф, который после проведения официальных переговоров взял псевдоним Юзеф Саноцкий и как таковой получил поручение координировать политико-пропагандистские действия с боевым участком, руководимым от организации гражданином Анкерштайном, который выбрал псевдоним

инженер Мальский Феликс. Задачей гражданина Анкерштайна была подготовка элементов к демонстративным, диверсионным и эвентуально повстанческим действиям.

Руководство всей акцией из Бельска осуществлял гражданин Анкерштайн, политическое руководство из Катовиц — гражданин Залеский Владислав Юзеф, руководство территории «Заользье» из Моравской Остравы — гражданин Липиньский Войцех.

В момент начала акции в Заользье местная организация была пополнена ценными людьми из Зарубежной организации польской молодежи в Силезии за Ользой, которые до этого момента оставались вне тайной организации.

Связь внутри организации в Заользье, а также связь организации и с организацией была поручена специальным женским патрулям.

24 сентября 1938 года руководство всей акцией согласно плану возглавил гражданин Зых Людвик.

Оформленная таким образом тайная организация имела задачей, с одной стороны, инспирирование, организацию и демонстрирование общественных движений в формах, отвечающих требованиям момента, а с другой — выполнение боевых задач.

До последнего момента, т. е. до момента принятия польского ультиматума чешским правительством, организация сохранила *pro foro externo* характер спонтанных реакций общества, не ангажирующих официальные сферы.

Отчеты руководителей обоих участков прилагаются**.

Акция в Заользье — отчет

Основание для проведения.	Приказ г-на начальника Главного штаба за № 895/38, секретный
Оперативное пространство	Во исполнение этого приказа были предприняты организационные шаги на тешинской территории Силезского воеводства и в тех поветах Заользинской Силезии, на которые Польша имела все права (Тешинский, Фриштатский и Фридекский)
Очерк организации	Была принята следующая организационная схема: I. за границей:
Деление территории	участок «А», охватывающий общественно-политические проблемы; участок «Б», охватывающий чисто боевые подразделения. В целях политической организации территории было применено деление на округа, области, местные комендатуры, местные ячейки. Каждую территориальную единицу возглавил комендант. Было определено 5 округов (Богумин, Фриштат, Карвина, Тешин, Тшинец). Количество подчиненных звеньев зависело от величины и важности округа (3—5).

* Содержащийся в отчете текст присяги не публикуется.

Структура б[оевой] о[рганиза-ции] в Заользье	Организационной единицей б.о. был патруль, состоящий из 3—7 человек, 3—5 патрулей составляли дружину. Планировалось организовать 12 дружин в районах: Богумин, Фриштат, Карвина, Лазы, Орлова, Тешин, Блендовицы, Яблонкув, Фридек, Острава, женскую дружину. Помимо дружин действовали патрули связи на границе, а также персонал коротковолновой радиостанции.
Структура б.о. в Польше	<p>II. Организационной единицей была рота, делившаяся на пять отделений из 3 дружин и 3 секций по 5 человек. Кроме того, существовал штабной отряд, объединявший персонал вспомогательных формирований, таких как: подбюро, пункты связи, склады оружия, посыльные, курьеры.</p> <p>Рота б.о. была кадрированной, состояла только из командиров всех уровней, без рядовых. Последние были присмотрены и поставлены на учет, но были призваны только в момент начала действий. Были установлены следующие призывные районы: I. — Тешин, II. — Устронь, III. — Качицы, IV. — Прухна, V. — Скочув.</p>
Орден пястовских рыцарей	С целью овладения общественным мнением и ведения соответствующей пропаганды была создана организационная ячейка под названием Орден пястовских рыцарей, в состав которого вошли видные деятели Силезского воеводства выходцы из Заользья, связанные с б. о. присягой. Позже орден вошел в состав Комитета борьбы за Силезию с отделениями по всей Польше.
Принципы деятельности	<p>Деятельность организации базировалась на двух принципах:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. иерархии, послушании и военном приказе; 2. полной конспирации. <p>Первый пункт не требует объяснений, так как старшинство и право отдавать приказы вытекало из места в организации.</p> <p>Основой конспиративной деятельности было недопущение знакомства членов организации друг с другом. Друг друга знали только члены одного патруля. Комендант патруля знал только своего непосредственного начальника — командира дружины. Командир дружины знал командира боевых дружин. Друг с другом командиры не были знакомы и не знали об их существовании. Командир боевых дружин знал коменданта района и для облегчения деятельности — краевого коменданта. Эта же система была принята и для участка «А», а также в краевых ротах и вспомогательных подразделениях.</p>
Порядок вербовки	Каждый непосредственный командир в выделенном ему вербовочном районе присматривал кандидата и в случае положительного впечатления сообщал его фамилию вышестоящему командиру, тот в свою очередь следующему, и так вплоть до краевого коменданта и представителя ячейки Главного штаба включительно.

После получения согласия всех заинтересованных лиц непосредственный командир обрабатывал кандидата, после чего, получив его согласие, приводил его в одно из подбюро (чаще всего нелегальным путем), где кандидат приносил присягу согласно определенному церемониалу (текст присяги прилагается) в присутствии руководителя подбюро или же краевого коменданта, если присягал командир более высокого уровня, то и в обществе представителей штаба. Тогда же член организации получал первые инструкции и по возможности направлялся на обучение.

Обучение

Старались обучить максимально большое число членов, делая особый упор на обучение бойцов и руководствуясь принципом, что в каждом патруле (секции) должен быть, по крайней мере, один обученный. Обучение вначале проходило в центральном учебном центре в два тура, а затем также во вновь создаваемых центрах на местах, также в два тура. Местные центры действовали в Висле, Зомбковицах, Коханове под Краковом, Коцежи под Живецом и Яновицах под Бялой. Бойцов обучали конспирации, обращению с пистолетами, ручными гранатами, взрывчаткой, а также диверсионной тактике. Обучение вели инструкторы из отделения 2. Всего до 18 сентября 1938 г. с помощью 10 инструкторов было обучено 175 человек.

Связь

Особое внимание обращалось на поддержание и работу двусторонней связи. С этой целью была сформирована женская дружина, соответствующим образом обученная, а также приграничный патруль, приспособленный также к переноске оружия. Таким образом, связь поддерживалась при помощи:

1. курьеров, снабженных паролями и пропусками;
2. личных контактов;
3. почтовой, телефонной и телеграфной связи;
4. персонала консульства в Моравской Остраве;
5. по радио (приложение — схема связи).

Для радиосвязи использовалась радиостанция в Катовицах, а также в распоряжении были две коротковолновые радиостанции по обе стороны границы и профессиональный персонал.

Вооружение

В связи с запретом вооружать людей в умеренно благоприятных условиях предназначенный для деятельности материал разместили в трех приграничных пунктах на пограничных заставах (Качицы, Лешна Гурна, Истебна).

Богуминская, фриштатская, карвинская, лазовская, женская дружины и патруль Вежнёвицы снабжались в Качицах.

Тешинская, блендовецкая и тшинская — в Лешне Гурной, яблонковская дружина — в Истебне.

На складах находилось: 150 пистолетов FN [Браунинг. — Г. М.], 400 наступательных гранат и 200 кг взрывчатки. Материал был рассортирован и упакован в рюкзаки и мешки для передачи дружинам. Количество материала зависело от численного состава дружин. Очередность доставки была определена следующим образом: пистолеты и патроны, гранаты, взрывчатка.

План переноски оружия предусматривал три варианта:

1. дружины сами обеспечивают себя оружием, присылая на пункты складирования по одному патрулю на дружину (предварительно обученному);
2. оружие переносят транспортные группы станций связи (контрабандисты);
3. краевые отряды вооруженным путем создают условия для перехода транспортных групп, как в пункте 2.

Первый и второй варианты требовали 3—4 дней времени для доставки материалов до мест назначения. Третий вариант давал меньше всего гарантий на успешное решение в условиях укрепленной границы.

Для краевых боевых отрядов было только учебное оружие.

Кадровое
обеспечение
комендатур
и командова-
ний

Краевым комендантом на всю территорию операции был назначен г. Шипровский Максимилиан, поручик запаса, журналист, проживающий в Катовицах.

Комендантом заользынской территории стал г. Кобеля Рудольф, работник по контракту польского консульства в Моравской Остраве, проживающий в Карвине.

Комендантом участка «А» стал г. Потыш Эдвард, генеральный секретарь Союза молодежных организаций, проживающий в Западном Тешине.

Комендантом участка «Б» и командиром боевых дружин был г. Коминек Юзеф, журналист, проживающий в Западном Тешине.

Комендантом краевой роты стал г. Кобеля Ян, учитель, поручик запаса, поветовый комендант Стрелкового союза.

Командирами отделений были:

1. подпоручик запаса Митренга Павел, служащий староства в Тешине;
2. подпоручик запаса Сикора Ян, учитель из Устроны;
3. подпоручик запаса Сикора Владислав, учитель из Тешина;
4. подпоручик запаса Сохач Францишек, учитель в Прухны;
5. подпоручик запаса Ченьчала Ян, учитель в Скочеве.

Обучением руководил капитан Гуттры Владислав.

Снабжением занимался капитан Мельчевский Ян.

Руководителем подбюро в Бельске был г. Орский-Текели Кароль.

	<p>Организацию границы для целей б.о. осуществил инспектор пограничной стражи Сыленчка Францишек.</p> <p>Разведкой руководил комиссар пограничной стражи Запшальский Эдвард.</p> <p>Пунктами связи и складами оружия занимались офицеры и унтер-офицеры пограничной стражи, а также местные жители — все приведенные к присяге члены организации.</p>
Боевое расписание 18.IX.1938 г.	<p>Согласно представленной в приложении схеме боевого расписания, руководство повстанческой операцией 18. IX. 1938 г. располагало:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в заользынском боевом расписании 137 человек; — в краевом боевом расписании 32 человека (кадры); — в боевом расписании штаба 13 человек. <p>Всего: 182 человека</p>
Вступление к повстанческим действиям	<p>18 сентября 1938 года на оперативную территорию прибыл майор Анкерштайн Феликс и приказал увеличить численный состав патрулей до 7 человек, достигая боевой готовности боевого расписания по обе стороны границы в течение двух дней.</p>
Легион «Заользь» (приложение)	<p>Одновременно, предвидя вооруженное столкновение, майор Аркенштейн распорядился формировать легион «Заользь» из добровольцев в поветах: Бельско, Тешин, Рыбник и Пшчина, создавая в этих местностях Комитеты борьбы, а также назначая командования групп в поветах, приказывая достичь маршевой готовности в течение 5 дней, а затем, в связи с прояснением политической ситуации представителем МИД, сокращая этот срок до 3 дней.</p>
Комитет борьбы	<p>Созданный до этого Орден пястовских рыцарей начал теперь действовать под названием Комитет борьбы за Силезию, беря для себя в глазах мира роль инспиратора, а также морального и реального опекуна повстанцев и их действий. Представителем интересов б.о. в комитете была группа ордена. А руководителем и дирижером выступлений вовне — д-р Залеский Владислав из МИД. В распоряжение Комитета борьбы для пропагандистских целей отделение 2 передало свой радиопередатчик (отчет в приложении). Энтузиазм и поддержка всем народом дела Заользья позволили Комитету борьбы очень быстро собрать необходимые средства на дополнительную закупку оружия и снаряжения для б. о., а также на мобилизацию легиона «Заользь».</p>
Мобилизация краевой б. о.	<p>19 сентября 1938 года отделения бойцов предользанской группы были мобилизованы и расквартированы в конспиративных пунктах в центрах вербовочных районов. Первое и второе отделения достигли боевой готовности 20.IX.38 г., третье, четвертое и пятое отделения завершили мобилизацию 23.IX.38 г.</p>

Отделениям были приданы инструкторы для дополнительного обучения. Людям было выдано теплое белье и частично обувь из запасов Комитета борьбы. После окончания мобилизации предольбанская группа б.о. достигла следующей численности:

- первое отделение 61 человек;
- второе отделение 48 человек;
- третье отделение 17 человек;
- четвертое отделение 31 человек;
- пятое отделение 43 человека;
- штабной отряд 18 человек;
- орден 7 человек.

К этой численности добавились отряды, организованные из местных бойцов, которые по разным причинам (мобилизация, за оружием) перешли границу:

- отряд Ковальского Виктора 7 человек;
- отряд Шиндлера Францишка 6 человек;
- отряд Голешного Юзефа 6 человек;
- отряд Моя Людвика 7 человек;
- отряд добровольцев, предназначенных для индивидуальных действий 21 человек.

Всего: 272 человека

Отряд руководства акцией

Командование всеми повстанческими действиями и боевыми отрядами осуществлял майор Анкерштайн Феликс.

Командование боевыми отрядами в Заользье — капитан Липиньский Войцех.

Командование краевыми боевыми отрядами — г. Шипровский Максимилиан.

Ситуация
неприятеля
21.IX.38 г.

Идет процесс занятия линии пограничных укреплений. Организации военной подготовки мобилизованы и частично вооружены, патрулируют все приграничные населенные пункты. Жандармерия и пограничная стража усилены и в полной готовности. Передвижение в приграничной полосе строго контролируется, граница для мужчин закрыта. Средства передвижения реквизированы. Скрытая мобилизация ведется уже месяц. В направлении границы движутся многочисленные военные, транспорт.

Положение
б. о. на месте
21.IX.38 г.

В результате последовательной скрытной мобилизации, а также в связи с созданием Секции молодых в составе Союза поляков, в руководство которой не могли не войти члены б.о. как видные местные деятели, в Заользье возникла неясная ситуация. Издававшиеся Секцией молодых приказы воспринимались на местах как приказы руководства организации.

В частности, приказ бежать в Польшу от мобилизации в чешскую армию именно так был понят некоторыми дружинами, которые из-за этого были частично недоукомплектованы (богуминская дружина — 1 патруль, тшинецкая дружина — 1 патруль, карвинская дружина — 1 патруль, тешинская дружина — 1 патруль, а также отдельные бойцы из фриштатской дружины).

Капитан Липиньский, пополнив штаб, дав Коминеку в помощь Гайджицу, разделил всю территорию на две части: север до Тешина включительно передал под командование Коминека, юг от Тешина до Яблункова включительно — под командование Гайджицы. Кроме того, он издал приказ о пополнении численного состава, так что в итоге боевой состав не изменился. Наконец, приказал послать за оружием и начать демонстрационные действия.

Первая фаза действий.

Приказ о действиях предусматривал две фазы:

1 — без оружия (демонстрации);

2 — с оружием.

Было запрещено уничтожение объектов, средств сообщения и транспорта.

Переброска оружия.

Вечером 21.IX.38 г. майор Анкерштайн издал приказ о переброске оружия. Этот приказ по радио был передан на места, но из-за передачи его радиостанцией в Катовицах на 15 минут позже установленного времени, он не достиг места назначения и был передан непосредственно.

В этот день граница была плотно блокирована военными частями с пулеметами и артиллерией.

Ночью 22 сентября транспортные колонны отправились из Истебны, Лешны Гурной и Качиц. Одновременно местные отряды в соответствии с планом выслали патрули в пункты снабжения.

В Качицы пришли люди из богуминской, карвинской, лазовской и фриштатской дружин. В Лешну Гурную — люди из тешинской и тшинецкой дружин. Патрули из блендовицкой дружины не дошли до границы, их заставили вернуться военные патрули и жандармерия.

В результате оружие из Истебны было перенесено в Яблунков, из Лешны Гурной в Нидек, откуда с помощью женщин оно было постепенно разнесено по назначению.

23.IX. оружие доставили в Быстшицу, 24.IX. — в Тшинец и Коньску. Транспортная колонна из Качиц, состоявшая из бойцов перечисленных дружин, а также из бойцов третьего отделения, перенесла через границу 30 мешков с оружием.

Но она не успела, однако, пересечь в эту ночь линию укреплений, в связи с чем 16 мешков спрятали до следующего дня в Рае под Фриштатом в усадьбе командира дружины Гануса, а 10 мешков в усадьбе Мрайца, командира фриштатского патруля. Часть патруля в составе 4 человек между Дарковым и Карвиной, уже за линией укреплений, натолкнулась на военные патрули, была обстреляна и рассеяна, а комендант транспорта подпоручик запаса Польской армии Сикора Владислав был схвачен. В ту же ночь в Фриштате схватили несколько человек из карвинской дружины, что привело к аресту на следующий день 13 человек в Фриштате, а также обнаружению 16 мешков оружия у Гануса, которого также арестовали.

Северные дружины остались без оружия. Многие люди, преследуемые жандармерией, укрылись, и связь с ними была потеряна, некоторые перешли в Польшу.

Демонстрация
22.IX.38 г.
в Тешине

1. В ночь с 22 на 23.IX. тешинский патруль совершил нападение на дирекцию полиции в Тешине, выбивая стекла в окнах.
2. Тот же патруль совершил нападение на комендатуру жандармерии, разбивая окна и забрасывая помещения камнями.
3. Патруль Вани в Тшиниц бросил первые петарды перед постом жандармерии, почтой, железнодорожным вокзалом и кинотеатром.
4. Патруль Коньска разгромил чешскую школу в Коньске.

Вторая фаза
действий.
23.IX.38 г.

- 22.IX.38 г. майор Анкерштайн приказал начать вооруженную операцию. Этот приказ был передан на места непосредственно.
 5. В Бытшице командир патруля Белеш совершил покушение на жандарма. Промахнулся.
 6. Командир дружины Бугдоль с собственным револьвером напал на железнодорожный мост на линии Зебжидовицы-Богумин, разогнал трех стражников и уничтожил провода к минам (мост был заминирован).
 7. Патруль в Коньске напал на чешскую школу в Тшиниц. Акция не удалась, участники были рассеяны чехами.
 8. Патруль Вани бросил новую серию петард в Тшиниц.
- Одновременно в операцию включились краевые отряды в соответствии с установкой: прорваться как можно дальше на запад, действовать, даже если будут рассеяны. Использовать только 50 % численного состава.

Вступление
в командова-
ние подпол-
ковника Зыха

- 24.IX.38 г. руководство всей повстанческой акцией возглавил дипломированный подполковник Зых Людвик — начальник штаба главной комендатуры пограничной стражи, майор Анкерштайн стал заместителем подполковника Зыха, а также командиром боевых отрядов. В других командованиях изменений не произошло.

- 24.IX.38 г. 9. Полуотделение Митренги под его командованием в составе 28 человек, действуя группами по 5 человек, перешло границу под Тешинем в окрестностях парка Сикоры с заданием осуществить ряд диверсионных акций в Чешском Тешине. На другом берегу реки бойцы натолкнулись на пулеметные позиции и плотную линию стражи. Неприятель открыл пулеметный огонь, освещая предполье прожекторами. Перестрелка длилась около ½ часа. Бойцы отступили, имея одного раненого.
10. Полуотделение Сикоры из Устроми под его командованием в составе 25 человек прорвалось через границу в окрестностях Истебны и дошло на юге до Яблункова. В связи с тем, что командир под влиянием наблюдаемых многочисленных военных колонн пришел в отчаяние, отряд рассеялся, частично закопав оружие. 11 человек жандармерии арестовала в Яблункове и Быстшице. Несколько человек оставались в районе до конца действий. 10 человек спустя 3 дня прорвались обратно в Польшу, проведя под Стошком бой с чешскими стражниками.
- Под Фриштатом был арестован командир боевой дружины Коминек.
12. Люди из тшинецкой дружины сожгли хозяйственные постройки чеха Ржехоржа в Коньской.
- 25.IX.38 г. 13. Продолжение петард в Тшинеце.
14. Патруль Моя перешел границу под Пуныцовой. На некотором отдалении от границы патруль наткнулся на укрепленные позиции с пулеметом. Началась перестрелка, после чего патруль отступил, имея одного раненого.
15. Патруль Ковальского достиг в ту ночь границы, но не сумел ее перейти, дневное время переждал на заставе пограничной стражи в Пуныцове. Границу перешли в ночь с 24 на 25.IX. После вооружения оставшихся в Заользье людей и деления отряда на два патруля, оставляя один под своим командованием, а второй под командованием инженера Гечки, Ковальский по договоренности с командиром дружины Строкошем организовал спланированное нападение на чешскую школу в Коньске. Школа была занята отрядами [чешской] Национальной гвардии и жандармерией. Сигналом к операции стал поджог двух чешских хозяйств, совершенный людьми Строкоша. Патруль забросал гранатами и обстрелял из пистолетов школу, после чего под пулеметным огнем и в свете прожекторов отступил, имея одного раненого осколками гранаты.
16. Одновременно второй патруль (Гечки) атаковал постоянный двор Шута, также занятый жандармерией и Национальной гвардией. После завершения атаки патруль отступил без потерь.
17. Поджог хозяйственных построек чеха Хожинки в Коньске.

18. Петарды в Тшинеце.

19. Отряд бойцов из тешинского отделения в количестве 23 человек под командованием Рыся Фридерика и Доны Кароля, действуя двумя группами, выдвинулся в направлении на Яблунков. После перехода границы в окрестностях Истебны отряд попал в засаду под Гричавой и провел бой с армией, жандармерией и Народной гвардией, вооруженными тремя пулеметами. В результате бойцы потеряли 1 убитого и 1 раненого, который попал в плен. Остальные неорганизованно отступили в Польшу.

26.IX.38 г.

20. Патруль Голешного численностью 6 человек, отправленный к границе 24.IX., из-за неблагоприятных условий перешел границу только 26.IX. вместе с патрулем Сохача. Объединенные отряды совершили нападение на железнодорожный вокзал в Фриштате, забросав его ручными гранатами.

21. Те же отряды осуществили нападение на военно-жандармскую позицию между Фриштатом и Маркловицами. Дело дошло до серьезного столкновения, причем чехи использовали пулеметы и ракеты. Потери были с обеих сторон. Из бойцов были ранены: подпоручик запаса Сохач, командир патруля Голешный и бойцы Гертель и Махай. После боя отряд отступил с ранеными в Польшу. Эта акция произвела очень сильное впечатление во всей Силезии и в Праге, спровоцировала многочисленные статьи в чешской прессе и репрессии в Заользье. Она также оказала сильное деморализующее воздействие на чешские военные подразделения (информация от дезертиров и от командиров чешских подразделений во время занятия района [польской] армией).

25–26.IX. продолжились аресты.

27.IX.38 г.

22. Патруль Вани уничтожил памятник «Где домов муй» в Канаде, взорвав его.

23. Патруль в Лыжбицах разгромил чешскую школу в той же местности.

24. Петарды в Тшинеце (всего брошено около 40 петард в течение 5 дней).

28. IX. 38 г.

Продолжение арестов в Богумине и Яблункове.

29-30. IX. 38 г.

Аресты в Тшинеце и Яблункове.

29 сентября ночью в Заользье направился 21 человек, группами по двое переходя границу по фронту от Тешина до Звардони, в течение 30.IX. они соединились в Заользье с местными бойцами и следующей ночью осуществили ряд диверсий.

25. Возле населенного пункта Чарне бойцы Рулька и Любоцкий вступили в бой с военным патрулем, охраняющим железную дорогу Чаца-Звадронь.

26. Бойцы Ключ Игнаций и Куфа Юзеф в населенном пункте Мосты совершили нападение на чешскую школу, на чешского солдата и на дом чешского шовиниста, используя пистолеты и гранаты. Боец Ченчяла был схвачен жандармерией.
27. Бойцы Альтофф и Завада вместе с патрулем в Быстшице совершили нападение на железнодорожный вокзал в Быстшице, разоружая жандармерию и служащих.
28. Этот же отряд совершил нападение на почту в Быстшице и захватил ее.
29. Часть этого же отряда напала на проходивший военный патруль и разоружила его.
30. Во время разоружения следующего военного патруля началась стрельба, в ходе которой бойцы потеряли двух раненых.
31. Бойцы Скробель и Гжехник перешли границу под Звардонью и дошли с южной стороны до тоннеля под Яблунковским перевалом. Там наткнулись на военных и после перестрелки отошли в горы.
32. Боец Кулиг Павел с тремя людьми разоружил в местности Шигля под Яблунковом чешский отряд из 16 человек, забирая 14 карабинов, 1 пулемет, 35 гранат, 2 ящика патронов и 1 ракетницу.

Остановка
действий

Боевые действия были остановлены 30.IX.38 г. после полудня. Этот приказ не дошел до тех отрядов, которые перешли границу в последнюю ночь.

Боевое
расписание
30.IX.38 г.

В этот день командование боевой организацией располагало следующими обученными и готовыми к действиям подразделениями: в предользанской группе за вычетом потерь:

- первое отделение 48 человек;
- второе отделение 30 человек;
- третье отделение 15 человек;
- четвертое отделение 15 человек;
- пятое отделение 43 человека;
- специальные подразделения в Устрони и Германицах 24 человека.

в заользанской группе:

- переброшенные краевые отряды 38 человек;
- тшинская дружина 15 человек;
- яблунковская дружина 10 человек;
- тешинская дружина 8 человек;
- блендовицкая дружина 12 человек;
- фриштатская дружина —
- карвинская дружина 4 человека
- женская дружина 10 человек

лазовская дружина —

богуминская дружина 4 человека

Всего: 276 человек

В Яблункове, Быстшице, Тшинеце и Тешине оружие было частично роздано людям, частично спрятано в евангелистской церкви в Тешине.

Планировалось использовать эти отряды в момент начала военных действий.

Потери.

Убитых 1 человек.

Умерших вследствие военных действий 2 человека.

Раненых 11 человек.

Арестованных 31 человек.

В ожидании плебисцита.

После занятия доставшейся Польше территории польскими войсками в ожидании плебисцита командование б. о. немедленно приступило к реорганизации боевых патрулей, доведя их число до 29 по 3 человека в каждом. Дополнительное обучение этих патрулей, ознакомление их с часовыми бомбами.

Экспедиция в [Закарпатскую] Русь

В связи с чешско-венгерским спором и беспорядками в Закарпатской Руси возникла необходимость создания специальных диверсионных отрядов для действий на этой территории. Руководство операции на Руси решило использовать готовый, обученный и ценный человеческий материал для действий на этой территории. На призыв явилось 42 человека как холостых, так и женатых и отцов семейств, которые в ряде случаев оставили работу.

Ликвидация

После решения вопроса о плебисците началась ликвидация боевых отрядов. С этой целью была создана ликвидационная комиссия в составе: капитан Липиньский, г. Шипровский и военный чиновник отделения 2. Прежде всего комиссия занялась полным учетом всех участников движения, протокольным описанием произошедших в ходе операции событий, обеспечением людей работой, охватом государственной опекой раненых и членов семей погибших и умерших. Проблема трудоустройства людей, особенно из группы на Руси, была и остается причиной очень неприятных инцидентов и свидетельствует о том, что общественный инстинкт общественного мнения в вопросе о гарантировании хлеба солдату Речи Посполитой в Польше не изменился. Ликвидационная комиссия десятки раз обращалась прямо и через господина силезского воеводу в отдельные фирмы и учреждения, с трудом находя места для бойцов. Остающимся без работы комиссия выплачивала и выплачивает пособие из фонда Комитета борьбы, а также из фонда отделения 2. На сегодняшний день выплачено:

Заключитель-
ные замеча-
ния

- из Комитета борьбы 15 000 злотых;
- из отделения 2 II отдела Главного штаба около 7500 злотых.

Высокопатриотическое настроение заользынского общества, бескорыстие в работе, а также самоотверженное служение национальному делу привели к тому, что подбор человеческого материала для организации, учитывая конспиративный аспект, не составил больших трудностей.

Эффективность методов работы в организации и результаты учебы можно оценить на основании того факта, что за два года существования организации и несмотря на частые коллизии с чешскими властями, не было ни одного провала. А об уровне технической подготовки и моральном состоянии свидетельствуют как действия в Заользье, так и диверсионные акты на Руси, где заользыанские бойцы продемонстрировали безграничные отвагу, умения и солдатский боевой дух. Скромные результаты диверсии в Заользье следует объяснить только отсутствием оружия, которое пришло слишком поздно, причем только отдельным патрулям на южном участке, а также дезорганизацией дружин на северном участке из-за провалов в связи с поздней, и в ненормальных условиях осуществляемой, доставкой оружия через границу.

*РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 461. Л. 1–7, 9–27.
Публ.: Новая и новейшая история. 2018. № 4.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.prezydent.pl/archiwum-lecha-kaczynskiego/aktualnosci/rok-2009/art,21,576,pojednanie-mozliwe-tylko-dzieki-prawdzie,3.html> (доступ 23.12.2017).

² Заользье — часть Тешинской Силезии, с января 1919 по октябрь 1938 г. в границах Чехословацкой республики. В октябре 1938 г. руководство ЧСР под угрозой применения военной силы Польшей согласилось передать ей спорную часть Тешинской Силезии, расположенную к западу от реки Ольза (чешск. Ольше). Эта часть, называемая в Польше Заользьем, в 1945 г. вновь вернулась в состав Чехословакии. Окончательно вопрос о ее принадлежности был урегулирован в 1958 г.

³ <https://www.tvn24.pl/przemowienie-lecha-kaczynskiego-na-westerplatte, 107474,s.html> (доступ 23.12.2017).

⁴ <https://wpolityce.pl/spoleczenstwo/211793-przypominamy-lech-kaczynski-w-2009-r-na-westerplatte-nie-wolno-ustepowac-imperializmowi-przeczytaj-przemowienie> (доступ 23.12.2017).

⁵ Даже такая достаточно сдержанная формулировка вызвала в Польше неоднозначную реакцию.

⁶ РГВИА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 512. Л. 1–2.

⁷ *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* “Powstanie” na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1997.

⁸ *Samuś P., Matwiejew G., Badziak K.* Akcja “Łom”. Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1998.

⁹ *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения 1933 — 1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.

¹⁰ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

¹¹ Отчет был подготовлен начальником отделения № 2 майором Э. Харашкевичем (политическая ситуация и К 7), сотрудниками отделения капитаном В. Липиньским (1935—1938 гг.), майором Ф. Анкерштайном (легион «Заользье»), капитаном В. Липиньским и М. Шипровским (боевая организация), д-ром В. Ю. Залеским (Комитет борьбы) и инженером Василевским (радиостанция). — РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 461. Л. 39.

¹² Имеется в виду подписанная 26 января 1934 г. в Берлине польско-германская декларация о ненападении.

ЗАПИСЬ ХОДА КОНФЕРЕНЦИИ В МЮНХЕНЕ, СДЕЛАННАЯ ДЕЛЕГАЦИЕЙ ГЕРМАНИИ

29 сентября 1938 г.

В 12 ч. 45 м. фюрер открыл совещание и выразил прибывшим главам правительств свою благодарность за то, что они приняли его приглашение прибыть в Мюнхен. Он добавил, что хочет прежде всего дать краткий очерк чешского вопроса, как он представляется в данный момент. Существование Чехословакии в ее настоящем виде угрожает миру в Европе. Немецкое, венгерское, словацкое, польское и карпато-русское меньшинства, которые против их воли были втиснуты в это государство, восстают против его дальнейшего существования. Он, фюрер, может выступить здесь только от имени немецкого меньшинства.

В интересах европейского мира эта проблема должна быть разрешена в кратчайший срок, а именно путем выполнения чешским правительством данных им обещаний о передаче (территории). Германия не может больше смотреть на несчастье и нищету судетских немцев. Растет количество сообщений об уничтожении собственности. Население подвергается варварскому преследованию. С того времени, как он, фюрер, в последний раз беседовал с г-ном Чемберленом, количество беженцев увеличилось до 240 000 и потоку их не видно конца. Кроме того, необходимо положить конец политическому, военному и экономическому напряжению, ставшему невыносимым. Это напряженное положение требует решения проблемы в течение нескольких дней, так как неделями ждать уже больше нельзя. Идя навстречу желанию главы итальянского правительства Муссолини, он, фюрер, изъявил готовность отложить на 24 часа мобилизацию в Германии. Дальнейшее промедление было бы преступлением. Для решения этой проблемы здесь собрались ответственные государственные деятели Европы, и он констатирует, что расхождения между ними минимальны, так как, во-первых, все согласны в том, что территория должна быть уступлена Германии, и, во-вторых, что Германия не имеет других притязаний, кроме как на эту территорию. Точное определение того, о какой именно территории идет речь, нельзя предоставить решению комиссии. Для этого скорее требуется плебисцит, тем более что вот уже двадцать лет, как в Чехословакии не было свободных выборов. В своей речи в Спортпаласе он заявил, что 1 октября он во всяком случае вступит [в пределы Чехословакии]. На это ему тогда ответили, что эта акция будет носить насильственный характер. Таким образом, задача заключается в том, чтобы лишить эту акцию подобного характера. Нужно, однако, действовать немедленно, прежде всего по той причине, что нельзя больше смотреть на преследования, а также и потому, что ввиду колебаний в Праге нельзя больше терпеть промедления. С военной точки зрения оккупация никакой проблемы не представляет, так как продвигаться во всех направлениях пришлось бы на небольшую глубину. Таким образом, при желании можно очистить территорию в те-

чение десяти дней, он убежден, даже в шесть-семь дней. Идя навстречу общественному мнению Англии и Франции, он оставляет открытым вопрос о вводе германских войск в те районы, в которых будет проведен плебисцит. Но в этом случае чехи со своей стороны должны сделать то же самое, чтобы для обеих сторон были созданы одинаковые условия. О формах передачи можно еще поговорить, но действовать нужно быстро. Нельзя долго терпеть такого положения, когда в Европе, как это имеет место в данный момент, вооруженные государства противостоят друг другу.

Премьер-министр Чемберлен поблагодарил сначала фюрера за приглашение на совещание. Он поблагодарил также и дуче, по инициативе которого, если он правильно понял, состоялось сегодняшнее совещание. Это совещание дает Европе новую передышку, в то время как еще вчера катастрофа казалась в непосредственной близости. Он вполне согласен с тем, что нужно действовать быстро, и он особо приветствует заявление фюрера о том, что он не хочет применять насилие, а желает создать порядок. Если к проблеме подойти в таком духе, то он уверен, что будут достигнуты результаты.

Глава итальянского правительства заявил, что в принципе все уже договорились и что сейчас речь идет только о том, чтобы претворить теорию в практику. Особую важность приобретает при этом вопрос о сроке. Каждое промедление является источником опасностей. Он особенно настаивает на ускорении действий, потому что ускорение в данном случае полностью совпадает со справедливостью. Лучше всего еще сегодня прийти к соглашению, так как промедление даже на 24 часа вызвало бы новое беспокойство и новые подозрения. В целях практического решения проблемы он вносит следующее предложение (см. приложение 1).

Французский премьер-министр Даладье также поблагодарил фюрера за его инициативу. Он рад, что ему представилась возможность лично встретиться с фюрером. План такой встречи существовал и раньше, но, к сожалению, обстоятельства до сих пор мешали его осуществлению, но французская поговорка гласит: «Лучше поздно, чем никогда».

Премьер-министр Даладье высказал затем также дуче свое особое восхищение его шагом, который, надо надеяться, поведет к разрешению настоящего вопроса. Он, как и г-н Чемберлен, придерживается мнения, что действовать надо с величайшей быстротой. Он особо приветствует проникнутое духом объективности и реализма предложение дуче, которое он принимает в качестве основы для дискуссии. Это, конечно, не означает, что он согласен со всеми пунктами, так как следует принять во внимание и вопросы экономики, дабы не создать почву для будущих войн. И, наконец, остается нерешенным вопрос об организации плебисцита и разграничении данной зоны. Он упоминает об этих пунктах лишь потому, что не изучил еще только что оглашенного предложения. Но уже теперь он может принять его за основу для дискуссии.

Премьер-министр Чемберлен также приветствовал предложение дуче и заявил, что и он мыслил себе решение вопроса в духе этого предложения. Что касается требующихся от Англии гарантий, то он приветствовал бы, если бы

здесь присутствовал представитель чешского правительства, так как Англия, естественно, не может дать гарантий в том, что территория будет эвакуирована к 10 октября и что не будут иметь место никакие разрушения, если на этот предмет не будет дано заверения чешским правительством.

Фюрер ответил на это, что он вовсе не заинтересован в заверении чешского правительства, так как именно это правительство как раз и производит разрушения. Вопрос заключается именно в том, как заставить чешское правительство принять это предложение. Существует единое мнение в отношении того, что Германии будет уступлена эта территория. Однако чехи утверждают, что не могут очистить территорию до того, как будут возведены новые укрепления и приняты решения экономического характера.

Премьер-министр Даладье ответил, что французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства. Чешское правительство дало свое слово и должно его сдержать. Не может быть и речи о том, чтобы откладывать эвакуацию области до той поры, когда будут возведены новые укрепления. Этот пункт он просит полностью исключить из дискуссии, ибо чешское правительство получит гарантию за свои уступки. Вообще же он, как и г-н Чемберлен, считает, что присутствие чешского представителя, с которым можно было бы в нужном случае проконсультироваться, было бы полезным. Это кажется ему полезным в первую очередь для того, чтобы избежать беспорядков, которые могут легко возникнуть в таком деликатном деле, как уступка территории. Нужно сделать все, чтобы предотвратить хаос.

Фюрер ответил на это, что если запрашивать согласия чешского правительства по каждой детали, то нельзя ожидать решения раньше чем через 14 дней. Предложение дуче предусматривает создание комиссии, в которой будет заседать также и представитель чешского правительства. Он заинтересован прежде всего в гарантиях великих держав, которые должны использовать свой авторитет для того, чтобы чешское правительство прекратило преследования и разрушения.

Премьер-министр Чемберлен ответил на это, что он не считает нужным больше ждать. Но прежде чем он возьмет на себя гарантию, он должен знать, сможет ли он ее выполнить; по этой причине он и приветствовал бы, если бы в соседней комнате находился представитель Праги, от которого можно было бы получить заверения.

Фюрер ответил, что в настоящее время такого чешского представителя, который мог бы авторитетно говорить от имени своего правительства, здесь не имеется. Его интересует вопрос, что произойдет, если чешское правительство не примет предложений великих держав. В настоящий момент разрушено 247 мостов и еще большее количество домов.

Итальянский премьер-министр заявил, что и ему кажется невозможным ожидать чешского представителя. Великие державы должны взять на себя моральную гарантию за эвакуацию и недопущение разрушений. Они должны указать в Праге на то, что чешское правительство должно принять эти требования,

в противном же случае оно должно будет нести последствия военного характера. Речь идет о своего рода просьбе великих держав, которые будут нести моральные обязательства за то, чтобы эта территория не была передана совершенно опустошенной.

Премьер-министр Чемберлен ответил, что он охотно имел бы здесь чешского представителя, а, впрочем, сроки, которые предложил дуче, он считает весьма разумными. Он готов поставить под этим свою подпись и сообщить чешскому правительству, что ему следует их принять. Он не может, однако, брать на себя никакой гарантии, пока он не знает, как он сможет ее выполнить. Кроме того, следует разрешить несколько отдельных вопросов: какие полномочия будет иметь международная комиссия и какой режим будет господствовать на территории, когда эта последняя будет эвакуирована? Он не сомневается в том, что фюрер поддержит порядок и позаботится о том, чтобы не подвергались преследованиям те жители, которые настроены против аншлюса. Однако некоторые пункты германского меморандума вызвали в Англии недоумения. Так, например, там задавали себе вопрос, что должен обозначать тот пункт, по которому с этой территории нельзя угонять скот. Означает ли это, что крестьяне будут высланы, а их скот останется?

Фюрер ответил, что на территории, которая должна отойти к Германии, будут, само собой разумеется, действовать германские законы. Впрочем, сейчас имеет место как раз обратное. В настоящее время чехи угоняют скот, принадлежащий немецким крестьянам, а не наоборот. Решающим представляется то, будет ли этот вопрос рассматриваться как германо-чешский конфликт, который будет разрешен в течение 14 дней, или же как проблема европейского значения. Если речь идет о европейской проблеме, тогда великие державы должны бросить на чашу весов свой авторитет и взять на себя ответственность за то, чтобы передача произошла в надлежащей форме. В том же случае, если чешское правительство не пожелает принять эти предложения, будет ясно, что величайший авторитет морального характера, который вообще должен был бы существовать, а именно, авторитет, воплощенный в подписях собравшихся здесь четырех государственных деятелей, окажется недостаточным. В этом случае вопрос сможет быть решен только применением силы.

Премьер-министр Чемберлен ответил, что не имеет никаких возражений против предложенных сроков. Чешский вопрос является европейским вопросом, и его решение является для великих держав не только правом, но и долгом. Они должны также позаботиться о том, чтобы чешское правительство по безрассудству и упрямству не отказалось от очищения территории. Он хотел бы правильно применить авторитет великих держав и поэтому предлагает сначала раздать план дуче и на короткое время прервать заседание, чтобы можно было изучить этот план. Такая процедура не означает промедления.

Премьер-министр Даладьё сказал, что он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких областей. Он встал на эту точку зрения, несмотря на то, что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор.

В том случае, если привлечение к работам совещания представителя Праги наталкивается на трудности, он готов отказаться от этого, так как все дело в том, чтобы вопрос был решен быстро.

Фюрер ответил на это, что если документ с подписями четырех государственных деятелей все-таки будет отвергнут пражским правительством, то, значит, Прага в конечном счете уважает только силу.

*Документы и материалы кануна Второй мировой войны.
1937–1939. Т. 2. М.: Политиздат. 1981. С. 229–233.*

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И ИТАЛИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В МЮНХЕНЕ

29 сентября 1938 г.*

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.

2. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3. Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4. Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте**, будут заняты германскими войсками в следующем порядке:

Зона, обозначенная цифрой I, — I и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III, — 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV, — 6, 7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этно-

* Подписано в Мюнхене во 2 часу ночи 30.09.1938.

** Карта не публикуется.

графического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения воен. и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Адольф Гитлер,
Невилл Чемберлен,
Эдуард Даладье,
Бенито Муссолини

ДОПОЛНЕНИЕ К СОГЛАШЕНИЮ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию. (Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством. (Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии. (Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь. (Следуют те же подписи)

*Документы и материалы кануна Второй мировой войны.
1937–1939. Т. 2. М.: Политиздат. 1981. С. 236–238.*

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧЕХОСЛОВАКИИ О ПРЕБЫВАНИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В МЮНХЕНЕ*

29 сентября 1938 г.

Наш самолет вылетел из Рузине в 3 часа дня 29 сентября 1938 г. Через 1 час 20 мин. мы были в Мюнхене. На аэродроме нам был оказан прием, предназначенный для лиц, подозрительных с точки зрения полиции. В полицейском автомобиле в сопровождении сотрудников гестапо нас отвезли в отель «Регина», где помещалась также английская делегация. Поскольку конференция была уже в полном ходу, нам было трудно связаться с руководящими членами французской или английской делегаций; все же мы вызвали по телефону сначала г-на Роша, а потом г-на Эштон-Гуэткина. Последний сказал мне, что хочет немедленно поговорить со мной в отеле.

Первая встреча у меня произошла с ним в 7 час. вечера. Г-н Гуэткин очень нервничал и был весьма скуп на слова. Из его осторожных замечаний я понял, что какой-то план, содержание которого г-н Гуэткин пока не мог мне сообщить, уже почти готов и что план этот намного хуже, чем англо-французские предложения. По нашей красной карте я разъяснил ему все наши действительно жизненные интересы, и он проявил известное понимание в вопросе о Моравском коридоре, хотя он совершенно игнорировал другие стороны проблемы.

По его словам, конференция должна закончиться самое позднее завтра, в субботу. До сих пор ни о чем другом, кроме как о Чехословакии, не было речи. Я обратил его внимание на последствия подобного плана с точки зрения внутренней политики, экономики и финансов. Он ответил, что я не представляю, как тяжела ситуация для западных держав и как тяжело вести переговоры с Гитлером. Затем г-н Гуэткин уехал на конференцию, обещав, что мы будем вызваны в первый же перерыв.

В 10 час. вечера г-н Гуэткин вызвал д-ра Мастны и меня к сэру Горасу Вильсону, где последний в присутствии г-на Гуэткина и по ясно выраженному желанию г-на Чемберлена разъяснил нам в главных чертах новый план и передал нам карту с обозначением областей, которые будут немедленно оккупированы. На мои возражения он дважды ответил совершенно определенно, что ничего не может прибавить к своим заявлениям. Он оставил без внимания наши указания о величайшем значении для нас определенных мест и территорий. Когда он ушел на конференцию, мы остались одни с г-ном Гуэткином. Мы оба снова подробно объяснили ему необходимость пересмотра плана. Самым важным был его ответ г-ну Мастны, в том смысле, что британская делегация одобряет новый немецкий план.

* Запись сделана референтом МИД Чехословакии Г. Масаржиком в Мюнхене 30 сентября в 4 часа утра.

Когда он снова заговорил о трудностях переговоров с Гитлером, я сказал ему, что все зависит в действительности от твердости двух западных великих держав, на что Гуэткин заявил весьма серьезным тоном: «Если вы этого не примете, то вы будете улаживать ваши дела с Германией в полном одиночестве. Может быть, французы будут выражаться более любезным языком, но я заверяю вас, что они разделяют нашу точку зрения. Они в свою очередь отстранятся...»

В 1 час 30 мин. нас повели в зал конференции, где собрались г-н Невиль Чемберлен, г-н Даладье, сэр Горас Вильсон, г-н Леже, г-н Гуэткин, г-н Мастны и я. Атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора. Французы явно были смущены и, казалось, сознавали, какое значение имеет это событие для престижа Франции. Г-н Чемберлен в кратком вводном слове упомянул о только что заключенном соглашении и дал г-ну Мастны для прочтения текст соглашения. При чтении текста мы в нескольких случаях просили объяснений. Так, я просил Леже и Вильсона соблаговолить объяснить слова «preponderantly German character»* в ст. 4. Г-н Леже ничего не сказал о процентном отношении, а лишь сказал, что это вопрос о большинствах, исчисляемых согласно с принятыми нами предложениями. Г-н Чемберлен тоже подтвердил, что дело идет только об осуществлении уже принятого нами плана. Когда мы дошли до ст. 6, я спросил г-на Леже, должны ли мы видеть в ней клаузулу об охране наших жизненных интересов, как это было нам обещано в их первоначальных предложениях. Г-н Леже ответил: «Да», но что это может иметь место только и малых размерах и что этот вопрос будет входить в компетенцию международной комиссии. Д-р Мастны спросил г-на Чемберлена, будет ли чехословацкий член комиссии иметь такое же право голоса, как и другие члены, на что Чемберлен ответил утвердительно. На вопрос, будут ли в плебисцитной зоне расположены международные или британские вооруженные силы, мы получили ответ, что этот вопрос еще обсуждается, но что возможно также участие итальянских и бельгийских войск.

Пока г-н Мастны говорил с Чемберленом о менее значительных вопросах (Чемберлен при этом непрерывно зевал и не обнаруживал никаких признаков смущения), я спросил Даладье и Леже, ожидают ли от нашего правительства какой-либо декларации или ответа на предложенное нам соглашение. Г-н Даладье, который явно находился в состоянии растерянности, ничего не отвечал, г-н Леже ответил, что четыре государственных мужа не располагают большим количеством времени, и определенно заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, что считают план принятым и что наше правительство должно сегодня, не позже 5 час. утра, послать своего представителя в Берлин на заседание международной комиссии. А затем он сказал, что чехословацкий чиновник, которого мы пошлем, должен быть в Берлине в субботу для того, чтобы определить детали эвакуации первой зоны. Атмосфера становилась все более угнетающей для всех присутствующих.

* Преимущественно немецкий характер (англ.).

Нам было объяснено довольно грубым образом и притом французом, что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления.

Г-н Чемберлен не скрывал своей усталости. После того как текст был прочтен, нам была передана другая, слегка исправленная карта. Мы простились и ушли. Чехословацкая Республика в границах 1918 г. перестала существовать. В передней я еще говорил с Роша, который меня спрашивал, какова будет реакция на нашей родине. Я коротко ответил, что не исключаю и самого худшего и что надо быть подготовленными к серьезнейшим событиям.

*Документы и материалы кануна Второй мировой войны.
1937–1939. Т. 2. М.: Политиздат. 1981. С. 233–236.*

ИНФОРМАЦИЯ НАЧАЛЬНИКА КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧЕХОСЛОВАКИИ Я. ИНЫ О ПЕРЕДАЧЕ ТЕКСТА МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЧЕХОСЛОВАКИИ

30 сентября 1938 г.

30 сентября 1938 г. в 5 часов утра мне позвонил д-р Орт, дежуривший ночью в министерстве, и передал, что из германской миссии просят, чтобы министр д-р Крофта принял в 6 часов их поверенного в делах. Последний должен сообщить министру решение мюнхенской конференции четырех держав. Я подумал, не лучше ли было бы, если бы Генке принял заведующий политическим отделом посланник Крно или его заместитель советник министерства д-р Чермак. Своими соображениями я поделился по телефону с посланником Смутным, который с ними согласился. В половине шестого я позвонил министру и передал просьбу германской миссии. Министр решил лично принять поверенного в делах Германии. Я приехал в министерство около 6 часов и информировал министра о сообщении Германского информационного бюро, которое уже передало ночью текст мюнхенского соглашения четырех держав. В это время позвонили из германской миссии и сообщили, что Генке приедет позже. Он приехал в 6 час. 15 мин., и министр сделал следующую запись о его визите: «Генке вручил мне мюнхенское решение вместе с письмом, приглашающим нашего представителя в Берлин сегодня в 17 часов. Он сказал, что карту передаст английская миссия. Ему не поручалось делать какие-либо дополнения к письму. Он только заметил, что, по его мнению, нет разницы между Берхтесгаденом и Годесбергом».

Тем временем в министерство явились посланник Крно с д-ром Чермаком и посланник Смутный. Министр Крофта говорил по телефону с председателем правительства генералом Сыровым, а г-на президента республики информировал посланник Смутный. Президент пригласил к половине десятого лидеров политических партий. Совет министров собрался в Коловратском дворце, а позже — совместно с политической семеркой, с представителями политических партий и с генералами — у г-на президента республики.

Французский, английский и итальянский посланники обратились до полудня к посланнику Крно с просьбой, чтобы их принял министр д-р Крофта, для того чтобы услышать от него решение правительства. Они хотели узнать решение до 12 часов. Однако, так как министр вернулся от президента только в 12 часов, посланники могли быть приняты лишь в 12 часов 30 минут. Они вошли к министру все вместе, и он заявил: «Au nom du President de la Republique et de mon gouvernement, je declare, que nous nous soumettons aux decisions prises a Munich sans nous et contre nous. Notre point de vue vous sera explique par ecrit. Pour le moment je n'ai rien a ajouter. Je veux settlement attirer votre attention a la necessite de persuader le gouvernement allemand que la campagne de presse et de radio menee

contre nous depuis des semaines devrait maintenant cesser, parce que, autrement, il serant impossible de realiser paisiblement le programme etabli a Munich»^{*}.

Посланник де Лакруа не скрывал, что согласен с заявлением министра о том, что решение было принято «contre nous»^{**}, и сообщил, что Даладье высказывает по этому поводу «ses vifs regrets»^{***}. Ньютон заявил, что Чемберлен сделал для нас все, что мог. Франзони ничего не добавил. Министр закончил беседу так: «Я не хочу критиковать, но для нас это катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить своему народу спокойную жизнь. Не знаю, получают ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы, во всяком случае, не последние. После нас та же участь постигнет других».

Д-р Ина

*Документы и материалы кануна Второй мировой войны.
1937–1939. Т. 2. М.: Политиздат, 1981. С. 238–240.*

^{*} «От имени президента республики и от имени правительства я заявляю, что мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас. Наша точка зрения будет вам изложена в письменном виде. В настоящее время мне нечего добавить. Я хочу только обратить ваше внимание на необходимость убедить германское правительство в том, что кампания, которая проводится в прессе и по радио против нас уже в течение нескольких недель, должна быть сейчас прекращена, так как в противном случае станет невозможным мирное осуществление программы, принятой в Мюнхене» (фр.).

^{**} Против нас (фр.).

^{***} Свои глубокие сожаления (фр.).

АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

30 сентября 1938 г.

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англо-германское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

А. Гитлер
Невиль Чемберлен

*Документы и материалы кануна Второй мировой войны.
1937–1939. Т. 2. М.: Политиздат, 1981. С. 241.*

ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

6 декабря 1938 г.

Г-н Жорж Бонне, министр иностранных дел Французской Республики, и г-н Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха, действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.

2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.

3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую Декларацию, которая немедленно вступает в силу.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.

Жорж Бонне
Иоахим фон Риббентроп

*Документы и материалы кануна Второй мировой войны.
1937–1939. Т. 2. М.: Политиздат, 1981. С. 257.*

НОТА ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

Москва, 16 марта 1939 г. № А/465/39

Господин Народный Комиссар,

По поручению моего правительства имею честь сообщить правительству Союза Советских Социалистических Республик нижеследующее:

Чешский президент по своему желанию был принят вечером 14 марта фюрером и германским рейхсканцлером. На состоявшемся совещании достигнуто соглашение, точный текст которого гласит:

«Фюрер и рейхсканцлер в присутствии министра иностранных дел фон Риббентропа сегодня приняли чехословацкого президента доктора Гаха и чехословацкого министра иностранных дел доктора Хвалковского по желанию последних. Во время этой встречи было с полной откровенностью подвергнуто рассмотрению серьезное положение, создавшееся в результате событий последних недель на бывшей до сих пор чехословацкой государственной территории. Обеими сторонами единодушно было высказано убеждение, что целью всех усилий должно быть обеспечение спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Чехословацкий президент заявил, что для достижения этой цели и для окончательного умиротворения он с полным доверием передает судьбы чешского народа и страны в руки фюрера германского государства. Фюрер принял это заявление и высказал свое решение взять чешский народ под защиту германского государства и гарантировать ему соответственное его особенностям автономное развитие его народной жизни. В удостоверение сего данный документ изготовлен и подписан в двух экземплярах.

Берлин, 15 марта 1939 года

Адольф Гитлер
Доктор Гаха
Фон Риббентроп
Доктор Хвалковский»

В соответствии с вышеизложенным соглашением, вчера в 6 часов утра германские войска перешли чехословацкую границу и будут заботиться о восстановлении порядка в Чешской области. Доктор Гаха и доктор Хвалковский согласились со всеми необходимыми мероприятиями, которые будут нужны для прекращения какого-либо сопротивления и избежания пролития крови.

Соответствующие указания даны подлежащим военным и гражданским чешским учреждениям.

Таким образом, нужно полагать, что процесс занятия и освобождения страны совершится в полном спокойствии и порядке.

Примите и пр.

Шуленбург

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боев Борис, доктор по истории (Софийского университета) с защищенной диссертацией, Софийский университет им. Св. Климентия Охридского (Болгария).

Буневич Дмитрий Сергеевич, директор Института русско-польского сотрудничества.

Казак Олег Геннадьевич, к. и. н., преподаватель Минского городского педагогического колледжа (Белоруссия).

Киселёв Александр Александрович, к. и. н., доцент Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Белоруссия).

Марьина Валентина Владимировна, д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

Матвеев Геннадий Филиппович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Мельтюхов Михаил Иванович, д. и. н., старший научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

Назаров Олег Геннадьевич, д. и. н., обозреватель журнала «Историк».

Платошкин Николай Николаевич, д. и. н., заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета (МосГУ).

Плотников Алексей Юрьевич, д. и. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), член Российской ассоциации историков Второй мировой войны.

Суржик Дмитрий Викторович, к. и. н., ученый секретарь Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук.

Чарльз Аллен, историк-исследователь (США).

Шевченко Кирилл Владимирович, д. и. н., профессор Филиала РГСУ в Минске, заведующий Центром евразийских исследований РГСУ в Минске (Белоруссия).

Шубин Александр Владленович, д. и. н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр I Карагеоргиевич — 34, 140
 Александровский С. С. — 45, 46, 75
 Анкерштайн Ф. — 234, 235, 236, 237, 241, 242, 243, 244, 250
 Аргентинский И. — 200
 Астахов Г. А. — 44
 Бадер К. — 152
 Барту Л. — 34, 81, 140
 Бадзяк К. — 231
 Бейен Й. В. — 129
 Бек Л. — 130, 135
 Бек Ю. — 15, 20, 22, 67, 85, 88, 109, 153, 154, 157, 161, 250
 Бела М. — 171, 172
 Беляков А. В. — 97
 Бенеш Э. — 7, 9, 11, 18, 19, 21, 22, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 71, 75, 77, 78, 79, 80, 84, 112, 143, 155, 170, 183, 206, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 233, 270
 Бергер Г. — 26
 Берншторф А. — 130
 Бетлен И. — 169, 172
 Бжезинский З. — 23
 Бломберг В. — 41, 125, 130, 135
 Блум У. — 25
 Болдуин С. — 130, 131
 Боле Э. — 113
 Бонне Ж. — 265
 Борис III, царь Болгарии — 17, 193, 194, 196, 197, 201, 202
 Бортновский В. — 96
 Боршоиды И. — 169, 170, 171
 Бранднер В. — 115
 Браун И. — 25
 Браухич В. — 34
 Бриан А. — 141, 145, 149
 Бродий А. — 184
 Буллит У. — 49, 142, 153
 Бурвиц Г. — 24
 Вайцзеккер Э. — 64, 130
 Вансинарт Р. — 130
 Вильсон Г. — 29, 84, 85, 259, 260
 Воденичарский В. — 199, 202
 (в 33 сновке пропущена «й» в фамилии)
 Волошин А. — 17, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191
 Ворошилов К. Е. — 35, 46, 76, 82, 102, 105, 107
 Врангель П. Н. — 28
 Гаек Ф. — 75
 Гайда Р. — 81
 Галифакс Э. — 9, 12, 40, 41, 42, 48, 50, 58, 60, 79, 85, 130, 205, 219
 Гальдер Ф. — 130
 Гаха Э. — 85, 213, 266
 Гедройц Е. — 16
 Гейдрих Р. — 18, 113, 208, 209
 Гелен Р. — 24, 25, 26, 29, 31
 Генлейн К. — 36, 37, 39, 41, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 77, 78, 80, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 133, 145, 170, 171
 Генчев Н. — 195, 201, 202
 Геншке А. — 62
 Гёрделер К. — 130
 Геринг Г. — 15, 31, 63, 114, 126, 153
 Геровский А. — 183
 Герцеф Ф. — 169
 Гесс Р. — 113
 Гиммлер Г. — 24, 26, 35, 113, 119, 120, 121
 Гинденбург П. — 28, 125
 Гирса В. — 151
 Гитлер А. — 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 27, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 67, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 107, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 122, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 139, 143, 144, 149, 151, 152, 154, 156, 168, 169, 185, 187, 189, 190, 194, 195, 196, 197, 198, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 212, 213, 217, 220, 233, 257, 259, 260, 264, 266
 Гоголак Л. — 171, 172, 173
 Годжа М. — 183
 Голешный Ю. — 246
 Гольде Ш. — 224
 Грицак Я. — 191, 192
 Гус Я. — 81
 Гуттры В. — 240
 Даладь Э. — 6, 17, 19, 22, 54, 60, 62, 76, 80, 81, 83, 84, 132, 140, 144, 194, 205, 217, 218, 219, 231, 252, 253, 254, 257, 260, 263
 Далюге К. — 120
 Дараш Г. — 174, 175
 Дафф Купер А. — 129, 131
 Делакура В. — 45, 54, 68
 Деникин А. И. — 28
 Дёниц К. — 213
 Деньчала Я. — 240
 Джабара Карлей М. — 6, 23
 Джонсон Л. — 25
 Дмовский Р. — 159
 Добрянский А. — 179
 Дольфус Э. — 34
 Драганов Д. — 195, 201
 Дренчев М. — 199, 202
 Дриммер В. Т. — 233, 234, 236
 Дртина П. — 62
 Духнович А. — 179, 180
 Егоров А. И. — 76
 Ежов Н. И. — 102, 105
 Жданов А. А. — 105
 Залеский В. Ю. — 234, 236, 237, 241
 Златарский В. — 198, 201
 Иванов Ф. С. — 97
 Иден Э. — 42, 131, 218, 219, 221, 222
 Имреди Б. — 64, 65
 Йиржина В. — 213
 Кавалец Т. — 234
 Каганович Л. М. — 102, 105
 Канарис Ф. В. — 114, 116
 Каракостов С. — 199
 Караман В. — 186
 Качиньский Л. — 229, 230
 Кейтель В. — 133, 136
 Келлог Ф. — 141, 145, 149
 Кеннан Дж. — 25
 Кеннеди Дж. — 31
 Кесеиванов Г. — 201
 Кёстер Р. — 130
 Кехлинг Ф. — 116, 117, 120, 122
 Клаус В. — 226
 Клейст-Шменцин Э. — 130
 Клофач В. — 181

Кобели Р. — 234
Кобр М. — 64, 65
Ковальский В. — 242, 245
Ковальский Т. — 234
Колчак А. В. — 28
Коль Г. — 226
Коминек Ю. — 234, 240, 243, 245
Кот П. — 81
Крамарж К. — 204, 214
Крейчи Л. — 57, 59, 64, 76, 206
Кретинин С. В. — 87, 210, 215
Крофта К. — 43, 44, 57, 58, 60, 63, 65, 66, 68, 79, 84, 182, 262
Кроснарж Й. — 81
Кузнецов Ф. И. — 98
Кулиг П. — 247
Курсель О. — 113, 122
Куфа Ю. — 247
Ламмель Р. — 118, 123
Ленин В. И. — 32, 33
Линдберг Ч. — 31
Липиньский В. — 234, 237, 242, 243, 248, 250
Липский Ю. — 149, 150, 151, 152
Литвинов М. М. — 12, 24, 46, 76, 78, 79, 80, 81, 216
Ллойд Джордж Д. — 132
Лоренц В. — 113, 122
Лукасевич Ю. — 142, 153
Луков Х. — 196
Магочи П. Р. — 204
Майский И. М. — 40, 131, 132, 136, 216
Макнамара Р. — 25
Макрон Э. — 30
Мальский Ф. — 237
Маркс К. — 32
Масаржик Г. — 10, 62, 84, 259
Масарик Т. — 81, 148, 170, 179, 181
Масарик Я. — 40, 42, 48, 50, 53, 58, 59
Мастны В. — 10, 49, 62, 84, 260
Машкевич С. — 88, 159, 161, 162, 166
Мезник Я. — 182
Мельчевский Я. — 240
Меркель А. — 30, 230
Мильеран А. — 8
Мирчева Х. — 195, 201
Митренга П. — 240, 245
Модрачек Ф. — 204
Мой Л. — 242
Молотов В. М. — 7, 8, 20, 46, 61, 102, 105, 220, 222, 223, 230
Моравек Э. — 172, 173
Моравец Ф. — 75
Моро А. — 26
Морозов С. В. — 20, 109, 157, 158, 231, 250
Москов А. — 199, 202
Мосщицкий И. — 154

Мунтере В. — 8, 20
Муссолини Б. — 6, 9, 21, 22, 28, 33, 34, 60, 83, 144, 157, 197, 205, 225, 251, 257
Мэттис Дж. — 23, 27
Мюллер К. — 209
Мюллер Ф. — 211
Наполеон I, император француз — 29
Недев Н. — 199, 201, 202
Нейрат К. — 149, 150, 151, 152, 207, 208
Нимейер О. — 128
Норман М. — 128
Ньютон Б. — 41, 43, 45, 46, 51, 54, 58, 67, 68, 79, 263
Олведи Я. — 173, 174
Осуский Ш. — 53
Падеревский И. — 8
Палас О. — 103
Палацкий Ф. — 170
Папэ К. — 67
Пейков А. — 200
Петлюра С. — 28
Петрова Д. — 195, 201
Пилсудский Ю. — 28, 96, 149, 156, 158
Полишенский Й. — 213
Потёмкин В. П. — 82, 102, 105, 143
Прохазка К. — 75
Прухник А. — 164
Путин В. В. — 230
Пфогнер А. — 120
Пуль Э. — 128
Рабджийская А. — 196, 202
Райхертс М. — 7
Ремезов Ф. Н. — 97
Ренделл Дж. — 194, 198
Ренсимен У. — 50, 51, 205
Риббентроп И. — 7, 8, 20, 61, 78, 184, 220, 230, 265, 266
Рипке Г. — 217
Розенберг А. — 129, 136
Ромер А. — 162, 163
Рузвельт Ф. — 10, 31, 218, 221
Рыдз-Смиглы Э. — 161
Саймон Дж. — 151
Салаши Ф. — 172
Самусь П. — 231
Секфю Д. — 169
Сельтерс К. — 8
Семков М. — 195, 201
Сикора В. — 240, 244
Сикора Я. — 240
Сикорский В. — 67
Скирумунт К. — 151
Славик Ю. — 65, 66, 67, 219
Смутный Я. — 218, 262
Сталин И. В. — 12, 46, 74, 79, 97, 101, 102, 105, 107, 109, 110, 194, 213, 221, 223, 227

Стахевич В. — 232
Суриц Я. З. — 39, 216
Сыровы Я. — 57, 58, 81, 119, 262
Текели К. — 240
Тирпиц А. — 32
Тисо Й. — 156
Трампа Д. — 4, 27, 76
Уинтерботэм Ф. — 129, 136
Уманский К. А. — 218
Уотсон Т. — 31
Фалин В. М. — 8, 21
Феймонвил Ф. — 134
Фенчик С. — 182
Ференц II Ракоши — 171, 172
Фирлингер З. — 82, 217, 221, 223
Форд Г. — 31
Фош Ф. — 138
Франк К. Г. — 116, 121, 207, 208
Франко Ф. — 31, 34
Фрич В. — 125, 130, 135
Фрыч К. — 163
Функ В. Э. — 128
Хамсуорт Г. — 130
Хёрст У. Р. — 130
Хёш Л. — 130
Хойзингер А. — 24, 25, 29
Хорошкевич Э. — 250
Хорти М. — 169
Хулька-Ласковский П. — 165
Хэлл К. — 225
Чапек К. — 9
Чайлд Р. — 33
Чемберлен Н. — 6, 7, 10, 17, 19, 22, 29, 31, 42, 48, 51, 53, 54, 58, 60, 61, 62, 66, 76, 77, 78, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 130, 131, 132, 133, 140, 144, 146, 194, 205, 217, 218, 219, 231, 251, 252, 253, 254, 257, 259, 260, 261, 263, 264
Черчилль У. — 31, 86, 87, 130, 136, 138, 142, 145, 218, 219, 220, 223, 227, 230
Чуйков В. И. — 98
Шапров М. С. — 43
Шахт Я. — 125, 126, 127, 135, 137
Шерпенберг Х. — 130
Шелли П. — 145
Шиндлер Ф. — 242
Шипровский М. — 234, 240, 242, 248, 250
Ширер У. — 6, 37, 69, 77, 86, 87
Шмитц Г. — 128
Шуман Ф. — 24
Эванс Р. — 151, 157
Эдуард VIII, король Великобритании — 130
Экхард Ш. — 169
Энглтон Дж. — 33, 34
Эрхарт А. — 26
Ярош О. — 19

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>Вероника Крашенинникова</i>	3
Мюнхенский пролог Второй мировой войны (от ответственного редактора) Олег Назаров	6
Уроки истории: Мюнхен-1938 Чарльз Аллен	22
Мюнхенский кризис 1938 г.: вызревание и развязка (по чехословацким документам и мемуарам Э. Бенеша) Валентина Марьина	36
СССР против «умиротворения» агрессора: коллективная безопасность и Мюнхенский сговор Александр Шубин	74
Красная армия и Чехословацкий кризис 1938 г. Михаил Мельтюхов	89
Сотрудничество судетских немцев с вооруженными силами и спецслужбами нацистской Германии во время Мюнхенского кризиса 1938 г. Николай Платошкин	111
Политэкономия мюнхенского предательства Дмитрий Суржик	124
Мюнхенский сговор в контексте международных отношений межвоенного периода Алексей Плотников	138
Польша и Судетский кризис 1938 г. Дмитрий Буневич	147
Чехословацкий кризис 1938 г. на страницах польской прессы Александр Киселёв	159
Мюнхен-1938 в общественно-политической мысли Венгрии (1938) Олег Казак	168
Мюнхенский сговор 1938 г. как катализатор насильственной украинизации русинов Чехословакии Кирилл Шевченко	178

Мюнхенское соглашение 1938 г. и социально-политическая ситуация в Болгарии (основные тенденции)	
Борис Боев.....	193
Этнокультурные последствия Мюнхена-1938 для чехов: национальная политика нацистского рейха в протекторате Богемия и Моравия в 1939–1945 гг.	
Кирилл Шевченко	203
Борьба за признание Мюнхенского соглашения недействительным. 1939–1945 гг.	
Марьяна Валентина	216
Приложения	229
Как Польша участвовала в расчленении Чехословакии в 1938 г.	
Геннадий Матвеев.....	229
Запись хода конференции в Мюнхене, сделанная делегацией Германии. 29 сентября 1938 г.	251
Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, заключенное в Мюнхене. 29 сентября 1938 г.	256
Записка министерства иностранных дел Чехословакии о пребывании чехословацкой делегации в Мюнхене. 29 сентября 1938 г.	259
Информация начальника канцелярии министра иностранных дел Чехословакии Я. Ины о передаче текста Мюнхенского соглашения правительству Чехословакии. 30 сентября 1938 г.	262
Англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г.	264
Франко-германская декларация от 6 декабря 1938 г.	265
Нота Германского посольства правительству СССР от 16 марта 1939 г.	266
Сведения об авторах.....	267
Именной указатель	268

Мюнхен-1938
Падение в бездну Второй мировой

Ответственный редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Е. Г. Иванова*

ООО «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 20.08.2018
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 23,8
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-9950-0932-0

МЮНХЕН-1938

Падение в бездну Второй мировой

«Мюнхен был, прежде всего, ярким свидетельством того, что европейские парламентские демократии... пали на самое дно. Они хотели обеспечить мир, по их словам, мир для Европы, но только для своей Европы и ценой переориентировки нацистского военного голема на Восток».

— Людвик Свобода, президент Чехословакии

«Наши друзья и союзники принудили нас принять условия, которые обычно предлагают побежденному противнику. Не недостаток мужества заставил нас принять решение, от которого сжимаются наши сердца... Не будем осуждать тех, кто покинул нас в момент катастрофы: свой суд по поводу этих дней произнесет история».

— Гуго Вавречка, министр правительства Чехословакии

«Если страна, выбирая между войной и позором, выбирает позор, она получает и войну, и позор».

— Уинстон Черчилль,
премьер-министр Великобритании

